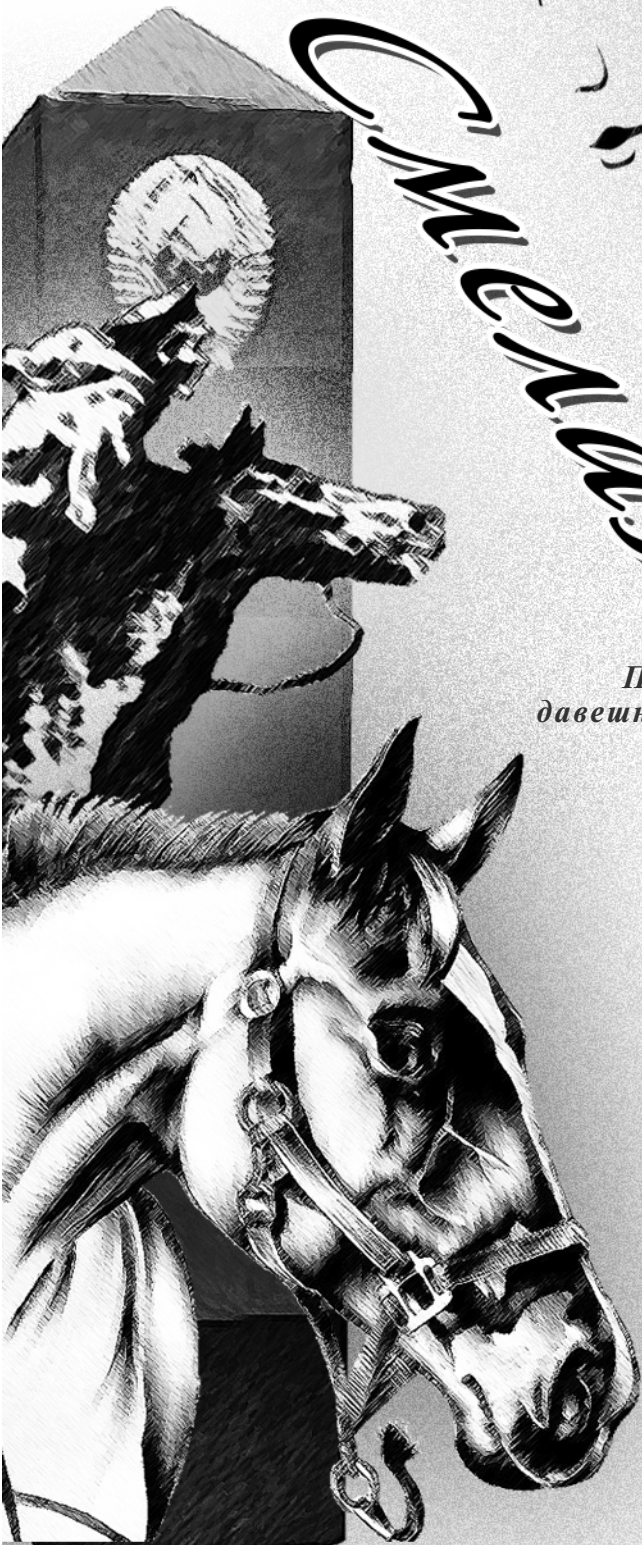

Валерий МОРОЗОВ

г. Ногинск Московской обл.

Смена

*Повесть
давешних лет*

Я убил ее с первого выстрела.

Не стану скромничать, неплохо научила стрелять меня армия. Многие советовали мне эту способность развивать, пока идет срочная служба, а на гражданке заняться стрелковым спортом вплотную. Может быть, даже профессионально.

Всерьез заговорили об этом сразу после летних соревнований по стрельбе, где я шелушил бегущие поясные и ростовые мишени как жареные семечки. На этот турнир съехались лучшие стрелки со всех застав и подразделений нашего пограничного отряда. Были заявлены солдаты срочной службы вроде меня, макаронники¹ и действующие офицеры.

В ходе этих трехдневных баталий я оторвал второе место, уступив всего лишь два очка одному юному лейтенанту, замполиту какой-то там не в силу образцовой именной заставы. Вот уж, воистину, не из тучи гром! Какая уж у них, у офицеров, и подготовка — стрельбы раз в год по обещанию! На «коротком стволе» предпочтительно. А сражались-то на автоматах! Если вспомнить, то я ведь не тренировался — я землю рыл! Но вот поди ж ты... Почти мой ровесник, а смотрел на меня, как приват-доцент на нулевика-пригоготовишку! Да за ради бога, вашбродь! От нас не убудет! Все равно было по ноздри приятно сознавать, что я оставил позади себя чуть не полсотни участников. А командир отряда, полковник Сахаров, вручая диплом и подарок, развернул меня лицом к строю и даже приобнял. Вот, мол! Ну, достойная смена там... Что еще говорят в подобных случаях? Изнутри меня распирало тщеславие и срывало «со швартовых» от гордости. Но я давил эти чувства в себе и только краснел, как китайский новогодний фонарь.

В качестве приза подарили какой-то фибровый кейс, тяжелый, как мемориальная доска. При ближайшем рассмотрении это оказался «Набор автомобилиста» — ключи, отвертки, пассатижи... А меня ДОСААФ готовил по сектору радиосвязи. Совсем другой «департамент». Что-то они там напутали. А и понять их можно — ну что подарить связисту-телеграфисту? Не бухту же провода сечением в полтора квадрата навесить на него вместо лаврового венка!

Зато по возвращении на заставу этому пода-

¹ Макаронники — сверхсрочники.

рочному чемодану был несказанно рад наш во-
дила Арканя Головизнин, постоянно ремонти-
рующий капитанов, начальника заставы, уазик,
в простонародье прозываемый «козлом». Дран-
дулет, разумеется. Не Аркадий же, ясен перец!
Аркаша у нас герой! Я зову его другим прозви-
щем — «задержанец».

Ну, то есть участвовал в задержании нару-
шителя границы. Расскажу при случае. Ситуа-
ция была комическая, но 10 дней отпуска на
родину и медаль «За отличие в охране государ-
ственной границы СССР» самые что ни на
есть серьезные и настоящие.

Диплом мой капитан забрал к себе в канце-
лярию и заключил в рамку. Хвастануться при
случае перед заезжим руководством. Все мои
трофеи разошлись по чужим рукам. А «при-
ват-доцент» уехал домой с внеочередным зва-
нием и именными часами.

Этому своему успеху я обязан, мне кажется,
двум обстоятельствам. Первое — природное.
Еще мама рассказывала, что иногда просыпа-
лась в беспокойстве и, подойдя к моей кроват-
и, с замиранием сердца ждала, когда же я сде-
лаю очередной вдох. «Ты спишь, сынок, и по-
долгу не дышишь... Я тревожусь, однако. Оде-
яло твое не шевелится. То и дело мнится — уж
не помер ли ты. Чирей мне на язык, прости,
Господи!» — говорила она поутру.

Подолгу не дышать я мог и под водой. Не ка-
кую-нибудь там Грязнуху, а нашу нормальную
реку Исеть на спор с пацанами на одном вдохе
переныривал туда и обратно. С разбегу уходил
под воду, на десятом гребке открывал глаза,
отыскивая противоположный берег, спустив
труссы, обнаруживал над водной гладью моим
спорщикам незагорелую «пятую точку» и шел
обратно, выныривая опять же на десятом гребке
под восхищенные матерки пацанов и девчачий
визг! Да и большая часть раков, что мы потом ва-
рили всей оравой в закопченном ведре на берегу,
была моя. Что ты! Герой кверху дырой!

Однако, как бы там ни было, эта врожденная
способность (а может, аномалия) надолго задер-
живать дыхание перед выстрелом здорово помо-
гала мне на огневом рубеже. И в учебном пункте,
и на заставе, и на этих памятных соревнованиях.

Усмиряя волнение и вдохи-выдохи, я успевал
успокоиться. Слегка откинувшись, установиться
как надо при стрельбе «стоя». Выстропить корпус

в позиции «с колена» или комфортно утнездить-
ся в положении «лежа с упора». Прикрыть на
мгновение глаза, сделать атмосфере глубокий,
как последний, поцелуй взасос и, сомкнув губы,
окаменеть! Прессуя всю свою волю между указа-
тельным пальцем и спусковым крючком, по
микрону сокращая его свободный ход, я спрям-
ляю и натягиваю до трепетного звона невидимую
струну от зрачка, через прорезь прицела, поверх
«мушки», к заветному черному кружку на мише-
ни, где по центру красуется неверная и каприз-
ная циферка «10». В этот момент единственно
нужная мне на всем белом свете! Я не слышу
выстрелов тех, кто отрабатывает на огневом ру-
беже рядом со мной. Не касаясь меня, плывут
поверху звуки, шорохи, лязг затворов, доклады и
отрывистые команды распорядителей. Внимаю
лишь биению своего сердца. Его набат сейчас
главный, и я начинаю его потихоньку глушить.
Оно, повинувшись, от удара к удару бьется все реже
и реже. И вот, изловив нужную паузу между ред-
кими толчками, поймав этот гулкий провал пол-
нейшей тишины, плавно и нежно, будто ромаш-
ковый лепесток, натягиваю под себя спусковой
крючок. Пуля еще в полете, а я уже знаю: эта вет-
ренная «десяточка» — моя!

И даже сейчас, через много лет, я слышу, как
сопит за спиной, неотрывно контролируя мои
действия, сослуживец и друг, учитель и тренер,
наставник и брат — Валера Паленый.

Валерий Андреевич Паленый. Это, скажу я
вам, персона, заслуживающая пристального
внимания! Каким поначалу я ее не удостоил, что
сделал совершенно напрасно.

От коротких штанишек охотник из забай-
кальских дремучих лесов и редкий индивид с
цельнометаллической психикой и философс-
ким отношением к жизни. Феноменальной фи-
зической силы, безмерной доброты и внутрен-
ней неуязвимости человек! Он передал мне
столько знаний, навыков и приемов в обра-
щении с оружием, что благодаря этому обстоятель-
ству у меня обнаружили способности, о кото-
рых я и не подозревал. Он, как опытный таеж-
ник-промысловик, почуял, кого надо натаски-
вать стрелять белке в глаз, чтоб не попортить
мех, а кого поставить эти шкурки выделывать.
Так что достойное место в соревнованиях по
стрельбе взято никак не мной. Нами!

До конца дней я буду помнить его слова:

«Знай, брат, спорт, как и жизнь, красив победой. А победа красива лишь тогда, когда она вырвана у сильного соперника!»

Помню, в старших классах каждую зиму проводились школьные спартакиады. А лыжные гонки были самой зрелищной дисциплиной. Дважды в трехкилометровых забегах я приходил вторым. Кубок и первое место забирал мой одноклассник Женька Осипов. Мне — диплом за второе место. (Заметили? Вторые места мне падают прямо по карме.)

А вот на третью зиму, — я подрос, окреп и чувствовал в себе соревновательную злость, — оставив далеко за спиной всех участников, пришел первым! Все, конечно, меня поздравляли, и кубок я держал высоко над головой, но... сам пребывал в удручении — Женя в этот день болел и в соревнованиях не участвовал.

Вот вам пример в подтверждение вышесказанной Валерой мудрости! Только Паленого и его тренинг буду считать вторым, но, безусловно, основным обстоятельством, что помогли мне достичь желанного успеха в соревнованиях по стрельбе, до которых было еще ой как далеко...

* * *

С самых первых дней, когда мы, «семеро смелых» новобранцев, прибыли из учебного пункта на погранзаставу и мало-помалу вписались в жесткий ритм нарядов, занятий, дозоров, дежурств и хозяйственных работ, мною было подмечено, что начальник заставы пристально отслеживает все наши успехи и промахи. В жестком ритме жизни боевой и политической. А с особым тщанием — огневую подготовку. Проще говоря, стрельбы. Это, конечно же, прямая его обязанность, но чуть позднее стало понятно, почему так пристально.

Под стеклом у него лежал приказ командира отряда о подготовке к соревнованиям. И кандидат уже был намечен: не кто иной, как ефрейтор второго года службы, мрачный, страдающий запорами увалень Валера Паленый. Как выяснилось позже, в необычных фамилиях на заставе недостатка не ощущалось. Но это так. К слову.

По утрам вышибить Валеру из туалета, белёной покосившейся будки на отшибе (единственного санузла на весь солдатский коллектив), было невозможно не только окриками, снежками, воп-

лями «Пожар!» или «В ружье!», но и бронебойным снарядом из 76-миллиметрового орудия, которого в нашем арсенале, к сожалению, не наблюдалось. Так что в итоге и с тем, и с другим обстоятельствами приходилось мириться.

А в определенные дни и часы Валера с автоматом, казавшимся игрушечным на его квадратной спине, и старшина заставы, высокий пожилой сверхсрочник Коноплев с морским биноклем на выпуклом, поддерживаемом портупеей животе, гуськом удалялись на стрельбище. Там они не по одному часу отрабатывали различные упражнения по какой-то индивидуальной схеме, заточенной, видимо, строго «под Паленого». Выстрелы, доносящиеся со стороны стрельбища, бередают мне сознание и подхлестывают самолюбие.

«Ну и что! — говорю я себе. — Готовится парень к соревнованиям, так и флаг ему в руки! Моя-то персона в этом случае с какого боку припека?»

Но нет! Вот хожу и круглый день думаю о том, как совсем неплохо выглядел бы там и я. И ночь практически на дворе, а сон, как следует, не приходит. А главное, я же прекрасно понимаю, что спор со своим внутренним голосом абсолютно бесперспективен! Ну какие у меня шансы? Кто и куда меня, салагу, пустит?

От неумного нервического крутежа в сырой и вязкой полудреме кровать подо мной сердится и скрипит. Это мое бунтует, вибрируя волнами внутреннего грехопадения, получая периодически «поджопник» от солдата, спящего на нижнем ярусе.

«Но ведь я тоже не слабо стреляю! Да и получше некоторых «штатских», — пытаюсь возражать я моему невидимому собеседнику, что насильно вгоняет меня в тяжелый лоскутный сон. — И смог бы выступить не хуже некоторых «военных»! Ну где? Где этот Паленый?! Давай сразимся, Валера, на результат! Магазин на магазин! До последнего патрона, а? Сшибемся с разбегу в лобовую! Там и поглядим, чей арбуз крепче!»

Я тяжело проваливаюсь вниз, животом сквозь кровать, прямо на огневой рубеж и снимаю автомат с предохранителя. Снег, снег мутной пеленой, мишень плавает в этой кутерьме и не ловится на прицел. Стреляю наобум, стреляю, стреляю... Пули вяло вываливаются из ствола и раскатываются у меня под самым носом рыжим горохом. Выстрелы вместо привычных хлестких

ударов пастушьего бича издают какие-то пошлые щелчки. Явственно ощущаю свое поражение и полное бессилие.

Паленый смотрит презрительно из-за квадратной спины. Старшина, открыв рот, что-то беззвучно кричит мне, колыхаясь животом и потрясая биноклем...

С тягостным усилием проснувшись, вижу перед собой все того же Валеру Паленого, но уже в ином качестве — с повязкой «Дежурный по заставе» на рукаве. Он шелкает пальцами у меня над ухом и говорит шепотом, чтобы не потревожить ребят, спящих рядом:

— Маловеров, пора на службу. Вставай, брат, я и так дал тебе 15 минут лишних...

За окном глубокая ночь, и никому не видно, что я краснею. Мне край как стыдно перед Валеркой за эти мои фантазийные поползновения. Ну, известно же, в конце концов: «На чужой каравай рот не разевай!»

* * *

Но я, по-видимому, все же доигрался. Дофантазировался. Достучался-таки до небес!

И вот. В один из дней, когда Валера в очередной раз маялся животом, старшина Коноплев, выйдя из кабинета начальника, приказным тоном озадачил меня снаряжаться по «полной боевой». Велел опустить у бушлата воротник, подержал ремень, проверяя слабинку, и, накиннув сыромятную петлю от бинокля на свою многострадальную шею, зашагал в сторону стрельбища. Он шел, заложив руки за спину, а бинокль мотался по его животу: вправо-влево, вправо-влево... Он шел и этой своей болтанкой раскачивал мне разум: какого — хрена, какого — хрена?..

Я начинал понимать, что происходит нечто неправильное, и внутренне всему этому противился. Мне стало казаться, что меня притирают к чему-то. Прикладывают мерительный инструмент. Оценивают. Набрасывают прикид и прищуривают пригляд. Ведут, как несмышленого полугодовалого бычка, чтобы продернуть ему в ноздрю кольцо, пока с ним еще можно справиться. Меня просто надкусывают с хрустом, как соленый огурчик на рынке, да еще и кривят рот! «Что, ваше сиятельство, кисловаты? А тогда вот, покорнейше прошу, малосольненькие, трехдённые. Сами отберите,

будьте ласковы... Нет, нет, не извольте ручек трудить, я сам отнесу до кареты...»

Холод пошел у меня по позвоночнику и, упреждая все разговоры, я спросил в упор:

— Товарищ старшина! То, что происходит, кажется вам справедливым?

Коноплев понял все сразу. Помолчал. Как волк, мотнул упрямо шеей, сросшейся с плечами, и проговорил, грассируя:

— Не тебе р-решать, молодой!

— Да почему это не мне?.. — рвалось у меня из сердца.

— По кочану и по капусте, вот почему! Тебе что здесь, дискуссионный клуб? Здесь ар-рмия! Ты все еще не въехал, боец? А пор-ра бы уже!

И, принимая позу петуха на заборе перед заревым «ку-ка-ре-ку», запрокинул голову:

— Для выполнения упр-ражнения в положении «Лежа с упор-ра» товсь!

Я побелел и обострил скулы. «Ах, вот вы как! Ну, тогда держитесь, сукины дети, — грозил неизвестно кому, сводя зубы бульдожьим прикусом, — я вам устрою Варфоломеевскую резню и избиение младенцев! Будет вам Ночь длинных ножей и Восстание раскаленных стволов! Это мы еще поглядим, кто упорнее на растяг и кто прочнее на излом!»

Я взвинтил себя до безрассудного куража и вертикального взлета! Я небрежно стриг купоны, мимоходом снимал сливки и цинично срезал первоцветы. Пулями я изорвал в клочья райские яблочки в центре мишеней. Падали неприступные высоты, и преломлялось пространство. Небо сходилось с землею, и дымился горизонт. Меня пожирал пароксизм, схожий с затяжным оргазмом! Уши сверлили запредельный гибельный звон, и ветер с воем закручивал над бруствером пороховую дымку, мешая ее с поземкой и моим несогласием с происходящим...

Коноплев, округлив глаза, смотрел на эту мистерию искоса и даже, казалось, с некоторой опаской...

* * *

О миг, когда тайное становится явным! Он явиться не замедлил. На крыльце казармы появился Сережка Лузянин с красной повязкой на рукаве и штык-ножом на боку. Дежурный по заставе. Серега неизвестного роду-племени, служит

второй год, в общении простой и контактный парень, но с чуточку завышенной самооценкой по отношению к нам, первогодкам. Ничем особенным, кроме как выправкой под стать орлам из Кремлевского гарнизона, выделиться из общей массы ему не удалось, так бравировал хотя бы тем, что он уже год как не «салага».

Несмотря на эту его несколько неуклюжую игру, мы быстро сдружились. Мне нравились его незлобивость и скорая отходчивость от каких-либо моих подковырок. Но я был дурак, когда думал, что он многого недопонимает в силу некоторой ограниченности. Нет. Он мне эти фортели прощал, как с печальной улыбкой старший брат прощает младшему его закидоны и возрастные необдуманные кульбиты. Начальник заставы любил ставить его дежурным.

Исполнительный и подтянутый Серега служебными обязанностями не манкировал, строго следовал графику нарядов, аккуратно вел записи, умел ночью поднять на службу людей так, чтобы не побеспокоить спящих рядом, а разбуженные не имели причины дуться на бесцеремонность побудки. Себе же на дежурстве не мог позволить не то что сомкнуть глаз, а и расстегнуть у гимнастерки ворот. Ни днем, ни ночью. Службист. В хорошем таком смысле слова. Эта исполнительская закуска у него, видимо, еще от лихих детдомовских лет.

Казалось бы, должно случиться с точностью до наоборот. Ведь, по бытующим представлениям, детдомовцы все как один оторвы и хулиганье! Ан не тот случай! Сережка с малолетства круглый сирота и с жидкой казенной похлебкой навсегда впитал в себя привычку легко сносить этот груз всяческих обязанностей и послушаний, что в избытке предоставляет казарменное «житьё-бытьё». Этот частокोल запретов и уставных ограничений. В то же самое время обладал редким умением никогда этим обстоятельством не тяготиться! Капитан, подзревая, ставя так часто его дежурным, был не прочь лишний раз просто полюбоваться, как Серега, встречая его утром, колесом выгибал грудь, бликующую значком «Отличный пограничник», сунув большие пальцы под ремень, резким движением назад разгонял на гимнастерке складки и рычал приглушенно:

— Застава! Сми-и-р-на! — чеканил два печатных строевых шага начальнику навстречу

и, с оттягом щелкнув каблуками, кидал руку к козырьку:

— Тащ капитан, за время моего дежурства происшествий не случилось! Дежурный по заставе рядовой Лузянин!

Делая шаг в сторону, застыл по стойке «смирно». Ни дать ни взять — молодой рекрут, готовый служить царю-батюшке не то что сверх положенного срока, так ажно и «до самых до смертыньки». Капитану льстило. Он улыбался, говорил «Вольно!» и трепал Серегу по рукаву.

Хорошее настроение хотя бы на утро начальнику было обеспечено. Ну, а все те, кому в данный момент случилось быть рядом, подумали каждый о своем. «Надо будет его снова поставить дежурным, когда тыловики с проверкой прилетят», — подумал капитан. «Надо будет сходить с ним, что ли, в выходной на эту чертову подледную рыбалку, пообщаться теснее», — подумал я. «Надо будет поменять парню гимнастерку. Как махнул-то за год!» — подумал старшина Коноплев. «Надо сказать, что дозор с левого фланга в положенное время не включался. Или уж не надо? Нет, пожалуй, надо», — подумал Серега. «И чего сука выслуживается?» — подумал ефрейтор Танцура, фрондер и дамский угодник из перенаселенного невестами города Иванова, ситцевой столицы матушки-Руси.

Охти мне этот Танцура! Такой переполох однажды устроил, что застава до сих пор не откашлялась. Маленький, конопатый и, как все маленькие и конопатые, не в меру заносчивый. Его недолюбливали и немного завидовали. Недолюбливали, что трепло, каких мало, а завидовали его фотоальбому и тому количеству писем от девчонок, что пачками приходили ему из дома. То, что он родом из Иванова, многое проясняет.

Когда он раскрывал свой альбом, мы, как завороченные дудочкой Крысолова, склонялись над ним тучею. Нам в ответ улыбались такие красавицы! Блондинки и брюнетки, шатенки и рыжие, с шестимесячной завивкой и короткой стрижкой «под мальчика», с немыслимо взбитой «Бабеттой» и с тяжелой русской косой, перекинутой на грудь... И хитрый взгляд из-под челки, и вечернее платье, и короткий халатик, и сарафанчик, и юбка-колокол, и... оба-на! Купальник!

А что за надписи на обороте снимков он читал, небрежно подковырнув холемым ногтем мизинца из альбомных виньеток фото какой-либо из

красавиц! «И люблю, и целую, и одному-единственному, и на всю жизнь, и стихи...»

А главное — со всеми Танцура переспал! Он сыпал подробностями и деталями своих походов напропалую и без стеснения, и мы ведь слушали, прости господи, его постыдную трепотню с открытым ртом. А все лишь по той причине, что большинству из нас наука любви была не по зубам, если не сказать иначе. Потому и «с открытым ртом». У многих до сей поры не было не только интимного опыта, но даже и «девчонок, которые ждут».

Ах, девчонки-кипяченки! Как же, видно, плохи дела в Иваново с мужиками, если такой обмылок, как Танцура, у вас в приличной цене. Но что ты с нами поделаешь? Смотрели и слушали. Запретный плод, сами знаете...

Но однажды (и я этого никак не мог предположить, потому как раньше никогда не случалось) в казарму к нам, собравшимся у танцуриной кровати, подошел, весь в духмяном облаке конского навоза и махорочного смрада, наш повозочный Вася Заболотнев. Местный оригинал и отчаянный матерщинник. Он долго приглядывался к одной из фотографий и вдруг сказал:

— А ну дай-ка вон ту!

— Да это так, проходняк, — Танцура подковырнул снимок ногтем и протянул его Васе, — на одну ночь...

— М..! — (Здесь я должен оговориться, что повторяя за Васей его ненормативные характеристики, как личностные, так и ситуационные, я не стану, заменяя их в дальнейшем пятизначным отточием.) Вы, надеюсь, меня понимаете.

— ! — хохотал Вася, дергая кадыком. — Мужики, он вам баки заливает лошадиной мочой! Танцура!.. Да это же Нина Дорда, певица известная! Из Москвы. Башку даю наотрез! Она к нам с концертом в совхоз приезжала. Я лично провожал ее с музыкантами в столовку на ужин. Ее там тискал один гитарист метра под два ростом, не тебе, надавышу, чета! «На одну но-очь...» Плетет тут сидит! Все мозги этим баранам, а они и уши развесили!

Мне хотелось подпрыгнуть так, чтобы пробить макушкой потолок! Я сейчас любил Васю, как выигрышный лотерейный билет, и готов был облизывать его пахучее величество, не боясь порвать себе лицо об его медную, трескучую щетину.

Повеселели все. Вася разом освободил нас от

какой-то постыдной зависимости, и мы были за это ему благодарны. Кто-то беззлобно запустил в Танцуру подушкой и, хохоча больше над собой, чем над ним, мужики потянулись в курилку.

Но переполох-то, о котором я упоминал, состоял совсем не в этом. Помешкайте, еще будет время рассказать.

* * *

Я, пожалуй, отвлекся, а ведь меня заждался на крыльце казармы мой козырной дружан Серега!

Итак. Он вдохнул всей грудью зимнего хвойного воздуха, подпернул повыше красную повязку на рукаве, отправил вдоль ремня штык-нож за спину, отметил удовлетворенно, как я истово чищу снег у «заряжалки», неторопливо закурил, выпустил дым в морозный солнечный полдень и, как с печи свалился, нарочито громко рывкнул:

— Маловеров!!!

Я вздрогнул всей спиной и выронил лопату. Нет, ну ведь мог же, гад, подойти и сказать тихонько: «Зорик, тебя чегой-то кэп вызывает...» Да где там! Серега явно наслаждался зычностью своего голоса и моей растерянностью. Государев, блин, глашатай.

— Маловеров!

Я взял себя в руки.

— К капитану! — это был призывный клич древнеримской боевой трубы, и, отвечая ей готовностью, упало, лязгнув, забрало.

Отерев шапкой потный лоб, я огляделся вокруг. Не знаю почему, но меня вдруг охватило чувство, знакомое, наверное, каждому. Этакого прощально-вокзального привкуса. Предчувствие перемены. Ощущение внутренней готовности к ней. Будто вот сейчас я тронусь в дорогу с этого заснеженного поселения и больше сюда никогда не вернусь. А если и вернусь, то буду уже совсем не тот, кем осознавал себя до этой минуты. Во мне словно щелкнул тугой тумблер, переключивший психику на новый, пока неведомый мне режим. Меня будто оставили один на один с неминуемой опасностью или я в одночасье осиротел. Осмыслить это состояние смог несколько позже — я перестал быть мальчишкой. И обнаружил эту новую ипостась с удивительным спокойствием и готовностью.

Казалось бы, такому умозаключению просто обязано предшествовать какое-то судьбоносное событие, переворачивающее глыбу жизни, как архимедов рычаг. С ног на голову. Ан нет! Так из юношеской любовной сумятицы и неопределенности в выборе подружки всплывает вдруг образ, и ты понимаешь — это она! И неказиста, и не особо приметна, но это — Она!!! Видимо, все на белом свете приходит в свое только ему отведенное время.

Не вступая в противоречие с торжественностью момента, с левой ноги, как и учили, рядовой N-ской пограничной заставы Зорий Малыхеров шагнул навстречу новой судьбе.

* * *

Смею надеяться, что уж нынешние-то современные погранзаставы отстроены по «последнему слову». Наверняка — кирпичные казармы, водопровод, канализация и тому подобная «бытовуха». А о боевом и техническом оснащении говорить не берусь вообще — уровень совершенно иной.

А в те давние мои призывные годы наша застава, затерянная (как это красиво пишут в туристических буклетах) «...среди заповедных реликтовых хвойных лесов, в изумительной по красоте стране белых ночей и тысячи озер...» больше напоминала собой старый карело-финский хутор.

Озера в Карелии, и вправду, красоты диковинной. Ледники поработали здесь на славу! Мекка для бродяг, понимающих толк в мужественной суровости заповедного северного края. У путешественников, посетивших эти удивительные места, долго не уйдет из памяти неофициальный гимн этой дивной стороны:

*Долго будет Карелия сниться,
Будут сниться с этих пор
Остроконечных елей ресницы
Над голубыми глазами озер...*

Вот и застава наша, не являя собой исключение, также стоит на берегу одного из многочисленных карельских водоемов. С певучим и трудно произносимым саамским названием. Такое имя носят, должно быть, десятки здешних озер. И переводится оно с финского — ах, как «неожиданно!» — «лесное озеро». Тут, знаете ли, надо вот что понимать: а где на такое количество озер набраться оригинальных названий? Вот и дело-то...

Поселение наше воинское, расположенное в «мягком подбрюшьи» у Финляндии, состоит из длиннющего бревенчатого барака, что служит нам родным домом, и нескольких строений назначения вспомогательного. Барак добротно сложен из смолистых, чуть не в обхват, неподсохших сосновых стволов. Со временем этот огромный сруб потемнел, заматерел, несколько врос в грунт и лежит теперь, припорошенный снегом, как выбросившийся на берег блювал, синий кит, изумляя всех своими гигантскими габаритами и посверкивая в ночи тускнеющим ядовитым глазом — окном дежурного по заставе. Не гаснувшим ни днем, ни ночью. Этакое «недреманное око» на стыке двух держав!

В этом зафрахтованном Министерством обороны «Ковчеге» нашего трехгодичного дрейфа от призыва до дембеля наличествует несколько отсеков: капитанский (буквально) мостик — кабинет капитана Лоскутова, начальника заставы, и его заместителя по политической части лейтенанта Зубанова.

Рядом изредка заполняемая служивым народом Ленинская комната, этакая, хотелось бы надеяться, кают-компания, с пыльными подшивками отрядной газеты «На страже» и казенными назиданиями по стенам типа: «Защищать Родину — почетная...», «Несение службы — боевая задача...», «Пограничник, помни...» Дальше идут кубрики различных габаритов и различного же назначения, как то: «оружейка» под замком, сушилка для мокрой одежды, маскировочных халатов и валенок, лыжная пирамида, дежурка со всяческой аппаратурой и телефонами, курилка, иначе «солдатская канцелярия» (истинная кают-компания!) и, наконец, сама казарма — огромный пролет с двумя рядами металлических коек, крашенных зеленой краской, предназначенной для подновления пограничных столбов.

Летом кровати, как маленькие яхты, аккуратно причаленные у пирса, колышут парусами белых марлевых пологов, что защищают спящих бойцов от вездесущего гнуса и комаров, этой проклинаемой всеми напасти здешних красивейших, но сырых и болотистых мест. Мошка — она в единственном экземпляре, конечно же, тьфу — и растереть! Зато в массе своей... Вот у одного из наших первогодков на эту живность обнаружилась аллергия. Да такая, что ни одному кочевому монголу-скотогону не достичь по-

добной округлости несчастного искусанного лица! Шаманский бубен, а не лицо. Давясь смехом, соболезновали бедолаге, но чем тут поможешь. И хорошего парня переводом законопатили на китайскую границу. Жалко.

Распорядок несения службы рваный, поэтому в казарме всегда кто-нибудь да спит. Пустой она бывает лишь по команде «Застава, в ружье!» да в короткие вечерние часы, которые прозываются «личным временем». Чтобы ночью разбудить на службу наряд, дежурный предварительно скручивает в плотный жгут пару экземпляров все той же газеты «На страже», поджигает его и, зажав ноздри, летит с этим факелом через всю казарму туда и обратно.

Хватанув в дежурке свежего воздуха, уже смело возвращается в спальное помещение и с фонарем, как Диоген, разыскивает нужного человека. Газетный факел выжигает все плотное «амбре» от накрученных на сапоги портянок, от пропотевшей солдатской робы и прочие миазмы, исходящие из молодых и здоровых тел, кормленных некачественной разблюдовкой от знаменитого повара заставы Вовы Пальчика. Як каже наш фельдшер, сержант Ляпало: «Шоб вин гикнувся, цей Пальчик!» Нет, не прозвище. Фамилие такое — Пальчик.

* * *

И вот я открываю дверь в канцелярию. Небольшая комната укомплектована двумя письменными столами, двумя деревянными полукреслами, двумя двустворчатыми шкафами, безалаберно забитыми книгами и папками с документацией, двумя телефонами, двумя настольными лампами, двумя портретами — Владимира Ленина и Никиты Карацупы, легендарного пограничника. И одним табуретом, таким маленьким эшафотом для бедолаг, вызываемых к начальнику «на ковер».

За столом, что от меня справа, скрестив кавалерийские ноги, кричит, постоянно называя в отряд, сорокалетний плотный мужик с начинающейся проплешиной на крепкой морщинистой макушке и трехдневной щетиной на круглом деревенском лице. От его полужоженных бриджей ощутимо несет лошадиным потом. Это мною уже представленный начальник заставы капитан Лоскутов. Он

раньше был майором, но звезду срубили однажды. За недогляд.

Года два назад при выполнении СПУ (специального пограничного упражнения) вертолет выбросил отделение его солдат за двадцать километров в глухом болотистом безлюдье. Задача проще некуда: по карте и компасу вернуться на заставу. От маршрута, как водится, отклонились и ударились чуть ли не по кругу. Тайга. Бурелом. Болота вперемешку со скалами. Ноябрь. Ветер и снег. Один провалился в незамерзшую лунку по пах. Средства связи несовершенны. Погодные условия ни к черту. Только через двое суток его притащили на шинелях к поисковому вертолету. Уже в горячке. В итоге щедро раздали всем сестрам по серьгам: после госпиталя парнишку с ампутированной стопой и геройской формулировкой демобилизовали, старшему группы отсыпали не скупясь 10 суток гарнизонной гауптвахты, а майору Лоскутову осталось лишь посочувствовать. Заменили ему в обратном порядке, не церемонясь, одну большую звезду на четыре маленьких. А как иначе, если по чьей-то добрототской инициативе об инциденте стало известно командованию в Москве? Где уж тут «спустить на тормозах»!

Но он нормальный. Мы начальника любим. Если его глупостями не напрягать, капитан до известных пределов мужик свойский. Злобы не копил и ни на ком не вымещал. По рассказам.

Проживает капитан в отдельном домике на берегу озера с супругой своей Анной Васильевной, миловидной белокурой бабенкой, от общения с которой наш (ну кто же еще!) Вова Пальчик больше недели носил обширный синяк во всю левую половину лица. От сковородки. Когда накануне новогодних праздников отважился отнести ей на пробу жареной картошечки с грибами. Нет, нет! Абсолютно безотносительно к тому обстоятельству, что капитан неделю тому как обретался в Питере на сборах. Ну что вы! Да разве можно? Вову просто не так поняли!

Этот случай пахучий в силу круговой солидарности и соображений этики замазывали сообща. Спасая Пальчика и в назидание остальным, Анна Васильевна повела себя единственно правильно — собрала нас всех на отповедь, в течение которой бедный Вова, сопя и не поднимая головы, безуспешно пытался втянуть большой палец правой ноги обратно в

дырявый носок. Подарила виновнику «торжества» тубик бадяги и закончила почти примирительно: «Вы все поразъедетесь, а нам с Иваном Михайловичем еще жить да жить...»

Так я впервые узнал, что у «товарища капитана» есть хорошее человеческое имя. За официальную версию приняли некую сублимацию (по Фрейду — переключение энергии сексуальных влечений на социальную деятельность или культурное творчество).

А синяк? Ну что синяк... Поскользнулся мальчик-с-Пальчик, упал. Разучивал танец «Яблочко», да и... Бывает. Вопрос закрыт.

А еще тетя Аня делала нам на праздники или дни рождения клеклые торты и безуспешно пыталась создать из нас драматический коллектив. Переодеваться в женщин никто не хотел, это вам не «Кабуки», а пьес с одними мужскими персонажами не находилось. Анна Васильевна сердилась, беззлобно ругала нас «бездарями» и обреченно вздыхала — у нее пропадал без надобности диплом культпросветучилища.

За вторым столом, что от меня слева, морщась от капитанского крика, нервно постукивает холеными ногтями по деревянным подлокотникам молоденький, только из училища, лейтенант Зубанов. Заместитель начальника заставы по политчасти. Молодой, да ранний. Спать ему в казарме, хоть и за перегородкой, видишь ли, не по статусу, и он грозит руководству, что привезет сюда «насовсем» свою жену-пампушечку.

Мы ее видели раз. Вроде бы и ничего такого уж особенного, а многие наши солдатики будто подросли на пару сантиметров. Значки надевали... Я сам (с чего бы вдруг?) раззадорился драить ваксой сапоги не по разу в день.

Зовут замшу² Люсей. И если в ней причина, то по этой причине трое «стариков» из отрядного хоззвода, по аккорду на «дембель», ладят молодым отдельное гнездышко рядом с капитанским домиком. Стараются плохо. Домой, что ли, не хотят...

Лейтенант щеголеват. Запускает жидкие усики и мажет их приторными, жирно-сладкими женскими духами, заимствованными, видать, из косметички супружницы Люси. Всегда в ремнях и при табельном «Макарове». Погоны, в нарушение устава, выгнуты и мерцают странными звездами: они меньше, чем майорские, но больше, чем лейтенантские. И где только взял такие? Из-

далека его можно за подполковника принять. На то, видимо, и расчет.

Третья персона, тоже вам уже знакомая, склонив голову набок, сидит, за неимением иного, оседлав «табурет подсудимых». Старшина Коноплев. Высокий, в пожилых годах «макаронник» по прозвищу Параграф. Так прозвать его наша, вновь прибывших «остроумцев», сомнительная заслуга. Молодость, как известно, безжалостна к старости и физическим недостаткам людей.

Когда-то давно на охоте у Коноплева при выстреле разорвало ствол «ИЖевки». Он, к счастью, остался жив, но осколком глубоко порезало шейные мышцы с левой стороны, не задев, опять же к счастью, шейной артерии. Все закончилось вроде бы благополучно, но голова утратила возможность держаться прямо, а заимела обыкновение иронично клониться влево. Чтобы скрыть этот не сразу и заметный дефект, Коноплев непредумышленно сбивал зеленую свою фуражку вправо. Но под несколько лишним градусом, чем надо. Так, что правого уха и видно не было. Долгие месяцы лечения проявили еще одну незадачу: опасаясь за свою болячку, он постоянно держал приподнятым левое плечо, как бы загораживая рану от случайностей.

По закону ли равнодействия или еще почему, правое плечо ровно настолько же опустилось вниз. Рана заживала долго, и вся эта кривизна статично зафиксировалась. Похоже, что уже навсегда. Плюсуйте к этому волнообразному костистому силуэту не по его худой стати благоприобретенный живот, что висит, перевалившись через офицерский ремень, и удерживается только лишь благодаря портупее — вот и он! Старшина Коноплев.

А проводя с нами, салагами, первое занятие по уставу, он, выраженно грассируя, раскатил следующую тираду: «Особенно р-рекомендую добр-росовестно пр-рослушать и пр-ристально законспектировать пар-рагр-раф пер-рвый! Итак, пар-рагр— раф пер-рвый гласит...»

Все! Он и не заметил, как подписал себе приговор! В прошествии недолгого времени, с улыбкой наблюдая его изломанную несчастным слушаем и холостой подневольной жизнью фигуру, удивительно напоминающую литерату «параг-

² Замша — ж.р. от слова «зам», т.е. заместитель.

раф», с прозвищем согласились и старослужащие. И хохотали, когда я, картавя, читал им из Евтушенко: «...И букву р-р, как виногр-радину, катая, / За белою огр-радою зубов...»

И затыкались, шушукаясь:

— Тише, на фиг! Вон Параграф идет!

* * *

Я подождал, пока начальник заставы бросит трубку:

— Товарищ капитан, рядовой МалOVEROV по вашему приказанию...

— Да ладно, ладно, боец! — Лоскутов сложил руки на крутой груди, откинулся на спинку и (с каких бы это куличей?) заговорщицки мне улыбнулся.

А начал разговор почему-то лейтенант:

— Рядовой, я все хочу полюбопытствовать, что это за имя у вас такое странное — Зорий? — спросил он нараспев, оглаживая попутно свои белесые усики.

С моим именем всегда по первости случались какие-то неувязки. Увязывать иной раз приходилось и врукопашную. Я насторожился.

— Что вам ответить? Так мама моя решила. Я у нее родился на заре. Перед восходом. Потому и Зорий. Родительская, так сказать, воля. Возможно, она девочку ждала. Допускаю, что имя не совсем обычное, но оно мое, и что-то исправлять сейчас или менять нет ни нужды, ни желания.

— Ну и как же вас маменька в детстве называла? Зорька, что ли? Это, знаете ли, как-то по-коровьи... — он хохотнул и щипнул себя за усик.

Видит бог, я не хотел, но привычный холод уже пробежал вдоль позвоночника. Выкатив на лейтенанта глаза, чужим голосом задолдонил:

— Да нет. Это вы, господин подпоручик, как привезете жену, заведете корову, вот и раздавайте им коровьи клички. Им обоим по комплекции а ну как подойдет.

— Эт-то еще что за «подпоручик»! — фальцетом вскричал Зубанов, привставая с места.

— А чем вам не по нраву? — я был холоден и ироничен. — В царской армии то же самое, что и лейтенант. Не мешало бы знать.

— Ты берега случайно не попутал, рядовой? Кто дал тебе право задевать моих близких?..

— Прошу и вас чужого не задевать. Оставьте мне кем честь имею быть — Зорий МалOVEROV,

эсквайр! — не отводя глаз, ухмылялся криво.

— Ты мне давай не груби тут, рядовой! — он отпнул назад кресло и положил ладонь на кобуру. — Нам с тобой еще до-олго служить, запомни. Эксперт тоже мне нашелся... Мелочь пузатая!

— Вас никто не оскорблял, вашбродь. Надо бы поаккуратнее. А то ведь потребую сатисфакции, — я нарывался и чувствовал, что еще немного — и до беды недалеко.

Лейтенант уже отливал зеленую. Помощь пришла от капитана:

— Ладно, ладно, хватит вам! — он хлопнул ладонями по столу и тоже встал. Взглянул на меня исподлобья: — Ты это... Лишнего-то себе не позволяй, боец. Говори, да не заговаривайся. Смотри у меня, а то вострый больно.

Но вот только отчего мне показалось, что кэп усмехнулся уголками глаз на зубановский петушинный скок?

— Всё! — он раскинул руки в стороны, как рефери на ринге разводят по углам схлестнувшихся в клинче боксеров. — Успокоились. Возвращаемся к проблеме номер раз. Значит, вот какое дело. Слушай сюда, МалOVEROV...

Я, набычившись и сопя, смотрел мимо всех в окно. Мне было на Зубанова и на его пошлые намеки наплевать, хотя немного и подтряхивало изнутри. Важно, что я пресек его хохотушки с первого раза, чем, вероятно, надолго осложнил себе перспективу. И пусть! Прокуркарекал, а там хоть не рассветай!

* * *

Из окна канцелярии мне хорошо виден небольшой рубленый дом с фанерной вывеской над крыльцом «Столовая». Заведение, всегда с охотой и вялой надеждой на хотя бы сносный обед посещаемое молодым и вечно голодным личным составом. С охотой — невзирая на неизбежное и печальное обстоятельство, что там полновластвует рядовой третьего года службы, по табели о рангах, повар-хлебопек Вова Пальчик, мною уже (хорошо хоть не к ночи) помянутый. Представляя его себе, я улыбаюсь.

Черноволосый брыластый верзила, выкормыш челябинской шпаны с дымных заводских окраин ЧТЗ, он был последнее время мрачен и в общении свиреп. Почему — толком никто не знал, но все грешили на какую-то невероятную

«love story» в его судьбе и ершистость ему спускали на тормозах. Тем более с ним никто не вязался, что служить ему, как и всем «старикам», оставалось «с гулькин нос»: зима-лето — и домой! Да и зима-то уже была вот-вот на излете.

Уже много позже я заметил, что в любом коллективе есть человек, будто запрограммированный судьбою на всяческие несчастья и казусы. Случись что-либо из ряда вон, все знают, куда повернуть голову и на кого подумать в первую очередь. Вова — убедительнейшее этому неписаному правилу подтверждение.

В некогда белой, провонявшей горклым духом подгоревшей каши поварской куртке, из-под которой выглядывает неуставная тельняшка, в засаленных по ляжкам галифе с болтающимися понизу завязками и черных китайских кедах на босу ногу он в известной степени колоритен.

Напялив на свою смоляную башку дуршлаг с полуметровой деревянной ручкой и выставив перед собой алюминиевую крышку от пятидесятилитрового кухонного бака на манер римского боевого щита, Вова выходит на крыльцо столовой, как на ристалище, и благим матом орёт:

— Зас-та-ва-а!!! — с удовлетворением распорядителя гладиаторских боев оглядывает, как вздрагивают готовые сорваться «В ружье!» те, кто оказался поблизости, выдерживает назидательную паузу и, гулко ударив в щит дырчатым своим шлемом, благодушно возвещает: — А-бе-ед!

Мизансцена сия позволяла судить о его неплохом на данный момент настроении. Видимо, кто-то из приданных Вове помощников по кухне приготовил нечто съедобное. Но мама дорогая, если за дело брался он сам. Губастой своей персоной! Из нормальных продуктов этот «кулинар» умел изготовить хлебобово, от которого... Да, впрочем, во-он вдалеке виднеется крашенное известью заведение на два «очка», также с охотой посещаемое отдельными бойцами примерно через полчаса после обеда, Вовой изготовленного. «Больно нежные», — ответил Пальчик в ответ на жалобы. Уж простите мне педалирование подобной темы, но для нас эти вещи чрезвычайно важны и напрямую связаны. Да еще как неразрывно!

— Дайти мэни кулэмёт, порешу гада, шоб вин сказився, — в слезах просил нас изо дня в день перманентно голодный ражий хлопец сержант Ляпало, наш военфельдшер.

Всех спасало лишь то обстоятельство, что в употреблении имелись продукты, испортить которые Вове было не по зубам: соленая и вяленая рыба, что добывали наши ребята-рыбаки, откомандированные в самую глушь на озеро Крайнее; дикая малина, морошка, грибы сушеные и маринованные, моченые брусника и клюква (сборание ягод и грибов в конце лета и по осени — «обязаловка» для каждого солдата без исключения), различные консервы, картошка, масло, сахар, сухофрукты, кисель в брикетах, да мало ли... А плюс пограничный паек со сгущенкой и тушенкой? А плюс «царская шуля» из тетеревов? А плюс официальная лицензия на отстрел двух лосей в год? Ну, где два, согласитесь, там и пять. А то и восемь! Но, конечно же, с соблюдением неписаного охотничьего правила — самок, увеличивающих популяцию, губить запрещено! И потом наших «русских» лосей отстреливалось, конечно же, исключительно только два. Согласно лицензии. Остальные — это забредшие со стороны Финляндии, а значит, нарушители границы. Ну, а с нарушителями у нас разговор короткий! Остерегайтесь впредь!

Поэтому в соответствии с вышесказанным в избушке у эсэсовцев (инструкторов службы собак) нередко исходила слюноточивыми запахами совсем другая кухня, где шкворчал на плите противень с котлетами из лосятины. Жарили их на комбижире из собачьего довольствия, компенсируя служебным псам убытки костями и требухой. Запах от «жарёхи» стоял такой густоты и раздражительности, что заставлял подвывать часового на вышке.

Хотя один чеховский персонаж утверждал, что «пахнуть — гуси большие мастера!». Спорить не станем, мы и этим вполне довольны.

Такое дополнительное питание в какой-то степени умирало наши претензии к Вовиной стряпне. Оно порой перевешивало даже основной рацион, что заставляло Вову беситься — по какой причине половина заставы не явилась на ужин?

— А что ты можешь предложить? — спрашивали мы его, икая и ковыряя спичкой в зубах. И разводили руки в свое оправдание. Война войной, знаете ли...

Но дележка на «своих» и «чужих» в таком замкнутом коллективе, как наш, дело неблагоприятное. Мясо в основе своей шло, конечно же,

на ледник к Вове, а пару ядреных оковалков Вася Заболотнев относил тете Ане, которая встречала его всегда одной и той же фразой:

— Ой, ну что вы, Василь Трентич, куда нам столько?..

* * *

Устав наконец расхаживать по кабинету и, как ему казалось, убедительно говорить, капитан сел за стол.

— Разрешите идти? — спросил я.

— Идите, — опять не по чину вылез лейтенант.

— Ну, ты все понял? — присоединился к разговору Коноплев, демонстрируя, что он тут тоже не лишний.

— Давай, давай, боец, — добавил Лоскутов.

Я отдал честь, отшелкнул «кругом», прикрыл за собой дверное полотно и оказался нос к носу с Сергеем Лузяниным:

— Чего там? — шепотом спросил он.

Я молча прошел в дежурку и сел на его место.

— Ну, чего там? — не отставал Серега.

— Валеру Паленого позови.

— Он спит.

— Почему? Белый день.

— С ночного дозора.

— Разбуди.

— Время не вышло.

— На гражданке додавит.

— Ты чего мне тут, — распалился было Сережка, — приказывать будешь, салага?

— Давай, давай, боец, — я прибавил громкости, сведя брови и, не зная зачем, копируя капитанову интонацию.

Это внезапно подействовало. Серега посмотрел на меня с удивлением и побрел в казарму, что-то бурча себе под нос.

Я остался ждать у моря погоды. Смотрю в окно. Мысли мои путаются, взгляд лениво скользит по немудрящему заоконному пейзажу. Там, на воле, яркое солнце, высоченные ели, много-много белого искристого снега и в него кем-то воткнута брошенная мною лопата.

Над «заряжалкой» красным по белому рдеет почти Козьмапругтовский девиз: «Пограничник, будь бдителен!» Чуть в стороне виднеются склады, вотчина старшины Коноплева, дальше собачьи вольеры, кухня СС и внушительных размеров хозяйственный и конный двор с конюш-

ней на пять денников для лошадей, используемых в конном патрулировании линии границы.

Четыре денника занимают непосредственные служаки: два жеребца — Алтай и Нарвик и две кобылки, их задушевные подруги — Гастроль и Удача.

А вот пятый денник... Просторный пятый денник, выгодно отличающийся от остальных и устройством, и чистотой, принадлежит особе привилегированной, кобыле разбитной и норовистой, капитанской выездной иноходке по кличке Смелая.

Эта фигурантка заслуживает более подробного рассказа, чем простое о ней упоминание. Здесь мы имеем редко встречающееся сочетание возмутительницы спокойствия и всеобщей любимицы. А потому сделаем небольшое отступление. До поры.

* * *

В кабинете у капитана Лоскутова на каждого из нас, вновь прибывших, имелось, конечно же, «Личное дело». Но что, спросите меня, из этого «дела» можно узнать о человеке неполных девятнадцати годочков от роду? Когда родился да где учился? Вот и все. А дальше: «не был, не владел, не состоял, не имею, не привлекался...» Можно еще добавить — «не успел». Это про женитьбу и наличие детей. Но ведь человек жил какую-то часть жизни и до армии. А значит, где-то был, чем-то владел, при ком-то состоял, что-то имел, куда-то привлекался, чем-то и кем-то увлекался и, может быть, даже кое-чего и успел. Поэтому с каждым из нашей «великолепной семерки» новобранцев начальник вкупе со старшиной проводили (не часовые ли?) задушевные беседы.

Темы затрагивались разные, но в основном касающиеся наклонностей, занятий спортом, привязанностей, семейных обстоятельств, бытовых проблем, личных увлечений и проч. Собственно, оно и правильно! Ведь даже покупая такую простую вещь, как утюг, вы спросите: «А сколько стоит, а кто выпускает, а есть ли термореле, а функция отпаривания, а срок службы, а срок гарантии, а скидочка?..» И шепотом: «А это точно не Китай?» Видите, сколько вопросов?

А тут живой человек вливается в коллектив не на один день и, представьте, не на два. На три! На три долгих года! Двенадцать погодных сезо-

нов! Тридцать шесть месяцев! Целая тысяча дней! Да еще иногда и с хорошим гаком за плохую службу. Нарушители дисциплины всегда увольнялись из армии позже всех. Так что начальники, выведывая в приватной беседе у ничего не подозревающего молодняка скрытые способности к чему-либо, цели преследовали чисто практические. Капитан выяснял для себя, в какой ипостаси можно использовать новичка непосредственно по службе, а старшина примерял выявленные наклонности к хозяйственным работам, коих в натуральном нашем хозяйстве, похоже, не переделывать никогда.

Ну, например. Сема Меерович в свое время окончил детскую художественную школу, а повзрослев, посещал какое-то литобъединение при заводской многотиражке, где непризнанные поэты читали друг другу свои стишки с замусоленными рифмами типа: дочь — ночь, кровь — любовь и роза — береза. Но здесь и этой его образованности было довольно и даже чересчур. Потому и послушание ему определили по журналистскому профилю — подшивать отрядную газету «На страже». Навести должный порядок в грудех книжного хлама. Раз в месяц выпускать разноцветный «Боевой листок» и готовить по понедельникам десятиминутную политинформацию.

А вот Гоша Бондарь, «верста коломенская», расчувствовавшись, открылся капитану, что в не столь отдаленном детстве он восемь раз просмотрел фильм про пограничников «Над Тиссой» и, загоревшись романтической мечтой, со слезами выпросил у отца с матерью щенка восточноевропейской овчарки. Дал ему кличку Гром и стал готовить себя и собаку к тому времени, когда они вместе будут служить на границе. Гоша, как это нетрудно заметить издавек, вырос, в погранвойска на медкомиссии напросился, но вот незадача — к тому времени псу уже стукнуло восемь лет. Собачья старость, иначе не скажешь. Тем более единожды Гошина мать не уследила, и Гром с голодухи нахватался из своей кастрюли горячей еды и тем самым «заварил» себе нюх, что означает служебное несоответствие, или иначе — полную собачью профнепригодность. Залечивать душевную рану от несбывшейся детской мечты Гошу Бондаря отрядили в свободное от службы время к инструкторам СС (службы собак) «работать след». Это называлось «ходить под собаку». То есть натаскивать розыскных псов об-

наруживать нарушителя границы по его следу. Процедура простая — автомат на плечо, удочку в руку и идешь на какое-нибудь соседнее озерцо, увлеченно петляя по лесу, тем самым осложняя собаке выполнение задачи. Сиди рыбаць, отдыхай. Через четыре, шесть, а бывает, и через десять часов (след такой давности возьмет не каждая ищейка) с заставы отправляются инструктор с овчаркой. Намереваясь отыскать среди густых лесных запахов твой эфирный шлейф, найти место пребывания и «задержать».

Я один раз пробовал эту «радость» в паре с инструктором сержантом Мажитовым и его розыскной собакой Сильвой. Сорвавшись у запыхавшегося инструктора с поводка, усталая собака с грустными глазами и вывалившимся языком, отыскав меня, скорее обрадовалась, чем грозно набросилась. Ну, чуёт же, что свой! Я даже и ватный рукав не брал, который нужно при контакте совать ей в пасть. Для порядка дал ей потрепать плащ-накидку. Еще минут десять мы с ней в обнимку ждали, когда подаст голос бедный Мажитов. Услышав жалобное «А-у-у!», мы скоренько обнаружили его, потного и на Сильву дуже сердитого. Но, пока шли до заставы, сумели достичь общего согласия. А в журнале оставили примирительную запись: «Шестичасовой след взят собакой самостоятельно. Условный нарушитель задержан».

Но Гошу расстраивало еще одно неудобство — все дрессировочные костюмы были ему малы. Когда он неуклюже бежал в этом тесном и толстом одеянии прочь от натравляемых на него ищеек, оглядываясь и смешно размахивая поднятыми руками, то был похож на пленного фашиста, которому сказали «Беги!», но не обещали, что не будут стрелять вдогон. Овчарка настигала его и, прыгнув на спину, вгрызалась в специальный красный лоскут на загривке «дрессача». По задумке, «нарушитель» тут же должен падать, закрыв лицо, а собака — сесть рядом и лаем звать вожатого. Но Гошу сбить с ног было не так-то легко, сказывались навыки, приобретенные в секции, а затем и в юношеской сборной Новосибирска по гандболу. Он уворачивался от прыгающей собаки и хохотал, держа над головой свои длиннющие, не раз покусанные руки. А то вдруг обернется резко навстречу настаигающему его псу да как заорет дурноматно: «Сидеть!!!» У бедной ищейки и лапы подкаши-

ваются, и пугается она этого громилы до щенячьего подвизга.

— Жора, да не порти же ты собаку, — обижалась на него вожатые.

— Это ваши недоработки. Зачем нужны на границе трусливые псы? Их ждет неминуемая выбраковка. По мне так лучше вместе с инструкторами.

Узнав, что из всех семерых к деревенскому труду я приспособлен более других, у капитана зажегся глаз. Нет, мы все призывались из города, где и проживали до армии. Но я в ходе этой проникновенной беседы разляпал о себе все, что было, и даже немного того, чего и не было никогда.

С какой-то даже полупрошенной обидой на родителей я рассказывал, что в город наведывался только на учебу, а все остальное детство провел у деда с бабушкой в деревне. А это ни много ни мало — все каникулы. И зимние, и летние, и весенние, и осенние. И так все десять лет! Безвылазно! Всю, считай, мою молодую жизнь я загубил в рабочих. Безо всякой задней мысли я взахлѐб выкладывал капитану, как эксплуатировали меня мои старики. Я гасил их задолженность по выпасу коров за все лето, мотаясь с хворостиной за стадом «от восхода до заката». Вместе с дедом таскал неводом из Исети карасей и шурят. Оттягивал руки двумя пятилитровыми бидонами с молоком, таращая их на маслобойню в другой конец деревни. Ровно те же бидоны волок назад, но уже с сыворожкой для поросенка. Окучивал картошку на верхнем, что рядом с домом, огороде, поливал ненасытную капусту на огороде нижнем, что на пойме, таская на худых детских плечах воду из реки на расписном коромысле. В березовой делянке, опять же на пару с дедом, заготавливали дрова на зиму, ломали грузди на засол, вывозили ульи с пчелами на цветущую гречиху...

Да и это еще не все! Кто проникнется страхами, наполнявшими мой шалаш ночами, когда охранял я этих ненавистных, с полуметровым жалом, насекомых? Где взять столько свободного времени и у кого подзаныть желания, чтобы за лето прочитать толстенный роман Эмиля Казакевича «Звезда» и пересказать содержание моей строгой бабушке, наследнице большевистских идей?

Мой голос подрагивал от жалости к самому себе: трудности подневольных негров на плантациях сахарного тростника — это трудности барству-

ющих бездельников в сравнении с тяготами, выпавшими на мою несчастную долю... Эх-ма!..

Но были же и светлые денечки! Покос! Праздник на всю округу. Вся ребятня верхом на лошадях — возить волокуши. Доставлять духмяное, бабами ворошенное сухое сено к стогу, который вершили мужики, закладывая его высотой с хороший двухэтажный дом. Вечером же — галопом, вперегонки — к реке. Поить, купать, чистить и отгонять лошадей на конный двор. Седло? Какое еще седло! Ежели кто с непривычки — у того маклаки к вечеру опухшие и красные, как у гамадрила. За моим дедом лично был закреплен колхозный жеребец по кличке Лысан, но квартировал он у нас во дворе. В конюшне по соседству с коровьим стойлом. Конь выездной. Использовался, как нынче персональный автомобиль, строго по депутатским делам. (Дед состоял председателем сельсовета.)

Но даже Лыске, коню представительскому, не удавалось избежать постыдной повинности вывозить весной на огород свои и нашей коровы Жданки отходы жизнедеятельности, коих за зиму намораживалась куча высотой с Шевардинский редут. То есть работы находилось всем без исключения. Летом же мне вменялось в обязанность производить лошади ежевечерний променад от застоя. Но это в случае, если дед никуда не ездил по сельсоветским делам. Он говорил: «Езжай верши, но в галоп не запускай». В конце прогулки предстояли водопой и чистка, которая Лысану, его кусачему высочеству, не всегда и нравилась.

Этих моих откровений было более чем достаточно, чтобы у капитана в глазах полыхнул огонь азартного лошадирика, невзначай повстречавшего чемпиона мира по конкуру и выездке. Он выбрался из-за стола, улыбаясь, подпернул верховые мостки с кожаными вставками на ляжках и, взяв меня за рукав, повлек на конный двор.

* * *

Есть на пограничной заставе один род занятий, который проходит не на вымороженном плацу, не в теплой Ленкомнате, где на второй минуте клонит в сон, а в духмяной конюшне, у нашего повозочного Васи Заболотнева. Конное патрулирование границы как вид наряда никто не отменял, и поэтому капитан лично курирует эту форму несения службы. Не доверяя никому, сам

проводит занятия с молодыми «кавалеристами». Делает он это с видимым удовольствием и даже с некоторым трепетом, потому что, если кто еще не в курсе, лошади — это его страсть! И горе тому, кто отнесется к этим занятиям легкомысленно и фривольно, как к уроку физкультуры в школе — со смешками и дурачеством!

Редко кто из прибывающих в подразделение солдат владеет навыками верховой езды. Но ни в коем случае нельзя показать капитану, что ты не горишь желанием этими навыками овладеть. Даже скривив губу и наморщив нос от запаха в конюшне, ты можешь навлечь на себя командирское недовольство.

Лошади — его любовь и его печаль! Лоскутов и родом из Актюбинска, и взрослую свою жизнь начинал на конезаводе № 52 — главном поставщике чистокровных рысаков. Но тяга к воинской профессии в определенный момент пересилила, и многое пошло наперекосяк.

А именно коннозаводчики страны потеряли в его лице уникального специалиста по выведению пород, атаманы казачьих отрядов — отменного рубака, лейб-гвардии конный полк Его Императорского Величества — закаленного в боях конногвардейца, московский цирк — виртуозного мастера вольтижировки, а 1-я Конная армия Семена Буденного — ученого коновала! Своим он непременно стал бы и у таборных цыган.

О лошадях капитан знал все! Историю и происхождение, виды и породы, дефекты и чистоту кровей, аллюры и повадки, масти и окрасы, отбор и выбраковку, болезни и наследственность, лекарства и методы лечения, уход за жеребями кобылами и выпестивание молодняка, способы стрижки и сооружение лошадиных причесок, разнообразие ременной сбруи и седел, брички и кошевки, розвальни и повозки, корма и витаминные добавки... Уф! Капитана ничего не стоит увести от любой неприятной темы, задав лишь какой-нибудь вопрос, касающийся его пылкой привязанности к лошадям. Взгляд его теплеет, голос становится загадочным, и только уши развешивай, а уж он расскажет такое... Ведь если в человеке живет искреннее чувство, им хочется непременно поделиться.

Во всем своем великолепии предстанут перед нашим мысленным взором легендарный Буцефал Александра Македонского, в честь которого хозяин воздвиг город! Инцитатус —

скакун римского императора Калигулы, которого он возвел в сенаторы и построил ему дворец. Лизетта — лошадь Петра Великого, вынесшая императора из-под прицельного огня в битве со шведами под Полтавой. Маренго — любимый конь императора Наполеона. Скелет этого коня после смерти был помещен в Лондонский национальный музей армии.

Боевой конь — это всегда верный друг и соратник в наступательных походах. Казахи-кочевники боевых коней на мясо не резали. Их хоронили в глубоких могилах стоя, под седлом, в полном боевом снаряжении, с почестями, как прославленных батыров. А вот плохих людей клали в могилы лицом вниз!

С теплотою, будто о самых близких ему существах, рассказывал нам капитан о знаменитых рекордсменах: Абсенте, Квадрате, Крепыше, Эклипсе, тяжеловозе Форсе, о самых дорогих в мире скакунах — Шерифе Дансере и Песняре, о прародителе великой породы — Орловская рысистая — Сметанке.

А лошади Парада Победы? Командовал парадом маршал Константин Рокоссовский на Полюсе караковой масти (вороной в загаре), а принимал парад вместо Сталина, не имеющего навыков верховой езды, маршал Победы Георгий Жуков на светло-сером Кумире. Так лошади справедливо представили народу истинных творцов Великой Победы.

Смотреть, как Лоскутов, зажав, будто клещами, своими кривыми коленями копыто, полуметровым рашпилем делает лошадям «педикюр» или меняет им подковы, — истинное удовольствие. Такой виртуозности даже Вася, наш повозочный и главный лошадиный, не достиг. Капитан, невысокий, крепко скроенный и клещеногий, сам будто бы создан для этой произведенной матерью-природой неразрывной связки: лошадь — человек. Где человек — непременно лидер. Иначе и быть не может! Или, по крайней мере, быть не должно. Лошадь, в определенном смысле, не глупее человека. Она моментально распознаёт робких и трусоватых. Тех, кто хочет завоевать ее расположение, подлизываясь к ней с помощью поглаживаний, сюсюканий и сладостей. Она с первого же знакомства может научиться управлять всадником, и будьте уверены, сделает это раньше, проворнее и лучше, чем то же самое получится у него.

Лошади наши вышколены и содержатся в должном порядке. Несомненная заслуга в этом, конечно же, Васи Заболотнева. Он для капитана просто драгоценная находка. Ходит слух, что он уговаривает Васю остаться на сверхсрочную службу. Василий своих животных чистит, холит, поит и кормит добросовестно вовсе не из служебного рвения, а чисто из природной любви к лошадям как верным помощникам в многотрудном крестьянском житье-бытье. Как мы свои автоматы, так и он лошадей держит в полной боевой готовности. С нашей посильной помощью. Своей склонностью к ненормативной лексике он животных испортить не может, твари они бессловесные, так что его матерные окрики они принимают не иначе только как за команды.

— Ну што!.. — орет Вася, заходя к лошадям, и они, как по приказу, разворачиваются головами к проходу. Ну еще бы! Главный конюший!

Но если у этого «педагога» такая неординарная методика воспитания сбоев не дает и лошади ему покорны, как покорны были Ирине Бугримовой ее дрессированные львы, то с капитаном они, спекулируя на его безграничной к ним любви, могут себе позволить некоторые вольности.

Нарвик — жеребец тихого и спокойного нрава. Ну, потому что... Стыдно и сказать-то. Он — мерин. Зато Алтай, унюхав волю за пределами родной конюшни, тут же лихо «жеребцует». Может и на «свечку» встать без команды. Так что во избежание неприятностей седлают и садятся на него прямо в конюшне. А еще Алтушок пылает неразделенной любовью к Гастроли, гнедой холеной кобыле с челкой до половины морды, а заодно и к Удаче, крепенькой, деревенских кровей труженице. А почему любовью неразделенной, это надо у строгого Василия спросить. На Смелую Алтай и не зачихивает, понимает, что «куда уж нам, с суконным-то рылом»... Но природа все равно берет свое, и, когда какую-либо из кобыл проводят мимо его денника, он громко фырчит, наскაკивая грудью на загородку и пугая «девушек» до полусмерти.

Этой красивой мужской кличкой Алтай наш первый красный маршал Клим Ворошилов назвал подаренную ему в Монголии дикую лошадь Пржевальского. Приземистого, рыжего крепыша со стоячей гривой, что является верным признаком именно дикой лошади. С уз-

дой, украшенной цветами, и красивой, в национальных узорах, попоной.

При ближайшем рассмотрении этот «дичок» оказался кобылой, но кличку менять не стали, дабы не навлечь на себя высочайшего неудовольствия.

* * *

Итак, Смелая. Это вторая ее кличка. При рождении она нарекалась традиционно — Звездочка. Ну, есть у жеребенка во лбу звездочка, так нечего и мудрить! А Смелой она стала при обстоятельствах непредвиденных.

Приехав как-то в отпуск в родной Актобинск, Иван Михайлович Лоскутов не узнал свою Актубу. Единственный, кто не изменился, а лишь немного постарел, это его старый друг и одноклассник Сегизбай, проживавший недалеко от слывшего некогда знаменитым конезавода № 52. Он угощал Ваню кумысом и рассказывал местные новости. Потом они смотрели дворовое хозяйство.

За загородкой вяло топтались понурые лошади. Числом пять. При виде Сегизбая они подняли головы, проявляя слабый интерес. Но тут от табунка, игриво взглянув, к гостям подбежала, минуя хозяина, молоденькая кобылка и, стрижа тонкими ушами, обнюхала незнакомого Лоскутова и даже слегка куснула его за зеленый погон. Тот смущенно гладил ее по скуле и шее, жалея, что нечем было ее угостить в ответ на такое лошадиное радушие. Это была любовь с первого взгляда. Искра, пронзившая Ивана, незамедлительно вздула пламень желания заполучить Звездочку в собственность. Страсти старого лошадирика вырвались наружу, и навязчивая идея помutilа рассудок.

Три дня Лоскутов не давал Сегизбаю прохода и извелся сам, пропадая в загоне у Звездочки. И наконец состоялся разговор:

— Сегизбай, ведь мы же с тобой... С первого класса... Ну как ты можешь мне отказать?

— Ваня, друг. Это ты должен моя понимать. Я вон тех трех коней не хотел покупать вапче. Только вон из-за этой кобыла, Гулнара. У нее Звездочка от иноходца. На иноходь способность иметь. А хозяин сказал: «Или всех, или никто». Я, Ваня, много деньги вложил, вапче. Звездочка мне родит скакун иноходец штуки три, четыре.

Продам на скачки, вапче. Сам гляди: конезавод — жок³, работа — жок, деньги — жок. А жить нада.

— Сегизбай, послушай, я только приехал. Все деньги — зарплата, отпускные, пайковые, выслуга — все целые. Скажи, сколько хочешь? Все заberi. Не хватит — вышлю с места службы. Только отдай ты мне эту кобылку смелую!

— Как сказал? Смелая? Она и правда смелая, вапче. — Он показал на полусгоревший сарай. — Я тебе рассказывать — они горели у мене. Сосед за стенкой мусор поджигать. Стена прогорела. Они в угол сбились. Я прибежал — мене нету подойти, вапче. Вдруг Звездочка глупый прямо через огонь! Первый номер! И за ней все лошадки. Всех вапче за собой вывела. Хрипели, кашляли, грива, ресница поपालял... Понос. Лечил долго. Нет, Ваня, я ее не можно продавать. Не сердись. Уедешь — свой прихоть завтра забудешь. Давай друзья оставаться.

Вы спросите, чем дело кончилось? А тем, что наутро после разговора на квартиру к Лоскутовым заявился Сегизбай с четвертной полуметровой бутылью кумыса и, улыбаясь во всю ширь загорелого лица, спросил представшего перед ним в одних трусах заспанного Ивана:

— А как ты потащишь мой подарка? Через весь наш большой страна? Так, думаю, Звездочка хоть и смелый, на самолете не полетит, вапче...

Слезы мешали Ивану что-либо сказать, и он лишь стиснул старого друга в благодарных объятиях.

* * *

Смелая с виду лошадка неброская. Темненькая, невысокая, во лбу — звездочка. Ничего особенного. Но если присмотреться внимательнее...

Это похоже на то, как если бы, ежедневно встречаясь с сотрудницей в офисе и равнодушно проходя мимо, вы вдруг окажетесь вместе с ней в компании на дружеском междусобойчике. На шашлыках где-нибудь. У озера или у речки. И тут оказывается! Брат ты мой двоюродный!.. Да у этой мышки-норушки... И горделивая посадка головы! И точеные ножки! И все остальные достоинства, безоговорочно заслуживающие степеней превосходных!

Ум острый, нрав веселый, характер хулиганистый, увлечения эфемерные, доступность труднодостижимая. Вот, пожалуй, это и есть не до кон-

ца полная характеристика Смелой, нашей гранд-дамы здешних конных патрулей.

Иноходцы среди лошадей — короли. Их аллюр отличен от хода других пород. Эти благородные животные в беге бросают вперед ноги с одной стороны крупы, затем с другой. Как солдаты в строю, левой-правой, левой-правой. Бег плавный, мягкий и очень удобен для всадника.

— Как на лодочке поплывешь! — говаривал капитан, склоняя меня к прогулкам на Смелой.

Понимать это послушание следовало так: два-три круга по стрельбищу в различных аллюрах — хорошая успокаивающая для этой молодки процедура, по эффективности равная оздоровительному пусканию порции «дурной» крови. А уж дури-то ей было, как говорится, не занимать. Сколько раз она самовольно срывалась из расположения, и ее приходилось разыскивать буквально с собаками! Тесен ей, видите ли, этот мир, узки горизонты и ненавистно бесцеремонное отношение конюха к Ея, понимаете ли, Высочеству! Один раз доставляли ее даже с финской стороны, сопровождая процедуру передаточным актом. Как прям разведчицу какую! Василий, конечно, провел с ней воспитательную беседу в своей обычной лексической манере, а для закрепления материала перетянул пару раз вожжами «по окаянной шее». Пока капитан не видел.

Являясь предшественниками рысаков и даже превосходя их по резвости, линия иноходцев, скрещиваясь с ними, утратила свою индивидуальность и появилась так называемая «грязная иноходь», когда лошадь сбивается со своего хода на обычную рысь или в галоп. Справедливости ради следует сказать, что и сейчас появляются иногда чистые иноходцы от природы, но редко.

Поэтому Лоскутов муштровал Смелую вплоть до связывания ног попарно коротким сыромятным жгутом, приучая ее держать свою отличную от других стать и поступь. Та же в отместку за эти принудилочки благосклонно позволяла капитану себя любить и холить, свысока, но не без удовольствия, позволяя ухаживать за собой. И хозяин, конечно, старался! Чистка, педикюр, стрижка — все по высшему разряду! Массаж — пожалуйста! Седло бухарское, потник узорчатый, стремяна кованые, шпоры золоченые, узда в цветочках кожаных! Мазь особую втирал ей в уголки рта для

³ Жок (казахск.) — нет.

пущей чувствительности. Зимой, прежде чем взнуздать, металлический трензель и распорный мундштук грел дыханием своим... Пользовал ее только под седлом, телегу «Их Благородие» категорически не принимала. Да о чем речь! Анна Васильевна, должно быть, и не знала никогда от своего Ивана Михайловича подобной заботы!

Проводя с нами, обормотами, занятия на импровизированном манеже у конюшни, капитан полностью преобразался. Напрочь забывая о том, что он командир, истово пытался вложить в наши пустые головы все приемы и навыки работы с лошады. Он радикально менялся и становился замечательным, чутким и добрым учителем, который с радостью отдает ученикам знания по предмету, что является смыслом всей его жизни. Из его уст уже не звучали окрики, команды и казенное к нам обращение типа: «Рядовой такой-то!», а исключительно — «Сынок!»

Над манежем висело: «Держать спину, сынок! Ребятишки, облегченной рысью, пошли, пошли! Пропускай, пропускай второй толчок, мой золотой! На балансе сиди, а то язычок откусишь на хрен! Мягче садись в седло, родной! Это тебе не бабкино кресло! А ну-ка, мальчики, манежным галопом! Вперед! Круг не ломайте, не надо, не надо... Всем спешиться, сыночки! Нет, нет, нет! Так будешь дома, с велосипеда слезать. А здесь надо стремена бросать, сынок, а уж потом спрыгивать, бросая ноги назад. А то вдруг кто напугает лошадь в этот момент? Выстрел? Взрывпакет? Пойдет вразнос и тебя потащит за одну ногу, только головушка по камушкам застучит!»

Занятия наши с этим его отношением приобретали такую непосредственность и почти домашность, что мы по окончании, не стесняясь, просили его:

— Товарищ капитан, а можно...

Он знал, конечно, о чем мы гнули, и говорил, соглашаясь не без удовольствия:

— Ну, ладно, чертенята!

Видя его согласие, я начинал хулиганить, барабанил пальцами по перевернутому ведру и кося под циркового шпехштаймейстера:

— Только сегодня! Проездом из Монте-Карло в Сан-Франциско! Единственное показательное выступление в вашем городе...

Капитан, делано хмурясь, отмахивал мне заткнуться и говорил:

— Сегодня — неуставной способ выполнения

команды «По коням!» — и грозил пальцем: — Но предупреждаю: самим не пытаться повторить! Изуродуетесь, а нам с вами это ни к чему совсем.

Поплевав на руки, заворачивал нижнюю губу, делал лихой двойной посвист, и Смелая, подчиняясь, поворачивалась к нему хвостом. Полуприсед, три метра разбега и...

Опершись ладонями о лошадиный круп, будто через школьного «козла», капитан взлетал над ее спиной и вставал на лошади в полный рост, раскинув руки. Затем, разведя ноги, впечатывался в седло и, вздернув поводья, ставил Смелую в цирковую «свечку» с поворотом на 360 градусов! А та, вращаясь, еще и передними копытами перебирала грациозно. Восхищению нашему не было предела!

Приемов вольтижировки он знал множество и под настроение (а когда рядом лошади, настроение у него всегда отличное) выполнял их с лихостью ковбойской, чем заслуживал наши горячие аплодисменты.

Из конюшни капитан удалялся позже всех, но уже в облике строгого командира воинского подразделения. И мы прекрасно понимали, что не стоит обманываться тем мягкосердечием, что было отпущено нам на занятиях. Служба есть служба!

А вот при моем первом знакомстве Смелая тут же продемонстрировала свой норовистый характер. Гордо восседая на ней, я выезжал к стрельбищу на утренний променад.

И лишь стоило дать ей шенкелями посыл ускориться, как вдруг подо мной поползло на сторону седло, и я снопом сверзился в снег, получив вдобавок по затылку висящим за спиной автоматом! Смелая безучастно глядела в сторону, но казалось, что она не только ехидно улыбается, но просто смеется надо мной откровенно!

— Да это она надулась, когда ты ей подпругу затягивал, — потом объяснил мне конюшенный Вася, видевший мой позор. — А потом выдохнула. Проверяет на вшивость вашего брата! Хулиганит зараза!

Не сразу забыв обиду, я все же сумел подружиться с ней, хотя и усилий к этому было приложено немало. Через некоторое время Смелая, пропуская без внимания мельтешение на конюшне большинства служивых, мое появление стала отмечать коротким и легким приветствующим ржанием, похожим на сонное всхрапыва-

ние. Я стал считать это доказательством того, что она приняла меня в свой узкий приятельский круг. С моей стороны было бы верхом неуважения, когда бы в кармане не лежала для нее морковка, краюха хлеба или кусочек сахара. Но было главное, что нас сближало. Мы разговаривали! Сначала это происходило безотчетно и машинально: я, убирая денник или надраивая скребком и щеткой ее лоснящуюся шкуру, тихонько рассказывал сам себе какую-то чушь, напевал или комментировал Васе наши местные незатейливые события. Совершенно не подозревая и здраво не допуская мысли, что лошади это мое бормотанье что-то дает, как-то до нее доходит и, не ровен час, интересуется.

Но когда я заметил, что Смелая поворачивает голову, услышав имя Василий, вглядывается в полумрак прохода при упоминании капитана и прядет ушами, когда я в приливе нежности шепчу ей ласковые слова, — вот тогда стало понятно, что рядом со мной полноправный собеседник. Пусть и бессловесный. Сделав это открытие, в дальнейшем я стал вкладывать смысл в наш односторонний, но все же диалог. Особенно Смелой нравилось, что утренний туалет перед седловкой я начинал, напевая детский стишок: «Я люблю свою лошадушку, / Причешу ей шерстку гладко, / Гребешком приглажу хвостик / И верхом поеду в гости!» Волна удовольствия трепетом пробегала по ее шкуре, а влажные фиолетовые глаза молчаливо излучали благодарность. Чтобы это понять, слов никаких совсем не было нужно.

Не нами, замечу, сказано: слово — серебро, молчание — золото!

* * *

Всем нашим непростым коннохозяином заправляет он — от молодых ногтей досконально знающий крестьянское дело, обозник и конюх, рядовой Вася Заболотнев. Василий Терентьевич — мой, между прочим, земляк. Все, похоже, давно уже забыли, что Вася такой же солдат-срочник, как и все мы. Но он как-то незаметно для окружающих, включая начальника, превратился в вольнонаемного трудягу. В наряды его не ставили, номер закрепленного за ним автомата он никогда бы не вспомнил, если б и захотел. Занятий не посещал и в казарме не спал, предпочитая узкой койке роскошный дощатый топчан в теплой

конюховке. С необъятным караульным овчинным тулупом вместо одеяла и мешком духмяного, первого укоса сена в головах.

Из воинского обмундирования на нем только шапка с бледным следом от отвалившейся звезды. Остальной наряд состоит из вдоль простроченных ватных штанов, заправленных в валенки сорок растоптанного размера, кои, в свою очередь, всунуты в высокие резиновые чуни, этакие вездеступы, типа глубоких калош. Из серой хлопчатобумажной рубахи, застегнутой в глухую так, что углы воротничка торчат вперед и шевелятся при разговоре.

Из бледно-зеленой военной телогрейки, перетянутой брючным брезентовым ремнем, и самокрутки в редких, желтых от махорки, крупных зубах. Дел у Васи по горло, причем таких, за которые никто больше взяться не отважится, и поэтому его явно самовольное отстранение от службы тихонько спустили, а уж дальше — как по накатанной дорожке...

Анна Васильевна обращается к нему исключительно «по батюшке». И так это мило у нее получается!

— Василь Трентич, а, Василь Трентич, разрешите вас поспросить...

Вася с виду жилист и скуласт, в деле основателен, в общении же, повторюсь, гипертрофированно охоч до матерщины. То есть обычных человеческих слов в его лексиконе крайне мало. Подчиняться мату он приучил даже лошадей, а нечастые минуты общения с Анной Васильевной повергают его в молчаливый ступор. Курит Василий исключительно моршанскую махорку за четыре старосоветских копейки пачка, виртуозно скручивая тугие сигарки сильными желтыми пальцами с выпуклыми, как часовое стекло, ногтями. Лизнув очередную самокрутку по газетному боку, запаливает ее самодельной бензиновой зажигалкой и, откашлявшись, публично хаёт наши сигареты и папиросы, говоря:

— Они до дна не достают ни! — и похлопывает себя по месту, где, надо понимать, у него дно. И смеется отрывисто этой своей шутке, дергая поросшим рыжей щетиной кадыком. Его щетина похожа на мелкорубленную медную проволоку, коей закидано все его скуластое лицо до самых глаз. Вот если бы вам дали приличный чурбак и топор, то вы, вырубая из него Васино лицо, даже не владея никакими художественными навыка-

ми, думаю, легко бы сумели достичь похожести.

Так. Ну что еще можно высмотреть из окна нашей дежурки? Разве нижнюю часть тридцатиметровой наблюдательной, а хотите — караульной вышки часового по заставе, прозываемого в просторечье «колуном». Эта деревянная конструкция, наша хуторская доминанта, в изяществе, возможно, чуточку уступает знаменитой Эйфелевой башне, но амплитудой колебаний и градусом отклонения от вертикальной оси, безусловно, ее превосходит!

А во-он там, далеко за сугробами, так что виднеется только крыша, стоит, горделиво задрав трубу, наша баня — родная ты маманя. Самая настоящая русская. С предбанником и парилкой на диких карельских камнях. А в этих краях повсеместно довлеет финская мода. На сауны. Их в Финляндии, пожалуй, не меньше, чем самих жителей. Там даже соревнования устраивают — кто кого пересидит в сухой обжигающей жаре. Проигравший вываливается, будто из преисподней, бурый, как вареная свекла, а победитель торжествует, окуклившись в позе эмбриона, выдерживая еще немного временной форы для убедительности. Получив же чемпионскую ленту, раздает облупившуюся с плеч кожу в качестве автографов. Ну, наверное...

Наши ребята, возвращаясь по лыжне на заставу, любят повторять бородатый анекдот про двух финских охотников:

— Сейчас приду домой — и сразу в сауну, — говорит один.

А второй отвечает:

— Не. Я сначала лыжи сниму...

Банька наша хотела, того и гляди, завалиться с крутого каменистого бережка в озеро, но ребята ей не позволили. Прошлым летом, рассказывают, они поддомкратили бане нижний венец и, надрывая пупы, закатали под углы четыре огромных валуна. Чего-чего, а дикого камня в Карелии покупать не надо. Ну вот, считай, и все наше пограничное поселение, окруженное по периметру колючкой и длиннющей поросшей будылем траншеей, громко звавшейся еще, наверное, со времен финской кампании и маршала Маннергейма обороной.

Именно здесь, в этом заповедном, труднодоступном для посторонних поселении, от лихого глаза засекреченном, только на оперативные карты нанесенном, обозначенном лишь

четырёхзначным шифром, «скорбя и радуясь, любя и негодуя», в дружбе и согласии проживают сорок или около того молодых ребят в зеленых фуражках.

Про дружбу и согласие — это тебе, брат, не фигура речи! Это жизненная и настоящая необходимость. Ведь службу по охране линии границы несут не по выбору — кто с кем захочет. Дозорные наряды составляет сам начальник заставы. Или Зубанов. Я вот уже заслужил его «благоволение». Но это ладно.

И представь себе: двое молодцов, загнав у «заряжалки» патрон в патронник и выслушав приказ заступить на охрану госграницы, отправляются на восемь часов в дозор. А допустим, что тебе попадает в пару тот, с кем ты накануне поскандалил? Или, хуже того, «пободался»? Что, ходить и дуться друг на друга, как мышь на крупу? Или взяться продолжать выяснять отношения? Прикидываешь ли, до чего могут довести вооруженных людей такие разбирательства! До сих пор из уст в уста ходит памятный на весь отряд давнишний инцидент на соседней заставе со случайным якобы выстрелом... Тогда прилетал из Москвы замкомандующего ПВ СССР и веером летели звезды с погон и головы с плеч! Слава богу, парень остался жив, после госпиталя был срочно комиссован и быстренько уехал домой, увозя в брюшине две затянувшиеся пробоины.

А поэтому будь аккуратен в общении — не высмеивай, не оскорбляй. Есть возможность — помоги. Не гнушайся при нужде спросить помощи и для себя. Дай человеку свои сухие валенки. Списать конспекты политзанятий тоже дай. Выслушай до конца, если с тобой говорят, и не встревай, если говорят не с тобой. Не брезгуй общением, не выказывай превосходства. Покажи желающему (да хоть и в десятый раз!) три гитарных аккорда. Не ешь в одиночку. Поделись со всеми посылкой — и лучше пусть тебе ничего не достанется от нее, но ребят угости. Умей посочувствовать и подбодрить. Не халаяничай. Не прогибайся. Не треплись. Не стучи. Спроста предложи закурить. Или оставь на крайняк курнуть! Да, вообще, «Баранкин, будь человеком, и люди к тебе потянутся...» Этот нехитрый закон не прописан в уставе внутренней службы. Его вывели сами мужики и в меру сил стараются соблюдать. Но просчеты все же бывали. Скрывать не будем. Чего уж там.

Хотя бы с тем же Танцурой. После его «закидона» чуть не вся застава пошла в отказ ходить с ним в паре на службу. И справедливо капитан гнобил его на хозяйственных работах у Васи Заболотнева на конном дворе. В угоду неумному своему фрондерству и загодя выстраивая себе на демобилизацию легенду о том, какой он весь из себя герой, Танцура совершил нарушение границы. Самое настоящее — перешел, гад, на финскую сторону! Ну, может, не совсем, это я уж так, малость преувеличиваю, по запальчивости... Но дело обстояло серьезнейшим образом.

У него, единственного на заставе, имелся фотоаппарат. ФЭД (Феликс Эдмундович Держинский). Раньше именами руководителей Страны Советов и приближенных к ним инородцев называли все, что попадет под руку: колхозы и станки, велосипеды и тракторы, сенокосилки, фотоаппараты, фабрики, паровозы, города и веси... Так вот. «Раз пошли на дело я и Рабинович...» Тайком прихватив с собой ФЭД, Танцура в паре с нашим первогодком Семой Мееровичем, страдавшим наследственным синдромом боязни всего и вся, отправился на осмотр линии границы. Семен послушно шел следом, пряча глубоко внутри свое высокое чувство принадлежности к народу избранному.

Надо сказать, что происхождения еврейского он не стыдился, как многие в те времена, а говорил: «Какой я еврей — станет известно в будущем. У нас говорят: тот еврей, чьи внуки — евреи». Да и не картавил он, как это принято всегда подразумевать.

Но к делу. Не выдам большого государственного секрета, если скажу, что основную службу по охране границы наши ребята несут на упреждающих рубежах. Там, где протянута колючка, где КСП, где дозорная тропа, различная аппаратура, наблюдательные вышки и телефонные гнезда для связи с заставой. То есть на приличном удалении от самой линии границы. В просторечье, от «линейки».

Так что нарушитель, задумавший черное дело, будет запеленгован специальной аппаратурой и задержан допрежь вождельного свидания с сопредельной территорией. Финны в курсе, как серьезно наши власти стерегут свои рубежи, и поэтому они полностью полагаются на наших пограничников, не больно-то утруждая себя охранной повинностью. Так, в пределах необходи-

мого. Знают, русские не допустят! Ни туда, ни обратно! А вот сама линия границы лежит в девственной неприкосновенности. За ней лишь наблюдают из зарослей, двигаясь по тайной лыжне. Или по скрытой тропе, если летом.

Достигнув удобного, по его мнению, места, Танцура, достав из-под белого маскировочного халата свой ФЭД, дает его Семке, показывает, где нажать спуск и как перевести кадр, а сам, не ведая, что творит, заворачивает лыжи и нетронутой целиной шагает к погранстолбам. Минует красно-зеленый наш, походя смахнув с герба снеговой намет, не дрогнув, пересекает невидимую святую линию, разделяющую два государства, становится у бело-голубого финского погранзнака на сопредельной уже территории и, сбив со столба лыжной палкой налипшую за зиму высокую, как боярская, снежную шапку, дает Семе отмашку. Тот щелкает как заведенный, а Танцура — и ноги расставит, как герой боевика, и присядет, целясь в невидимого противника, и столб обнимет, и плечом обопрется фривольно...

— Давай теперь тебя, — подпрыгивает он Сему.

— Да ты что! — бедняга бледнеет и чуть не оседает в снег, неотвратимо понимая затылком, что влип в историю. С географией, буквально. Прикинув в уме возможные последствия, неглупый Сема Меерович наложил в штаны и заплакал.

— Не кисни! — орал на него Танцура. — Ночью пойдет снег — все покроет. Запомни одно: ничего не было! Что бы ни спросили — в отказ! Не знаю! Да, ходил. Но ничего такого не видел! Расколешься — обоим по три года дисбата. Я-то отсижу да и домой, а тебе еще три года дослуживать где-нибудь в стройбате на лесоповале. «Семерик» тебе в сумме корячится, салага, это ты понимаешь?!

Снег и вправду выпал. И не один раз. Минуло дней двадцать. За это время «линейкой» прошли девять наших дозоров. Считай, половина заставы. Ничего необычного не отмечалось. Снег выпадал, подтаивал, схватывался настом, оплывал, рушился селей, и «схода» заметно не было. А что до снеговой шапки — ну, думали, подтаяла да и упала. Что уж и такого необычного...

Однако какой-то дотошный сопредельный пограничник все-таки заметил неладное и доложил по начальству. Финны — они же от рождения лесовики, и любая не так сложенная ветка может их насторожить. И от финских пограничных властей поступил деликатный запрос. Дело

запахло авиационным керосином. Из отряда незамедлительно последовал звонок, который Серега умудрился подслушать. Якобы завтра к нам на заставу вылетает подполковник Разуваев Юрий Иванович. Первый отдел. Предстоит детальный «разбор полетов». Вот тебе, бабушка, натурально и Юрьев день! В старину, только на этот праздник, на день святого Георгия, в шестнадцатом столетии разрешалось переходить от одного помещика к другому. Но не в двадцатом же веке! И не в другое же государство!

«Фулоганьё!» — как скажет тетя Аня.

* * *

Наступало утро «судного» дня. По всему ощущалось, что сам день ничего хорошего не сулит. С рассвета все как один при делах. Вертолетная площадка расчищена и даже выметена. Казарма и все кабинеты выдраены. Кровати заправлены натуго и выверены по шнурку. На фланги брошены усиленные наряды. Свободный от несения службы народ, сверкая бляхами и пуговицами, штудирует уставы.

У Семы Мееровича участились позывы к мочеиспусканию. Васе Заболотневу велено запереться в конюховке изнутри и не высовываться, а назначенного на дежурство грузного сержанта Ляпало срочно заменили известным строевиком Серегой Лузяниным. Капитан ходил серый лицом и ни с кем не разговаривал. Даже служебные собаки, чуя неладное, присмирели, пряча хвосты под животами. Над заставой грозовой тучей нависло тягостное ожидание.

Ляпало обиделся. Молча сдал Сереге постовой журнал, штык-нож и красную повязку дежурного. Дюже оскорбленный проявленным к нему недоверием, но исполненный самостийного национального достоинства, направился в столовую к Вове с намерением хотя бы позавтракать.

Вова же, неприятно озабоченный приказом старшины готовить обед для прилетающих офицеров, пребывал в безысходном раздумье на эту тему. Ляпало ему подвернулся а ну как некстати. В сомнамбулическом оцепенении и с тяжелым сердцем Вова отковырнул ему в алюминиевую миску шмат сцементированной пшенной каши и кинул в зеленую эмалированную кружку два кусочка рафинада. Давясь недоваренным зерном, Ляпало медленно багровел. Не в силах одо-

леть предложенную ему субстанцию, он, скрутив винтом, отшвырнул алюминиевую ложку и, нарочно наступив на нее сапогом, пошел с кружкой за чаем. Титан был холоден, как ледяная вершина Эвереста. Тут все гордое терпение кончилось, а все остальное началось.

— Ты чего творишь, лось беременный, — поднял изуродованную ложку Вова.

Ляпало, не отвечая, нацедил полную кружку холодного кипятка и выплеснул Вове в его брыластую физиономию... Грозовая туча над заставой раскололась первым разрядом!

Я всего этого не видел, потому как выгуливал на стрельбище Смелую под седлом. (Капитан навязал-таки мне утренние прогулки с ней.) Ну, а я это «дефиле» практиковал с «нашим удовольствием».

Забирая у меня лошадь, Вася, с треском царапая медную щетину на кадыкастой шее, поведал:

— Че тут было! В столовой. Это какой-то!

— А конкретно?

— Иди в казарму, мужики расскажут, — и потянул за собой Смелую, ослабляя на ходу подпругу и пыхая вкусным махорочным дымком:

— Ну! Еще у меня! — Смелая покорно опустила гордую голову.

— Короче, Зорик, — взхлеб выкладывал мне Серега, зыркая в окно, — столовая ходила ходуном, как избушка Бабы-яги! Мы успели только к финалу. Ляпало вылетел из харчевни пулей! Губа разбита в кровь, погон болтается, на руку ремень намотан. Хорошо, старшина подоспел — Вову заломил на крыльце в болевой захват. У того глаз заплыл, поварская куртка располосована, по земле волочитесь. Столы там со стульями и с посудой вперемешку, титан набок завален. Пальчик еще напоследок извернулся, снял с ноги свой говноступ безразмерный и запустил фельдшеру вдогонку. Вон, полюбуйся! Да ты наверх смотри! Видишь?

На проводах, зацепившись шнурком за скрутку, раскачивался черный с белой подошвой кед популярной в те времена в России китайской фирмы «Два мяча». К этой оказии на проводах по одному, по два стал стягиваться народ. Все же понимают: непорядок! Вот-вот «гайка» затарактит винтом, начальник Особого отдела прибывает в боевое подразделение, а тут этакое... Ляпало и Вову можно спрятать, а как с «этим» быть? Стали швырять снежками, но попадал один только

Гоша Бондарь, самый высокий хлопец на заставе, в недавнем прошлом — центральной молодежной сборной Сибири по ручному мячу. Из спортивзвода на заставу сослан за какие-то «невинности» по отношению к ефрейтору Гале Гусевой, помповара из отрядной офицерской столовой.

От Гошиных попаданий башмак лишь крутился в разные стороны, но падать не собирался. Раскрывлив полы шинели, из казармы стремительно вышел капитан. За ним, чуть справа и сзади, семенил, поминутно оправляя на себе ремни, лейтенант Зубанов. Ситуация стала явственно напоминать мне блестящий чеховский рассказ «Хамелеон». Толпа, собака, то есть обуток, полицейский надзиратель и рыжий городской с решетом крыжовника.

— Стремянку! — скомандовал Очумелов.

— Стремянку! — вторит ему Елдырин.

Принесли самодельную лестницу с упором.

— Бондарь! Бери дубину какую-нибудь, лезь быстро! Времени нет совсем... — это старшина.

Гоша взгромоздился на верхнюю ступеньку, завел за спину подобранный кусок доски, с размаху треснул им по несчастной обуви и, переломившись вперед всей своей «коломенской верстой», рухнул на руки тех, кто эту шаткую конструкцию поддерживал.

Башмак от удара сделал на шнурке безупречный полный оборот и закрепился еще надежнее, издевательски вывалив при этом широкий мятый язык. Лоскутов сплюнул. Из дежурки подскочил Серега:

— Товарищ капитан, летят! Встречающим надо на площадку...

Далее все происходило, как в «Великом немом». Зубанов положил ладонь на кобуру своего «Макарыча» и заглянул Лоскутову в лицо. Капитан посмотрел на него оценивающе и перевел взгляд на небо. В ту сторону, откуда летел к нему нежеланный гость. Снова повернулся к Зубанову. А с тем случилась вдруг резкая перемена. Он встал как-то боком и опасливо опустил глаза. Начальник качнулся на носках и поискал взглядом в толпе. Думается, Валеру Паленого. На глаза попался я. Мы молча смотрели друг на друга секунду, как вечность. Пока он не прикрыл глаза и еле заметно мне кивнул. Я все понял и сорвался за автоматом, сбрасывая на ходу с себя шинель.

«А сними-ка, брат Елдырин, с меня пальто... Ужас как жарко!»

Обхватив телеграфный столб и прикинув к нему всем телом, я плотно притянул за цевье автомат к его гудящему стволу, стряхнул с головы шапку на землю и опустил предохранитель. Мозг привычно начал медленный отсчет — счастливый выстрел у меня получается на счете «9».

— Раз... — насыщаюсь воздухом через ноздри.

— Четыре... — замедляю сердечные удары.

— Шесть... — выгоняю воздух из легких.

— Восемь... — провал полнейшей тишины и неподвижности.

— Выстрел!

Вовин башмак, кувыркнувшись, черной кряквой шмякается капитану под ноги, оставив на проводе охвосток шнурка. По толпе прокатывается гул одобрения, а я благодарно утыкаюсь потным лбом в столб, не ставший в эту минуту для меня «позорным». От нахлынувшего счастья не сдерживаюсь и делаю на публику еще и «пропеллер».

Этакий неуставный финт в обращении с оружием. Надо чуть подбросить автомат в воздух, закрутить правой рукой вокруг запястья, дать ему полный оборот на 360 градусов. Ремень отлетает в сторону — перехват — и АКМ на плече как влитой! Остается шелкнуть каблуками и вытянуться во фронт! Все!

— Циркач, — иронично оценил мою работу капитан, но по теплым его глазам я понял, что этот мой выстрел снял все сомнения, что грызли его последнее время из-за моей нестабильности в учебных стрельбах и решение свое послать меня на соревнования вместо Паленого он не отменит. Зубанов, злясь на что непонятно, футбольным пасом отправил злополучный обуток далеко в сторону, и тут же в небе отчетливо и утробно застрекотал лопастями вертолет.

* * *

Разбор полетов происходил в Ленинской комнате. Туда из пирамиды была доставлена пара лыж с палками. Все, кто был причастен к патрулированию линии границы за последнее время, отвечали на вопросы, надевая лыжи, прямо на полу демонстрировали владение разворотом на месте и выходили поодиночке из двери с лицами, отражающими все цвета живописной палитры, но в основном бордо-

во-красные. Лишь Танцура вышел белым, а Сема Меерович — зеленым. Особист раза два подходил к телефону, а затем минут пятнадцать пил с капитаном в канцелярии чай. После всего было общее собрание заставы.

— Вот что я вам скажу, господа военнослужащие! — начал Разуваев. — Вам несказанно повезло. Был звонок из отряда. Финские пограничные власти, не обнаружив лыжного следа, идущего дальше их пограничного столба, все претензии по инциденту сняли. Даже с деликатной припиской — виновных по делу не наказывать. Но вы глубоко заблуждаетесь, если думаете, что, идя на сегодняшнем допросе в плотный отказ, сумели обвести меня вокруг пальца. В особых обстоятельствах у особого отдела всегда есть особое мнение. Я твердо знаю, кто сие совершил и кто этому потворствовал. В связи с телефонограммой от финнов дальнейшее производство по делу я останавливаю, но!..

Мой старый товарищ и однокурсник — он положил сидевшему рядом начальнику руку на погон — чтобы было ясно, мы с ним заканчивали одно училище.

— Так вот, капитан Лоскутов из-за вашего разгильдяйства совсем не заслуживает второго строгого взыскания. О первом вы, думаю, знаете. Я сейчас отбываю в отряд для доклада командиру, но на прощание хочу вам настоятельно порекомендовать следующее: соберите свой, без начальства, солдатский совет и проведите внутренний разбор. Найдите виновных сами. Это поможет вам точнее и детальнее разобраться во взаимоотношениях, не столько воинских и дисциплинарных, сколько человеческих и личностных. Предупреждаю, однако, при этом, чтобы безо всяких там «темных». По первой же жалобе виновные будут строго наказаны.

Мне показалось, что он в этот момент еле заметно подмигнул капитану.

— Желаю вам всем успехов в подготовке боевой и политической. До свидания! Иван Михайлович, проводи меня, дорогой!..

Руководство в сопровождении Зубанова и старшины Коноплева удалилось, а в Ленкомнате остался только неровный гул.

Встал громадный Гоша Бондарь. Он заклинил ножкой стула двери и повернулся ко всем:

— Танцура, выходи к доске! Иначе с разбега и в прыжке отшибу голову с плеч!

Тот, понурившись, вышел перед честным народом на толковище и молча упал на колени...

* * *

Из казармы вышел наконец заспанный Валера в расстегнутой до пупа гимнастерке и с ремнем на шее. Не удостоив нас с Серегой даже и взглядом, накинул бушлат и, закулив, поочапал вразвалку через плац к туалету.

— Вот вечно он такой, — томясь неизвестностью происходящего, нервничал Серега. И не преминул позлорадствовать мне: — Сиди вот теперь. Жди-и!

Я, сказать по правде, тоже немного ерзал от того, что не знал, с чего мне начать с Валерой разговор. А мой Серега, заведя руки за спину, делал безучастный вид и, кося под платного филера, прохаживался в полуприседе возле капитановой двери, наострив ухо.

Минут через сорок, справившись со своей проблемой, пришел Паленый. Обстучав от снега сапоги, в упор спросил меня тоном завязтого дуэлянта, владеющего правом последнего выстрела:

— Ну, молодой, пошли? — и двинулся в Ленинскую комнату.

Я потянулся за ним и, прикрывая за собой двустворчатую дверь, был снедаем желанием отстригнуть ею Сережкин любопытный нос.

— Давай Расскажи, салажонок, каким таким «макаром» ты меня обскакал! — проговорил Паленый, садясь на стол.

Я понял, что начало разговора можно не изобретать:

— Значит, ты в курсе?

— Дураком надо быть, чтобы не понять, — он отвернулся к окну.

— Тогда давай, Валера, начистоту. Все, что я сейчас скажу, на сто процентов всерьез. Договорились?

Паленый молчал.

— Значит, так. Я им в канцелярии никакого согласия не давал. Потому как знаю, что это твоя персональная «байдарка». Причем односторонняя. И ты готовился. И, чего там скрывать, заслуженно рассчитываешь на призовое место. А это, возможно, отпуск. И он тебе, ясен перец, нужен. Вероятно, больше, чем кому-либо. Про мамку твою большую мне тоже

известно... — Валера отрешился от окна, намереваясь прервать меня. Я остановил его открытой ладонью: — Поэтому слушай, парень! Если сейчас ты мне, — я упер ему палец в грудь, — не начальству, а мне, — я вернул палец себе под сердце, — скажешь правду, что ты хочешь поехать на эти долбанные стрельбы, я дам капитану отказную!

— Не пролезет.

— Пролезет!

— Он не потерпит.

— Потерпит! У меня есть аргумент!

— Какой еще, в баню, аргумент у салаги против начальника?

— Я им намажу горчицы на праздничный пирог! Больным скажусь. А заставят ехать под приказом, привезу полные мишени «молока»...

— Это саботаж.

— По фигу!

— Губа⁴.

— По фигу!

— Если не дисбат⁵.

— Не твоя забота! Говори прямо или... — я задрожал губой и вскрыл последний козырь: — Или ты не мужик, понимаешь?

Паленый покачал головой и улыбнулся мне почти отечески:

— Дон Кихот ты недорезанный, — говорил он, будто гладил меня по голове, — все справедливости чаешь? Где ты видел ее, справедливость-то? Смерть Кошееву найти легче... Понимать-то я и без тебя понимаю, но отчего помимо меня все решается?

— Ты не прав, Валера. Кэп хотел и тебя вызвать, но я настоял, что прежде мы с тобой с глазу на глаз должны прояснить ситуацию. И обещал, что после разговора зайдем к нему вдвоем при любом раскладе.

— Так встали и пошли, чего тянуть!

— Валера, ты мне не ответил...

— Пошли, пошли, — он отмахнул рукой, прекращая все мои жертвенные порывы, спрыгнул со стола и закачал квадратной спиной к выходу.

Получив разрешение, мы вошли. Капитан был один. В жизни своей я наблюдал поступки и геройские, и подлые, и сам я далеко не ангел, но то, как поступил капитан, подняло его в моих глазах на серьезную высоту. Хотя уж в моей-то оценке ему вовсе не было никакой нужды.

Он не юлил, не выискивал округлых форму-

лировок, не применял властных своих полномочий, нет. Он вышел из-за стола, положил ладони Валере на зеленые погоны и, глядя ему прямо в глаза, сказал просто:

— Прости меня, брат Паленый, что так с тобой поступаю. Но этот, — он мотнул в мою сторону головой, — стреляет лучше. И он поедет вместо тебя. Стреляет хорошо, а до нужной результативности не дотягивает. Перспективен, но вместо стабильности — неоправданная лихость и хулиганство. Импульсивен и обидчив, как молодой пудель. Нет у него такого навыка и остойчивости, как у тебя. Поедешь вместе с ним в качестве наставника и тренера. Ты же от молодых ногтей промысловик таежный. Помнишь, рассказывал, что ходить учился, держась за отцову берданку... Натаскай его, брат, как ты умеешь. Ты же лучший в этом ремесле, мне ли не знать! — Он заложил руки за спину, качнулся на носках и заговорил тихо и доверительно: — И если вы сможете какое там место взять, — он помедлил, — то мне, может, вернут майорскую звезду. А то ведь нам с Анной Васильевной уж и на пенсию скоро... Так что вот. Не держи обиды, Валера. Помоги. Оправдаете, буду ходатайствовать отпуском за обоих. А теперь идите, — он хлопнул нас легонько по плечам и отвернулся, сутулясь.

А буквально на следующий день в расписании служб, нарядов, дежурств, хозяйственных работ и прочей принудитовки против фамилий Паленый и Маловеров значилось: «Индивидуальные занятия по огневой подготовке». Состав дернулся и стал набирать.

* * *

И вот. Слегка припадая на левую сторону, ведет нас с Валерой Паленым в свои владения и пределы старшина Коноплев. Нарочито медленно извлекает он из бездонного кармана галифе упирающуюся полупудовую связку разномастных ключей и ищет среди них тот самый «золотой». Этот пук ключей, похожий на ошестинившегося ежа, закреплен у него на пояском ремне длинным сыромятным ремешком, напоминающим мне поводок, коим навечно привязан Парграф к этим складам, как сторожевой пес. Он

⁴ Губа — гауптвахта.

⁵ Дисбат — дисциплинарный батальон, воинская тюрьма.

горделиво оглядывает окрестности поверх наших голов, как бы приглашая мимоходящих персонажей оценить его значимость. И, надо признать, на это свое немного показное важничанье имеет полное и заслуженное право!

То, чем он заведует, не склад! Это трюм флагмана пиратской флотилии, под потолочные балки забитый добром с дерзостью и безжалостно разграбленных кораблей, начиная с боевых трехмачтовых фрегатов и пассажирских посудин и кончая рыбацкими катеришками и яликами. Этому флибустьерскому налетчику, притопленному тяжестью награбленной добычи куда как выше ватерлинии, не хватает лишь хлопающего на ветру «Веселого Роджера» — лихого знамени идеологов морского разбоя!

Я, прищутив глаз, мысленно уже приторачивал к коноплевскому животу длинноствольный пистолет с фигурным курком, накидывал ему на глаз черную пиратскую повязку и прокалывал в ухо большую плоскую серьгу. Ну хоть сейчас на кинопробы...

А Параграф приглашающе простирал руку:

— Пр-рошу к нашему шалашу!

Я скажу вам так: в этом шалаше было все! Буквально! От хомутов до домашних шлепанцев, от дамской плойки до бензинового генератора, от надувной лодки до старинного резного трюмо. От школьного глобуса до дизельного компрессора с отбойным молотком, от объемистого — в два обхвата — рулона красной ковровой дорожки до... (ну а это откуда?) детского трехколесного велосипеда. От сварочного аппарата до горки с хрустальными бокалами... Но довольно.

Ничего не выбрасывать (а вдруг пригодится?) не только исконно русская традиция. Хранить ненужное барахло на «черный», или, как говорят скандинавы, на «дождливый» день, свойственно многим народностям. Разве что итальянцы выбрасывают в этом смысле из ряда. Под Новый год выбрасывают из окон какие-то вещи, отслужившие свое, но опять же будучи уверены в том, что их подберут те, кому они совсем не лишние.

За вороха этого «добирища», уже не определяя назначение многих вещей, проваливался глаз, успев, однако, краешком засечь кой-чего и для внутреннего употребления: армянский коньяк, например, в уже початой картонной коробке, на которую старшина поспешно накинул попавшийся под руку маскхалат.

На стеллаже висится сверкающий сугроб из «Лайнера» — длиннющих финских сигарет в бело-голубых пачках. Эти пресные сигареты нам хорошо знакомы — их со слезами втюхивали нашим ребятам финские лесозаготовители на КПП через извилистую речку Ужовка, по которой они гнали к себе плоты из нашего кругляка. «Вашего Христа ради! Только возьмите!» Блок «Лайнера» за пачку русского пшеничного «Беломора». Наши воины становились в позу и не всегда признавали такой бартер равноценным. А посему финской договаривающейся стороне приходилось компенсировать недостачу парой-тройкой потрепанных эротических журналов. Но это не для огласки, хорошо?

Авторитет Коноплева-добытчика у отрядного начальства был непререкаем! Ему доверяли даже организацию сезонных встреч финского и нашего пограничного руководства по вопросам демаркации⁶, делимитизации⁷ и замены подгнивших пограничных столбов. Встречи эти проходили в комендантском домике на нейтральной территории, куда Коноплев, вкупе с поваром из отрядной офицерской столовой, конным обозом отправлялся за два дня до высокого визита.

Ни бельмеса не разумея ни в финском языке, ни в демаркации, ни тем более в делимитизации, Параграф зато отлично знал тайные желания финских делегатов. И умел, сукин сын, так угодить господам офицерам сегодня, как равнодушно и безжалостно оставить бывших врагов без необходимой «помощи» на следующее утро. Лицом к лицу с международным инквизитором — похмельным синдромом.

— А мне их не жалко, чухонцев! — курлыкал он с показной нежностью уже много позднее в приватной беседе. — У них там с этим делом туго, огр-аничения всякие. Опохмелиться негде. А я не дам. Мы им в 1917 году свободу подар-рили? Подар-рили! А они в Великую Отечественную с кем супр-отив Р-оссии кор-решковались, оглобли р-рыжие? С Гитлер-ром? Вот то-то! Тепер-рь пусть поносят от р-русской водки голову под мышкой! Подумают в др-ругой р-раз... Мож, поумнеют маленько...

На стеллажах необозримой вместимости об-

⁶ Демаркация — обозначение линии границы на местности с помощью погранзнаков.

⁷ Делимитизация — определение направления линии границы и нанесение ее на карты.

наруживались завалы реактивных сигнальных ракет и взрывпакетов, химобмундирования и противогазов, ракетниц и телефонных трубок в чехлах, автоматов новых и на списание и, главное, к чему я возделел более всего, — целые пирамиды из ладных, запаянных по рубчику зеленых металлических ящичков. Это были патроны. Немеренное количество патронов калибра 7.62 мм для АКМ — автомата Михаила Тимофеевича Калашникова, алтайского самородка, совершившего (ничуть не преувеличиваю!) революцию в разработке стрелкового оружия. Всех Звезд Героя, орденов и прижизненных памятников мало, чтобы по достоинству оценить его конструктивистский гений или, говоря проще, русскую армейскую смекалистость и дотошность простого мастеровитого мужика, в ремесле своем прямого потомка Ивана Ивановича Ползунова и Черепановых. Батьки с сыном.

Только не надо мне говорить, что, мол, АК — это перелицовка немецкой штурмовой винтовки (STG — 44, Штурмгеве — 44) и ничего там шибко нового не изобретено! Похож, мол, зело-борзо! Слышал я это все не раз и, может, поверил бы, когда не держал и то, и другое в своих руках. Этот миф был сляпан западными пиарщиками намеренно и с понятной целью — вытеснить наше стрелковое оружие с мирового рынка. Дескать, «русское оружие смерти — это нацистское оружие».

Да, было дело, товарищ Сталин заставил в 1946 году пленного знаменитого немецкого изобретателя стрелкового оружия Хуго Шмайссера работать на нашу оборонку. По профилю своему трудился немецкий инженер-оружейник или глушители изобретал к мотоциклам ИЖ, пусть нам кто-нибудь еще расскажет. Но! Автомат-то у Михаила Тимофеевича к этому времени был готов! Го-тов! И вскоре пошел в серию. Точка.

Прислушивайтесь иногда к умным людям, ведь еще «железный канцлер» Отто фон Бисмарк предупреждал: «На любую нашу немецкую хитрость у русских отыщется своя глупость». И такая вот «глупость», начиная с 50-х годов XX века, стоит на вооружении армий шестнадцати государств! Во всей мировой истории еще не было такого массового образца огнестрельного оружия, самого узнаваемого на планете Земля. Этот русский символ пробились даже в геральдику некоторых государств

и присутствует в гербах Зимбабве, Мозамбика и некоторых других.

А что до похожести, так ведь и обезьяны похожи на людей. Порой и не отличишь! АКМ — автомат Калашникова, модернизированный — это шедевральный уникум, а хотите, — уникальный шедевр! Именно он стоял на вооружении в наших войсках в мои армейские годы.

Согласен, сейчас есть множество других модификаций АК. Складные и раскладные, с оптикой и механизмом смягчения отдачи, с подствольным гранатометом и прибором ночного видения. С лазерным наведением и «глушаком» для деликатной стрельбы, с целеуказателем и инфракрасным фонарем, пламегасителем и отражателем звука выстрела. С приподнятым телескопическим прикладом и рукоятью перезарядки (затвором), для левшей. Облегченные, способные вести прицельный огонь под водой, в невесомости, из-за угла, из-под колена и с «чертовых куличек»!..

В разработке, я слышал, барабаны на 95 патронов вместо привычных магазинов, которые можно «валетом» стянуть изолентой. (Вот вам и 60 выстрелов!) Да еще этот явно неудачный патрон 5.45 мм с пулей слабого пробивного действия...

Но, будем же честными, ведь это все — при-бам-ба-сы! Нет? А вы спросите профессионалов-оружейников, съевших на стрелковом оружии за свою жизнь не одну собаку. Дайте себе труд. Спросите, не поленитесь. И они вам скажут, что по всем показателям и из всего ряда отечественных и зарубежных фантазий на тему АК (а лицензии на его изготовление распродавали по дешевке за границу направо и налево, недополучая за это такие деньги, что Михаил Тимофеевич мог бы прикуривать от стодолларовых купюр), АКМ остается непревзойденной «машиной». Ну, издревле же известно: гениальное — в простоте!

Но инженерная и конструкторская мысль не стоит на месте. И есть примеры пристальной работы над повышением качества стрелкового оружия. Например, израильская штурмовая винтовка «Тавог». Просто высший пилотаж и фантастика! Специалисты рассказывают, как она работает:

а) солдат стреляет в сторону противника из «подствольника» специальной гранатой, в которую вмонтирована видеокамера;

в) запеленговав цель, камера передает координаты на прицельный комплекс;

с) тот вводит поправки (дальность, угол, метеоусловия) и устанавливает точный прицел для винтовки.

Все! Можно оставлять оружие на треноге и из укрытия с пульта дистанционного управления производить выстрел. А уж пуля с целью разберется сама. А?!

У нас, уверен, сейчас есть разработки и подруче закордонных выкрутасов. Но вы попробуйте послать в атаку роту солдат, обвешанных такой чувствительной чудо-техникой! А по-пластунски? А по грудь в болотной жиже? Служат сейчас год, а обучаться владению этой аппаратурой нужно полгода? Потому-то и спасает наш автомат этот пресловутый мобилизационный объем.

И сколько еще прослужит этот наш трехголовый жупел, «железяка, деревяка, ремняка», неизвестно. Отметим: служит пока исправно.

Подняв указательным пальцем мою отвисшую от удивления челюсть, Параграф щерится улыбкой, дюже довольный произведенным впечатлением:

— Начальник напутствовал, мол: «Стар-ршина, давай, как на фр-ронте — пар-р-ням патр-ронов не жалеть», — чеканил он, передавая Палену коробку за коробкой.

Я, высвобождая Валере руки, подхватил вдо-бавок к своему и его автомат.

— Да и то правда, чего их жалеть, — съязвил Валера, — все равно перед каждой проверкой излишки в лесу прячем...

Параграф снял шапку и вытер рукавом потный лоб:

— А вот это лишнее, ефр-рейтор-р Паленый! Знаешь, так молчал бы. Молодого посвящать совсем не обязательно!

— Этот-то молодой?! Хэ-х! — Валера еще не отплевался от горечи рокировки в длинную сторону, что произвел с нами капитан. Ему было трудно подавить обиду и смириться с новой ролью наставника и тренера. И я его понимал. — Этого молодого вовремя не останови... — вполголоса добавил он как бы про себя. — Да, впрочем, ладно. Старшина, дай нам добавочно автомат. Из списанных.

— Зачем?

— Дай, дай.

— Они не пр-росвер-рлены.

— Мы стрелять из него не будем.

— А вдруг попутаете? А р-разор-рвет? — Коноплев повел шеей.

— Не. Мы ему мушку согнем. Для памяти. Свои в грязи валять неохота...

Я не мог сообразить, чего такое Валера несет, и перестал об этом думать.

Закрывая склад, старшина спросил меня:

— Слушай, Маловер-ров, а чего ты в кабине-те у начальника пр-риплел? Эсмор-рт какой-то... Чего это было-то?

— А-а. Эскавайр?

— Ну, вр-роде...

— В переводе — оруженосец при рыцаре, — я подкинул на плечах автоматы. — В другом значении — джентльмен.

— Ну-у, — протянул Коноплев, — тогда удачи вам, жень-тель-мен-ты!

Паленый первый раз за последние дни улыбнулся.

* * *

Тренировки.

Они начались необычно. Нет, я-то снарядил-ся, как обычно. Валера повел себя необычно.

— Оставь автомат в пирамиде, — категорически заявил он.

— Это еще почему? — резонно поинтересовался я. — Мы на стрельбище идем или снег чистить?

Валера вынул сигарету и выдержал паузу:

— Отойдем.

Мы вышли на крыльцо казармы.

— Давай, брат Маловеров, договоримся сразу, — Валера выдохнул дымную струю, — капитан навесил на нас с тобой нелегкую боевую задачу. На нас, заметь, на двоих. За ее выполнение мы с тобой ответственны одинаково. Пятьдесят на пятьдесят. Но. Тут есть одно маленькое «но», — глаза на его круглом полубурятском лице сузились до щелок: — Без меня ты дело провалишь!

Под его взглядом, как под прицелом, твердым и строгим, строптивость моя, еще живая до этой минуты, екнула, и я вдруг отчетливо понял: «Да. Провалю, пожалуй. А может, все-таки... Да нет, провалю. Как пить дать».

— Как ты думаешь, мог я, обидевшись, отказаться от предложения капитана возиться с тобой?

— Ну...

— Ты не нукай! Не запряг еще.

— Безусловно, мог. Что было бы естественно. Наверное...

— Мог. Но я, парень, не привык. Ты понимаешь? Не при-вык! Всю жизнь меня учили так: умри, но сделай! Пусть при этом лопнет твоя становая жила, а добейся! Замерзни в засаде в лошадиную глызу, но высиди свою добычу! Дойдешь или не дойдешь до села из тайги, но, покидая охотничий домик, оставь там свой последний кусок хлеба. В твоём лексиконе не должно быть слова «не могу». В другом случае — не берись. Лучше откажись. Но третьего, этого вот: «я попробую», «а вдруг», «а может быть» и так далее, — этого вот в природе не существует. Или «да», или «нет»! Третьего, брат, не дано. Ну, не дано, и все тут! Так и в нашей ситуации. — Он осаживал мою строптивость, глядя мне прямо в глаза. — Я, брат Маловеров, насчет тебя решил: сделаю что могу, отдам все, что умею, но этот парнишка будет лучшим! И вовсе не потому, что ты лично мне чем-то дорог или приятен. А потому, что не могу ломать принципы, на которых от века стоит наша порода. И ты мне в этом предприятии поможешь. Чем? А я тебе перечислю. Первое: беспрекословное мне подчинение на тренировках. Подчеркиваю, только на тренировках. Второе: я хочу видеть твоё желание вытащить из меня все секреты в обращении с оружием. Все тайные приемы и способы результативной стрельбы. Третье: записывай, что говорю касательно тренировок. Последний обглоданный карандаш и клочок бумаги надежнее человеческой памяти. Четвертое: общая физподготовка, включая дыхательную гимнастику. Я замечаю, ты не куришь. Это хорошо. Пятое: с первого дня подготовки, то есть с этой самой минуты, программируй себя на спокойную борьбу и уверенную победу. Пресловутый командный дух, по крайней мере в нашем виде спорта, — это собачья чушь! Центр средоточия — твоя внутренняя воля. Шестое: тренировки и их регулярность — залог достижения высшей концентрации. Один вид стрельбища и мишеней должен заводить твою внутреннюю пружину до упора. И последнее: в случае победы на соревнованиях постарайся в дальнейшем оставаться нормальным мужиком. Без позёрства и игры на публику. В самом начале ты производил более приятное впечатление. Я доходчиво поясню?

— Да уж более чем...

Я, сознаться, был несколько оглушен столь

стройной риторикой. Никак не мог ожидать такого от всегда молчаливого, угрюмого увальня Валеры Паленого. И это вам охотник-промысловик из глухой забайкальской тайги? Нет, это не из тучи гром, воистину...

— ...Что же. Принимаю к сведению и, что называется, обязуюсь исполнять, Валерий Андреевич.

Я сказал это своему почти сверстнику без какой-либо и тени иронии. Просто мне вдруг захотелось назвать его по имени-отчеству. Он этот серьёз почувствовал и не выказал ничем, что понял сказанное как-то иначе. Настрой был отнюдь не панибратский. Партнерский настрой, но с пережимом в Валерину сторону. Он ставил меня на место, и это у него получилось внятно.

— Тогда, — он щелкнул окурком в сугроб, — с богом, брат!

И закрутилось! И завертелось! И понеслось!

Первые дни мы только бегали до поту и падали в снег. Нужно было четко отработать позиции. Их статику. «Стоя». «С колена». «Лежа с упора». Без автоматов. Потом настал и их черед. Списанный автомат летал от одного к другому, как непоседливая сорока. Он бил меня по пальцам, отшибал запястья, хлестал ремнем по лицу, падал к ногам и утыкался в снег. Я часами кидал его из руки в руку, тренируя кисти. Крутил вокруг талии, ловил, подбрасывал вверх, закручивал «пропеллеры» и левой, и правой руками... Надо было сжиться с ним, сродниться, срастись. Чувствовать автомат, как часть своего тела. Затем начались непосредственно стрельбы.

Вот тут уж Валера выспался на мне, как на казенном. Он, как колья, вколачивал в меня поправки различного свойства, делал на мне зарубки замечаний и высекал затеси дисциплинарных истин:

— Отдача не должна тебя сместить! Влипни в бруствер!

— Не затягивай паузы между выстрелами. Но и не торопись.

— Никаких заглушек и берушей. Слушай и умей понимать свой автомат. И только его, а не выстрелы справа и слева.

— Растопчи в зародыше этот рефлекс посмотреть после выстрела на мишень! Поезд ушел — не дергайся, работай дальше!

— Не откидывай голову и не отрывай щеки от приклада, потом эту точку прилегания не

найдешь, засуетишься. Ты лежачий или стоячий монумент!

— Ставь ноги так, чтобы было самому понятно, что они по колено погружены в земной шар.

— Серьезного игрока промах не должен лишать уверенности.

— Ошибки нужны! Они необходимы, чтобы их не повторять. Перед стрельбой разогрей кисти рук до легкой красноты, но не снегом — опухнут. Будут чужие.

— Спусковой крючок — деликатнейшая часть автомата. Это радужный мыльный пузырь. Бери его на указательный палец так, чтобы он не брызнул пустотой.

— Уважай мишень! Она твой противник, и от выстрела на поражение будет всемерно уклоняться. Перехитри ее.

Пустые коробки из-под патронов высились грудой. Такая интенсивность стрельб довела меня до того, что результативность дала ощутимый крен в «минуса». Валера помрачнел, отменил очередную тренировку и, закулив, пошел в туалет думать. Затем где-то через час разобрал до винтика мой автомат, долго рассматривал все детали в увеличительное стекло.

Все было в относительном порядке — я свято соблюдал правило «Оружие любит ласку, чистоту и смазку!».

— Может, ты просто устал? — спросил меня Валера. — Перегорел?

— Ну-у... — тянул я, не зная, что ответить.

— Баранки гну... — закончил он за меня и, вынимая сигареты, пошел к выходу. Но тут же вернулся, сунул пачку обратно в карман и склонился над столом. Затем взял новенький патрон 7.62 мм, тщательно отёр его тряпицей, осторожно сунул в дульную часть ствола и покачал. Процедура обнаруживала слабый люфт. Какие-то микроны, но было понятно, что ствол на месте выхода пули — растробом. В этом и была причина рассеивания по мишеням. Да и автомат был уже в возрасте преклонном. Сколько призывов он переходил из рук в руки. Валера, докопавшись до причины, сиял победной улыбкой, и круглое лицо его светилось, как полная луна над его родным Улан-Удэ. Уже на следующий день он, с ведома начальника заставы и старшины, шерстил новые автоматы, снимая с них промасленную бумагу и консервирующую смазку. Сидя под яркой лампой в Ленкомнате, он разбирал их до нитки, тараща правый

глаз в наголовную лупу, коей пользуются часовщики. Ту, что ему «отказал» со склада Параграф.

Для дела старшине ничего не жалко — он и оптический прицел от снайперской винтовки дал бы на соревнования, да не положено.

Из десяти тщательно исследованных автоматов Валера выбрал два. Мы пристреливали их неделю. Остановились на одном. Он прирос ко мне с первого дня. Это был мой автомат — я чувствовал к нему родство. Паленый вручал его мне с торжественностью под стать награждению именной гвардейской шашкой. Не роняя трогательности момента, я поцеловал свой АКМ в теплый приклад. Я уже любил его всем сердцем!

До сей поры четко помню рисунок текстуры на прикладе, все потертости и переливы воронения на металле, эту уходящую в бесконечность змеевидную нарезь в глубине сверкающего ствола. И личный номер помню — 5510. Только на отлично! И только в «десятку»!

* * *

Ну, наконец-то! Повинуясь сезонному приказу командира отряда «О переходе на летнюю форму одежды», пришла-таки в наши края весна! Горячее солнце сквозь гимнастерку, первоцветы уже показались, а мы все продираемся на лыжах по утрамбованной за зиму оплывшей лыжне ну не метровой ли высоты! А куда денешься? Шаг влево, шаг вправо — болото. Надо ждать, пока снег стает до лежневки.

Подготовку к соревнованиям пришлось на это время отложить. Причина уважительная — у Валеры пальчик «бо-бо». Он, чапая вдоль контрольно-следовой полосы дозором, обнаружил порванный лосиным копытом провод, ведущий к прибору. Зачистил штык-ножом концы и скрутил обрыв, как водится, вручную. Уколол указательный стреляющий палец ржавой жилой, деловито, как и все, что он делал, выдавил багровую каплю, по древнему крестьянскому обычаю помочился на беднягу по-хорошему, отер палец о грязные штаны и забыл об этом пустяке напрочь. Но ночью пришлось проснуться и вспомнить. А уж к вечеру следующего дня Валера стал издавать звуки, похожие на подскуливание. Палец обрел форму сардельки, и нечего было мечтать просунуть его в скобу спускового механизма, как только лишь в эмалированную кружку с

марганцовкой. Паленый, нося раздувшийся палец в левой горсти, глядел на нас со щенячьей мольбой. А народ подхохотывал. Насмешки строил. И я, сукин сын, в том числе:

— Зачем ты, нехороший мальчик,
Мочой лечил несчастный пальчик?
Валере больно — нам смешно,
А «кэп» грозит ему в окно!

Сбалаболивши так, я проникновенно устыдился и в назидание себе сходил за нашим фельдшером, сержантом Ляпало.

— Резать рано, — сказал тот, царапая живот через майку. — Надо трошки ждать, покуда нарвет как следует.

— Трошки — это сколько? — всхлипнул Паленый.

— Ну-у, суток трое, — приврал, зевая, Ляпало.

— !!! — присел Валера и лицом изобразил удушенника.

— А штыба исключить заражение крови и, как следствие, гангрену, отрезать придется по локоть. Вон, бачишь, пошли метастазы...

— Он еще и шутит, пузырь с дыркой! — мужики вдруг прониклись Валериной бедой и, возмущаясь демонстративным безразличием фельдшера, загалдели, наступая: — Лепила! В твоём санузле есть хоть что-нибудь, кроме марганцовки?!

— Та видкиля ж у бедной сторожихи гроши?

— Столетник бы, да где его...

— А мазь Вишневского?

— А музыку Дунаевского?

— А обезболивающее какое-нибудь?

— Анальгин могу дати, а резати — ни. Не буду. Шить нечем. Трэба отправляти его к чернопогонникам. В ихнюю санчасть. Всего-то 40 км.

— Вот спасибо, доктор! Ваша тросточка. С набалдашничком. Калошки не забудьте! Дать бы вам... чего-нибудь... За визит...

— Калошками!

— Зачем? Набалдашничком!!!

От нашего сочувствия Валере, похоже, становилось немного легче.

«Эх, — говорила моя мама, — чужу беду руками разведу!» Недолго сопереживали мы Валере, тем более что старшина Коноплев, нагрузив на Васю Заболотнева тюки с новым нижним бельем, погнал всех нас в баню. Менять зимние рубахи и ненавистные «стариковские» кальсоны с завязками у щиколоток на все летнее и легкое.

— Застава! — кричал Вася Заболотнев. — Смена

белья! Второй год службы меняется с третьим! Салаги не при делах, донашивают свое ссаное!

Были выданы трикотажные грязно-голубые майки с проймами до поясного ремня и безразмерные, как невод, черные семейные трусы с белой матерчатой этикеткой внутри, где было всерьез указано: «Кировская фабрика головных уборов». И ниже добавлено: «Не кипятить». Воины, следуя инструкции и дурачась, напяливали трусы себе на головы — мол, да пусть «кипит наш разум возмущенный».

Ах, дорогие мои мальчишки! Некрадомой памяти «золотая рота»!

А недавно, провожая нашего «задержанца» Аркашу Головизнина в отпуск на родину, я по его просьбе подровнял ему отросшие патлы, наметил опасной бритвой пробор, подвел наискосок бачки и аккуратной скобочкой подбрил шею. В отглаженной форме со стрелочками где надо, в отглаженных же и набранных «третьими» яловых сверкающих сапогах, блистая бляхой, пуговицами, эмблемами и, главное, медалью, счастливый Аркадий был неотразим.

В отряде, доложил всезнающий Серега, нашего героя дожидались военкор и фотограф, мнящие увековечить Аркашу на обложке журнала «Пограничник». Пацаны ходили вокруг, ошупывая его, как манекен, хлопали дружески по плечу, подкалывали незлобиво, а Аркаша только отмахивался и никак не мог перестать улыбаться.

Но Танцуру он, посерьезнев, послал куда подальше. Тот гундел ему в ухо, прося дать форму переодеться, чтобы сразить наповал всех своих ивановских невест фотографией в сержантских погонах и с медалью. А что уж там наврать про свои подвиги в письмах — этому его учить не надо.

Все, конечно, Аркаше завидовали, и все хотели, скажу откровенно, не столько, может, этой вашей медали, не больно-то надо и на обложку, а вот бы домой... Но это счастье надо заработать. Аркаше эта возможность упала с неба. Вернее, вышла из леса...

Знакомый и в то же время вздергивающий клич «Застава, в ружье!» врасплох никого не застал. Привычным порядком выхватывая автоматы из пирамиды, по ходу цепляя на ремни подсумки, ракетницы и телефонные трубки, парни строились на плацу у заряжалки.

— Смирно! — капитан торопился. — Слушать

боевую задачу. Произошла «сработка» на системе по правому флангу. Плюс обрыв двух нижних нитей. Дозором на КСП обнаружен сход в направлении сопредельной территории. Одиночный след. Предположительно мужской. Это район Бобровой заводи. Соседние заставы с левого и правого флангов также подняты по усилению. Тревожная группа — четыре человека. Сержант Мажитов!

— Он дежурит.

— Снимается. И с розыскной собакой — с ними. Старший группы — лейтенант Зубанов!

— Я!

— Бегом, марш!

— Старшина Коноплев!..

— Я!

— Берете отделение Бондаря...

— Я!

— ...и на упреждающий рубеж. Задача — выдвинуться и рассредоточиться в пределах видимости в створе предполагаемого направления нарушителя. Бегом, марш! Остальным слушать мою команду. Заряжай! Маршрут следования — линия границы. За мной бегом, марш! — и, оборачиваясь на бегу, крикнул: — Головизнин! Остаешься за дежурного! Принимай звонки!

Территория заставы вмиг опустела.

В черном промасленном рабочем комбинезоне Аркан стоял, разинув рот и разведя в стороны измазанные тавотом руки. Он делал капитанскому уазуiku никогда нескончаемый профилактический ремонт. Таким образом, на данный момент он состоял вроде бы не при исполнении воинского долга. Капитанов окрик заставил его встрепенуться и обстановкой озаботиться.

Он отмыл бензином руки, сходил в оружейку, взял свой автомат, подпер им распахнутую дверь в казарму, чтобы лучше слышать звонки, и стал собирать инструмент. Свои гайки да болты. Вот тут у него за спиной кто-то робко произнес:

— Здравствуйте, кошпoдин зoльдaт...

Аркадий медленно, жвав голову в плечи, выпрямился и обернулся на голос. Перед ним стоял плотный такой дедок лет пятидесяти пяти. С неделю где-нибудь небритый, в черной телогрейке, кирзовых сапогах и кепке-восьмиклинке с пуговицей на макушке. В руке он держал обрез гладкоствольного ружья, на плече висел линиялый брезентовый рюкзак. Арканя, честно сказать, струхнул. Этакий, право, фрукт! Штатскому че-

ловеку тут появиться ну категорически невозможно. Совершенно... Да еще с обрезом...

— Гутен таг, кошпoдин, — повторил незванный гость и, приподняв кепку, поклонился.

Аркадий, вспомнив про автомат, похолодел. Тот, как дурацкая дубина, подпирает дверь казармы, оставаясь недосыгаемым метрах в сорока. Шумно сглотнув, наш боец безотчетно ткнул пальцем в обрез.

— Найн, найн, — мужик отбросил его, как обжегся. Кинул туда же рюкзак и поднял руки вверх.

— Я русский. Я сдаваться вашей власти. Плохие условия жизни в СССР... Я не преступник, нет... Я политическое убежище искать... Кошпoдин зoльдaт...

В голове у Аркаши лихорадочно завертелся бешеный калейдоскоп: «Что за идиотский немецкий акцент? Латыш? Эстонец? Перебежчик? Проверка из отряда? Офицеры бороды не носят... Школа диверсантов? Шпион? Бывший пленный? Дурак заблудший?

И тут его осеняет: «Комбинезон!!! Мой черный комбинезон! Ёшкин кот! Вот причина! Форму не видать, погон тоже! Он меня за финского пограничника принимает! Колочку перелез и думает, что уже на той стороне!.. Играть, играть на этом, Аркаша...»

Плечи сами собой расправились, он сделал пару шагов влево, разделив собой деда и брошенный обрез. Придав голосу твердость и делая лицом официоз, прикрикнул, изображая акцент:

— Токумэнтс! Аусвайс! — счастливо всплыло ему из какого-то кино.

— Конечно, конечно, — мужик вытянул из-за пазухи пухлый конверт.

Заглянув в него, Аркаша протянул руку в направлении дежурки и, очень к месту вспомнив свою учительку по английскому языку, произнес распевно, так же, как и она:

— Пл-и-и-зз!

Со стороны смотреть — ну чисто швейцар пятизвездочного отеля «Хилтон». Только годами посопливее. Дед потянулся было к мешку.

— Найн! — Аркаша уже держал себя в руках.

Едва дедок переступил порог дежурки, как наш конвоир перехватил свой родной АКМ задом наперед и, отведя обе руки назад, прикладом точно припечатал визитеру в подзатылочную часть. Кепка у того взлетела вверх, а сам он рухнул на

пол дежурки, как мешок с запчастями. Аркаша, торопясь, вытянул из своих брюк брезентовый поясной ремень и стянул ему намертво за спиной запястья. Выдернул тянувшийся по полу удлинитель и связал ноги. Перевернул безжизненное, казалось, тело, сграбастал за телогрейку и, поднатужась, привалил к стене. Мужик застонал и поджал связанные ноги. Арканя сходил за обрезом и вещмешком, разложил все это принесенное гостем хозяйство на столе и включил зуммер вызова на все фланги.

Замигал тумблер с зеленым огоньком — это включился лейтенант Зубанов.

— Товарищ лейтенант, отбой!

— Как отбой, почему отбой?... — в голосе его слышалась досада.

— Ну, так! Я его взял. Он на заставу вышел. Калитка в «системе» за вами за всеми не заблокировалась, вот он и пришел... Прямо на территорию...

— Кто пришел-то, твою мать?

— Нарушитель!

— На заставу?

— На заставу!

— Так арестовывай!

— Ну, так все уже. Арестован и связан. Отбой давайте всем нашим...

Лейтенант, злясь неизвестно на кого, недоговорив, отключился.

Первой на территорию заставы влетела взъерошенная розыскная овчарка Сильва, таща за собой на длинном поводке мокрого вожатого сержанта Мажитова. То есть ищейка шла за нарушителем почти по пятам! И если бы пришелец не забрел на заставу через приоткрытую калитку, то делать в гимнастерке дырку под медаль пришлось бы вовсе не Аркаше...

Где-то через час все собрались дома. Толпились в дежурке и с любопытством таращили на странного визитера глаза, пока капитан с Зубановым не перенесли его в канцелярию и не усадили на штрафной табурет.

Еще через час прибыли на вертолете «особисты». Подполковник Разуваев со свитой. А уж они свое дело знают. Приглядят за дедком.

Но Аркашу еще долго ребята расспрашивали, как было дело да как чувствуют себя герои, «грудью защитившие страну». И подковыривали, смеясь:

— Ну, давай, брат Аркадий, залепи-ка чего-ни-

будь на своем родном, англо-немецком языке...

Мои старания в освоении парикмахерского искусства не остались незамеченными. И теперь, составляя перечень хозяйственных работ для служивого народа по баннным дням, Параграф ставил против моей фамилии «послушание»: «Подстригать личный состав». Без какого-либо со мной согласования. Ну еще бы, думаю, не хватало!

Делать нечего. Перед помывкой я сажал наших оболтусов на пень около бани, на манер иллюзиониста взвизгивал простыню, затягивал им на горле узел и болванил по их желанию: коих «подноль», старослужащих — «покороче, но не совсем», а «дембелей» — по формуле: «Ты, Зорик, смотри, не напортачь, а то схлопочешь!»

— Сиди уж! — говорил я тоном профессионала, монополизовавшего промысел, и они замолкали, безропотно и даже затравленно глядя в примотанное к сосне ростовое зеркало. У Коноплева на складе нашлись (кто бы сомневался!) не только новая машинка для стрижки волос, но даже филировочные ножницы!

А за моей спиной — гвалт и хохот! Распаренные бойцы голышом (а кого стесняться?) кидаются с дощатой портомойни в холодные воды, пугая вставших погреться в заберегах на мелководье пострадавших за зиму шук. На озере еще торчит огромной лепешкой сумрачная пористая субстанция — нерастаявшая срединная часть ледяного озерного покрова, упорно цепляясь за подводный скальный выступ. Этот громадный камень расположен ровно посередине водного зеркала и не достает до поверхности сантиметра два-три. Забегая вперед, скажу: летом можно, высадившись из лодки, встать на эту скалу, а Танцура, отплыв на некоторое расстояние, тебя сфотографирует.

— Он, паразит, в прошлое лето, — рассказывал мне Серега, — сделал это предприятие своим маленьким бизнесом. А мужики расплачивались с ним за фотографии сигаретами.

Но дело и правда того стоило — снимок впечатлял: огромное озеро, по скалистым берегам — первобытный лес, ни одной живой души, а по водной глади легко ступает человек, накинув на плечи задуваемую ветром простыню. Или сидит, скрестив по-азиатски ноги. А легкая рябь лишь подчеркивает это очевидное невероятие.

Выскочив как ошпаренные из ледяной купе-

ли с дикими воплями восторга, носятся мальчишки по берегу, взягивая, как молочные жеребята, не преминув повихлять гибкими молодыми телами в большом зеркале и норовя обрызгать меня холодными каплями. Я шел на них, щелкая ножницами, грозя отчеккрыжить им причинные места.

— Эй! Ты че? — кричали они, смеясь и прикрываясь.

— Я из вас понаделаю рыцарей Мальтийского Ордена! У них безбрачие — главный обет.

— Сам ешь такой обед, умник!

— А жениться? Тебе одному оставить?

— Себе заделай этот... как его... хула-хуп!

— Харакири, дурак!

— Все разом дураки — оскотление! Понятно?

— Не важно! Режь, главное, быстрее, а то холодно ждать!..

Эх, нет на том берегу какого-нибудь пансионата благородных девиц! Или там кулинарного, аль бо медицинского техникума. Да на худой конец молочно-товарной фермы. С доярочками. В жизни не видать бы им интереснее представления, чем этот спектакль под названием «Баный день на погранзаставе». А уж с этого берега было бы не унять попыток преодолеть озеро вплавь. Тут же. Немедля! Да. Мечтать, говорят, не вредно.

Набесившись досыта, распаренные и вымытые до скрипу, постриженные, а у кого растет — побритые, на гимнастерках свежие подворотнички, бляхи надраены, в сапоги можно глядеться, — солдатики мои готовы к любому смотру или торжественному маршу!

В головах хлестаковская «легкость необыкновенная», и с ее подачи радостно заброшены в сушилку надоевшие за зиму ушанки со звездой, и в бытовке, толкаясь у зеркала, кокетливо примеряет служивый народ свои зеленые фуражки.

О, «зеленый фургон»! Этот атрибут нашей особой гордости и по значимости стоит на первом месте изо всей амуниции и всякого другого снаряжения. Как бескозырка у моряков — умирая, не расставались! «Зубами стиснув якоря на лентах...» В пограничных войсках не было разных там пилоток, кепочек, панамок и тому подобных беретов. Фуражки! Наша — исключительно пограничников — единовойсковая преференция! Демобилизовавшись, ты можешь выслать назад ребятам диагональную форму, хромовые офицерские сапоги, неуставную тельняшку, даже зна-

чок «Отличный пограничник»! Но «кемель»!.. Никогда! Все пропьем — гармонь оставим!

Зеленая фуражка — если уж не нимб, то, совершенно точно, символ причастности к элитному (мы не боимся этого слова!) боевому содружеству парней, несущих службу на переднем рубеже своей Родины. Высокие слова? А ну-ка! Кто первыми принял смерть от фашистов 22 июня 1941 года? А ведь только вчера, 21 июня, на многих заставах было рекомендовано прочитать и обсудить доклад «Германия — лучший друг Советского Союза».

А вот вам мирное время: остров Даманский (сейчас — Чжэньбао). Нас там расстреливали в упор, а вести ответный огонь по узкоглазым хун-вэйбинам было Центром запрещено. Пока пришло разрешение, пока то да се, роты пограничников как не бывало. А ведь это было полноценное вооруженное вторжение Китая на территорию СССР. Не останови пограничники эту вылазку, неотвратимо произошло бы полномасштабное наступление китайской армии на Дальний Восток! И это могло закончиться трагически, вплоть до начала большой войны! Справедливости ради отметим, что в итоге конфликта за эту спорную территорию армия Китая потеряла в сто раз больше солдат, чем русские. И, как результат, Даманский напрочь отбил у китайцев охоту говорить с нами на языке оружия.

А не мытьем, так катаньем! Они стали использовать прием «ползущего дракона». Подсаживая на финансовую кредитную иглу соседние страны, испытывающие проблемы с экономикой, Пекин принуждал их добровольно отказываться от спорных территорий в пользу КНР. За 15 лет Китай отобрал у Киргизии, Казахстана и Таджикистана почти 2000 квадратных километров приграничных территорий.

А бои за сопку Каменная в Казахстане? Редко кто и слышал об этой резне! А азиатские наркотрафики? А ползущая экспансия на востоке страны? По теме китайской экспансии есть даже анекдот. Пессимист учит английский — язык уходящего мирового лидера. Язык будущих хозяев мира — китайский — зубрит оптимист, а реалист изучает автомат Калашникова. В том, что он в какое-то время будет остро востребован, сомневаться не приходится. А уж пограничники-то, как нынче говорят, реалисты по умолчанию.

Так что нет, ребята! Это вам, не в ракетных штольнях прячась, крестики ставить в дем-

бельских календарях. Это передовая! Есть возражения по теме? Ну, наверное, есть. Возражайте, чего уж там...

* * *

В один из моих вялотекущих проходных и ничем не примечательных дней мне вдруг выпадает на руки козырный туз. Заглянув в только что подписанный начальником и выброшенный в дежурку для общего ознакомления наряд на хозяйственные работы, супротив своей фамилии я читаю: «Озеро Крайнее».

Господи! Кисти мне, краски! Этюдник мне на плечо! Я за одно туманное утро, на восходе светила, без труда увековечу это великолепное озеро, запечатлев его в импрессионистской зыбкости и воздушности мазка. И пусть я сумею отобразить лишь малую толику этого великолепия — люди будут моим шедевром очарованы, и я останусь в веках как наипервейший пейзажист всех времен и народов...

Но, как всегда, права моя мама: бодливой корове бог рог не дает. Зато дает мне Вася Заболотнев нашу красавицу Смелую под седлом, а в качестве «грузовика» советует взять чалую Удачу.

— Она рюкзак с рыбой попрет как! Спокойная до... Смело езжай! За чумбур ее вяжи, к седлу. Цугом так и!..

Когда закончится восьмикилметровая тропа и тебе, уставшему от неровной болтанки в седле по сумрачному хвойному лесу, откроется вдруг светлая, пронизанная матовым небесным свечением картина величественно спокойного озера, раскинувшегося зеркальной гладью меж замшелых скалистых берегов, поросших вековыми елями...

Когда откроется перед глазами этот немислимой красоты и не тронутый цивилизацией первобытный уголок мироздания, тогда... Вот тогда, остолбенев немного от неземного откровения, неопровержимо поверишь в прикосновение к дивному этому пейзажу Десницы Божией, Великого Архитектора всего сущего.

Название озеро носит финское, но территориально простирается в пределах нашенских. Поэтому и называют его чаще по-местному — Крайнее. Видимо, потому, что немного за ним, километра через два, — Финляндия. Сюда на летний сезон капитан заряжает двух-трех слу-

живых из тех, кто хоть немного «петрит» в рыболовном промысле. Эта рыбацкая заимка обеспечивает заставу рыбой с лихвой. А капитан уж не в отряд, а в гости к начальникам соседних застав без этой «лихвы» не ездит.

Живут рыбаки в рубленой избушке с чугунной, отвоеванной еще нашими предками в финскую кампанию трофейной печкой. Добывая рыбу, они ее солят, сушат, вялят и коптят. Для промысла этой живой продукции у них имеется целый арсенал снастей, коими забит дощатый сарайчик на задах: сети, переметы, «морды» (этакие плетеные бутылкообразные ловушки горлом внутрь); ботала, бредни, кружки-самоловы, донки, «дорожки», невода, огромные саки для ловли наживки, с полсотни удочек на деревянных и бамбуковых удилищах и даже два подарочных финских спиннинга, которыми играет капитан, ненароком заезжая к пацанам на Смелой с внеплановой инспекцией.

На отлогом берегу озерной заводи покоится вытащенная наполовину дюралевая моторная лодка-казанка и греет на солнышке свое смолённое днище перевернутый ялик. Сохнут на вешалах сети, от легкого ветра постукивая крашеными пенопластовыми поплавками. Под навесом на вбитых в стену деревянных костылях висят две полуспущенные резиновые лодки. Гостевые. Наезжает-таки изредка отрядное начальство побаловаться рыбалкой, но это рыбным запасам озера никак не в ущерб. Гости более пристально налегают на другое баловство, которого везут с собой в количествах немислимых.

За свежей рыбкой наши солдатики ездят на заимку с ночевкой. Видимо, поочередно. И очередь соблюдают строго. Ну что вы! Двое суток безнадзорной воли — это почти как увольнительная в город.

Ну да. В глухом лесу. Такая судьба. Но ведь все не в казарме! Нарочные, отправляясь к рыбакам, везут им консервы, крупу, хлеб, сушеную картошку, бензин, газеты и, конечно же, письма. Если есть.

Ребятам на путине лениться некогда. Надо с вечера ставить снасти, а поутру снимать рыбу с них, выбирать сети. Возьмешься им помогать, пропоешь так, что из неллишних своих сбросишь пару-тройку килограммов легко. Потом весь улов надо же переработать. А набивается столько! Да и как ей не быть, рыбе? Места вокруг режимные,

зона запретная, ни для кого не доступная.

Промысловиков всего-то двое-трое наших на весь водоем. Озеро, считай, девственное, а потому лови — не хочу. Хошь — острогой, хошь — голой рукой! Это изобилие в равной степени распространяется и на окрестные пределы. Все, конечно, в свою пору, но тоже в степенях превосходных. Грибы, клюква, брусника, морошка, черника, голубика, малина дикая... Раздолье — ходи отдыхай. Не забывайся только, автомат всегда за спиной держи — на все эти яства есть еще охотники, а по сути — истинные хозяева этих дремучих мест: снимут голову одним росчерком когтистой лапы.

Ребята встретили меня приветливо, хотя я приезжаю к ним только второй раз. Были на это радушие свои причины. Первое — я привез им каждому по письму из дома, а Андрюхе даже два. Ну и... Ладно уж, скажу по секрету. Вова Пальчик перед отъездом принес и с оглядкой вручил мне тяжеленный рюкзак с непонятным содержимым:

— Отдашь пацанам, — шептал он, озираясь. — Там Андрюха, землячок мой, за старшего. Ему отдай. И смотри у меня, молодой, чтоб ни одна собака... Ты понял?

Я, конечно же, понял, но по дороге все равно сунул туда нос. Вова, конспиратор доморощенный... Натурально, в рюкзаке таились килограммов десять сахара и килограммовая болванка дрожжей. Уверен, нет в России человека, который бы не знал, что за химическое соединение получается, если эти ингредиенты смешать с теплой водой и подождать дня три-четыре... Стаким подарком гостем я становился желанным. Ребята угощали меня ухой и копченостями, а ранним-ранним утром оттолкнули от берега в резиновой лодке, снабдив удочками и термосом с горячим чаем. И это было что-то!

Бывал я впоследствии на рыбалках-то, бывал. Ходил на промысловом катере по Балтике, черпал бреднем карасей в илистых казахстанских озерах, с компанией завязанных рыбаков жил неделю под Астраханью на Волге. В Находке со свистом высасывал нежное мясо из клешней дальневосточных крабов, таскал из-под льда полосатых окуньков на Тоболе, закатав штаны выше колен, исходил за поплавком по берегу Исети, реки моего детства, несчетные километры, наблюдая различных колеров рассветы и закаты.

Но такого утра мне не забыть до конца своих дней! Волею судеб и Провидением я, грешный, был удостоен возможности зреть таинство рождения на планете нового дня.

Отчего порой человек испытывает удивительное и необычайно глубокое проникновение в окружающую действительность? Когда все в нем преобразается и душа откликается на красоту чувством благоговейным? Значит ли это, что обыденную черту, границу, щит нашего восприятия может иногда пересечь что-то такое, что заставит задуматься — да правильно ли я живу? Почему эта неземная красота ставит нам подобные вопросы?

Знакомо вам такое словосочетание: непередаваемое очарование? Вот! Так что не до рыбы мне было совсем в то незабываемое утро. Онемев от явленной мне красоты, я, ни много ни мало, мирозерцал!

С трудом отошедши от приятных наваждений, засобиравшись домой. Но, памятуя наказ Валеры Паленого о непреложности регулярного тренинга, продырявил из своего АКМ с пятидесяти метров штук тридцать консервных банок, коих скопилось в яме за избушкой с приличным курган. Реакции финнов на выстрелы бояться нечего, они на них не реагируют. Во-первых, далековато, а во-вторых, повторюсь, эти лопари и границу-то свою как следует не стерегут. На нас надеются. Известно же, у русских мышь не проскочит. Граница на замке! Правда, увидеть этот замок за всю службу мне так и не довелось.

Оседлав Смелую и навьючив рюкзаками со свежей рыбой «грузовую» Удачу, я прощался с ребятами. В их глазах мне почудилась какая-то печалинка. Они словно завидовали тому, что я еду домой. «Но ведь там та же самая армейская неволя», — думалось мне. А вот поди ж ты...

Здесь — временка. А на заставе все родное: столовка с Вовой Пальчиком, тетя Аня, капитан, своя кровать, курилка, пацаны... Семья! Вот оттого и печалинка на душе.

— Ну ладно, держитесь, мужики. Пока!

— Давай, Зорик. Привет там всем нашим.

— Поспешай, пока рыба еще «зевает». Крапивой переложили — доедет!

— Счастливого оставаться, кормильцы! Все. Поехал.

Посередине пути на глаза мне попалась немыслимой высоты ель. Метров тридцати. Да

еще с хорошим гаком. Стройная, словно новогодняя кремлевская красавица. У нее, как мне показалось, уж больно вызывающе торчал вершинный отросток. Побег, похожий на кухонный ершик для мытья бутылок. Принимая этот молчаливый вызов, я потянул через голову автомат. Не спешиваясь, с плеча и практически навскидку, поймав в прорезь прицела нахальный вершок, делаю выстрел. Смелая встрепнулась, Удача же, более привычная к этим вещам, лишь согласно мотнула мордой.

Ёршик у ели дернулся, чуть помедлил и сложился. Автомату снова, как родному, достался благодарный поцелуй. С каждым удачным выстрелом мы с ним становились все ближе друг другу. Раз от раза ощущал уверенность, что, когда будет надо, он не подведет.

Я погладил его по стволу и отправил за спину.

* * *

Да что это за планида моя такая? Как только я где-нибудь в отлучке, так тут же происходит что-нибудь из ряда вон!

Всей компанией: рыба, я, автомат, лошади — добрались до заставы благополучно. Скинув слюнявые рюкзаки с рыбой на землю, отдаю лошадей Васе Заболотневу. Тот, распустив подпругу и заглянув Смелой под седло, начинает «ни здорово, ни прощай» знакомую песню:

— Я сколько вас буду учить? На какой седлать нечищеную лошадь?

— Да я чистил, Василь Трентич, — сказал я правду и покраснел.

— Ври, да не завирайся. Скребка с собой не брал! Чем чистил?

— Травой...

— Ты ее чистил! — ругаясь и кашляя, Вася уводит усталых коней к себе.

Ну вот, опять я схлопотал ни за что! Смелая, словно жалея незаслуженно обиженного, оборачивается, сочувствующие скосив на меня влажный фиолетовый глаз.

А рюкзаки уже поразвязали любопытные и, вытягивая оттуда переложенных травой шук, цокали языками восхищенно. Пока всех не погнал грозный Вова Пальчик. Он забрал рюкзаки на кухню и, обернувшись, крикнул мне:

— Молодой, после ужина — на кухню. Рыбу перерабатывать.

— Чего это вдруг? — я вообще-то рассчитывал на заслуженный отдых.

— Того это вдруг, — передразнил Вова и добавил для убедительности, — старшина приказал.

В дальнем углу нашего широкого подворья, у гаража, сунув голову под открытый капот своего уазика, торчал кверху воронкой недавно вернувшийся из отпуска Аркаша Головизнин.

— Привет, Арканя, — подошел я к нему. — Чего, опять искра в землю ушла?

— Да шли бы вы все! Куда подальше... Приколисты дешевые, — отвечал из моторного нутра Аркаша. — Она глохнет, сволочь, на полном ходу. Еле-еле с Майского пришкандыбал. Когда уж только ее в металлолом спишут? — Арканя вытер руки ветошью и сел на радиатор.

— А чего ты на пост мотался? За почтой? — подпрыгнула у меня в душе слабенькая надежда.

— Какой почтой? Ты чего, не в курсах разве? Телефонограмма была. Срочная.

— Да я на озере был. У рыбаков, на Крайнем.

— А-а ...— грустно протянул тот.

— И что за «телефонка»?

Аркаша спрыгнул с бампера и закурил.

— Танцуру в отряд перевели. Вот отвозил к шести утра. К «оказии». Передал с рук на руки старлею одному.

— Ты смотри! Разуваев, видать, ничего не забыл. А вроде был разговор никого не наказывать, помнишь?

— Ну, разговор разговором, а приличие надо соблюсти. Семку вон, заметил, уже и близко к «линейке» не подпускают. Сушат на вышке часовым да редко когда дежурным. А этого вот в отряд. С виду даже поощрение.

— И куда его там теперь, бедолагу?

— Куда? В хоззвод вроде бы. Им там автоматы в руки не дают до самого дембеля. Публика еще та — самовольщики, алкашня, драчуны... Синий цвет погранвойск, короче.

Аркадий загасил окурочек в каблук:

— Ладно, вертаюсь, стало быть, домой. И только я на этом «ведре с болтами» на заставу прихромал... Ну, веришь, всю дорогу — тыр да пыр, восемь дыр, — меня мужики здесь чуть не убили. Где, говорят, этот сукин сын? Куда ты его девал? Утопим трижды и на колючке сушить развесим! Он, тварь, вишь чего ребятам напоследок напакостил! Ну, в общем, это... Погоди, воды попью.

— Собираемся, значит, часов с четырех утра.

Я, ты понял, грею движок. Зубанов мне танцурины документы сует, провожает нас. Тот бежит с вещмешком. Кинул сидор на заднее сиденье — и к Зубанову: «Товарищ лейтенант, совсем забыл: там, в умывалке, зеркало мое. Разрешите вернуться?» Тот говорит: «Давай, только быстро, машина с Майского уходит в шесть. Опоздать нельзя. Ждать никто не будет». «Я, — говорит, — мигом». Мы с летехой выкурили по одной — его все нет. Тот уже хотел идти его подогнать, нет, смотрим, бежит: «Извините, мол, еле нашел».

— Разрешите отбыть, товарищ лейтенант? — и лыбится, как деревенский дурень.

— Давайте. И чтобы мне сразу по прибытии доложить по команде. Ясно?

— Так точно, товарищ лейтенант!

Ну, мы и тронулись...

— И?..

— Как ребята этого пакостника не просекли, ума не приложу?

— Ну, а по сути-то что?

— А то, что никакое зеркало он и не искал вовсе! Шмыгнул напрямик в казарму, а там... От молодецкого храпа только полога мотаются. Он пригнулся и вприсядку вдоль пролета между коек давай менять всем сапоги!

— Как так — менять?

— Да так! Берет один сапог с правого ряда и ставит к сапогу из левого ряда. И наоборот: хватает слева — ставит направо. Тихо и аккуратно. До последней койки, гад, дошел и успокоился. Дежурный не дернулся. Свой ведь человек, чего дергаться. А наши-то часовые Родины — ведь ни один так и не проснулся. Ну, четыре утра, как ты хочешь? Самый сон. А я еще думаю, чего он по дороге сам себе подхохатывает?

— Ты чего, — говорю.

— Да так, — говорит, — анекдот вспомнил.

— Ну, расскажи.

— Да не, он не смешной.

Такой вот урод! Не смешно, а он смеется.

Ну, а теперь прикидывай, мин герц, что творилось в казарме поутрянке. Мужики обуваться — один сапог сорок первого размера, другой — сорок третьего! У кого три сапога, у кого по одному. У кого одни левые, у других — одни правые. Куртки и фуражки мы же метим, а сапоги и во сне не приснятся подписывать. Мат стоит четырехэтажный, под самый потолок.

Ходят по казарме босиком, толкаются, размеры сверяют. Барахолка, да и только!

Вот бы в этот момент зарядить по тревоге «Застава, в ружье!» Аллес капут! Натюрлих! (Арканя с некоторых пор увлекся немецким языком.) Подразделение небоеспособно — бери голой рукой! Зубанов сразу догадался, чьих рук дело. Сказал капитану — стоят, хохочут оба. А мужикам чуть-чуть не до слез. Да еще Параграф подзуживает, орет:

— Пор-ртянки! Пор-ртянки нюхай! На запах иди! Свои-то всяко унюхаешь!..

Гоша Бондарь свой сорок пятый быстро отыскал и подытожил:

— Это он нам отомстил за прочистку ушей после Разуваева. Ну, ничего, я его, сучонка, и в отряде достану!

Я от сердца жалел, что не мог всего этого видеть лично. Ай да Танцура, только и скажешь. Смылся втихую, как Чеширский кот из «Алисы...», тающий по частям, оставив после себя лишь знаменитую улыбку, которая, как известно, исчезает последней.

* * *

Я все же прилично умаялся в этой поездке на озеро Крайнее, потому как уснул в одну минуту. Разбудил меня своим зудением комар. Двое его сородичей уже сидели внутри полога сытые и довольные, с раздувшимися от моей кровушки брюшками. Сколько сейчас времени, понять было трудно — белые ночи стояли в самом зените. Они, эти ночи, отличались от белого дня лишь привнесением в ясную атмосферу карельского лета только легких оттенков серого да невесомой полоски тумана над водой под утро. Припомнив наказ повара, я, позевывая, подался к Пальчику на «камбуз».

Его вид смёл с меня остатки сна и буквально обескуражил — Вовик был хорошо навеселе! Я аж заозирался по сторонам, опасаясь появления кого-либо из начальства.

— Не ссы, — сказал Вова и сел на стол. — Проверено, мин нет! Сегодня у моей Настюхи день рождения. Имею полное право. А вот тебе нельзя, салабон. Бери вон нож, доску и начинай. А у меня эта рыба, — он пальцем ткнул себе под скулу, — вот где сидит.

— У тебя там, похоже, совсем не рыба сидит,

брат ты мой лихой, — говорю я ему, надевая прорезиненный фартук.

— Уж не мораль ли ты мне читать собрался, парниша, — Вова свел смоляные брови, но вялая, нетрезвая полуулыбка делала картину сурового лица неполной.

Нет, не получалось сегодня у Вовы ни вящей строгости, ни суровости.

Он от принятого «за воротник» отмякнул и уже в кулак собирался плохо. Спрыгнув со стола, присел рядом со мной на перевернутую огромную кастрюлю:

— Ладно, не бойсь, не обижу, — Вова больно треснул меня своей лапищей по спине и засмеялся тонким залиvistым смешком, который никак не вязался с его выдающимися габаритами.

Я вознамерился по-скорому разделаться с этой засолкой. Ну, чтобы подальше от греха... Бодро рыбу чистил, отхрюпывая головы, что пошли бы на первый бульон, да только Вове это не надо. Вспарывая брюхо, выгонял большим пальцем кишки, делал вдоль спины надрез и, ополоснув, кидал Вове в тазик с крупной солью.

— Ты Андрюхе передал, чего я велел? Все по уму?

Я молча развел руки, мол, какие могут быть сомнения? Нечего и спрашивать.

Вова похвалил:

— Молоток! А он чего?

— А чего он? Спасибо, говорит, передай.

— И все?

— Все. А чего еще?

— Копченки бы прислал, поганец. Ну, ничего. Я с него не слезу. Не расквитается. Земляк, тоже мне... А ты — молоток. Не, ты вообще мне нравишься, молодой. Стреляешь — дай бог каждому, анекдотов знаешь дофига... Имя только у тебя еврейское... Но я тебя научу! Не, правда, слушай сюда! Пальчик за базар отвечает! Короче, в паспорте и в военном билете пусть будет как там записано. Пусть будет еврейское...

— Да откуда ты взял, что оно еврейское?

— А какое оно, по-твоему? Французское, что ли? Ясно, что еврейское!

Я плюнул ему возражать.

— Ты слушай сиди, не перебивай. В документах пускай будет Зорий.

А вот станешь знакомиться с кем, говори — Степан. Или там Ванька. Люди со временем привыкнут — и все! Будешь ходить с нормаль-

ным именем, типа Ванек из колхоза «Огонек»!

Он снова тоненько рассмеялся. Рыбины, что он натирает солью, падают у него из рук мимо посуды. «Ах, — думаю себе, — попаду я с этим Вовой в переплет. Как пить дать, попаду».

— Чувствую, мы с тобой сегодня наработаем, Вова, — вздохнул я, перекидывая нож из руки в руку.

Вова внезапно остробучился на нож, будто вспоминая что-то. Неясная картина из лихого дворового прошлого всплывала перед его мутнеющим взором.

— Ты это... Ножом-то не балуй. Будь с ним аккуратнее, пацан. Есть такой закон толковища: вынул нож — бей! Иначе отберут и тебе же засадят. Запомни на будущее, Степа.

Повара качнуло, и он оперся о стол. Тот истотно заверещал по кафельному полу всеми четырьмя полыми металлическими ногами, а Пальчик, обретя устойчивость, направляется в глубь столовой к окну раздачи. Сняв с гвоздя огнетушитель и поставив на прилавок, оглаживает его ладонями, улыбаясь загадочно. У меня глаза становятся по семьдесят пять копеек.

А Вова, отвинтив крышку, набулькивает из красного чуть ли не метрового цилиндра в стеклянную банку желтоватую жидкость и, закрутив, аккуратно водружает огнетушитель обратно на огромный гвоздь.

«Кислота?! — первое, что мелькает у меня в голове. — Но этого же просто не может быть!»

— Да брага, брага, — спокойно сообщает мне Вова. — Что, обалдел, молодой? Голь на выдумки хитра. Всю химию — на помойку, дезинфекция кипятком — вот тебе и личный винный погребок. Попробуй догадайся — висит себе и висит. Сопит в дырочку. Срок годности продлен лично мною. До дембеля. Давай накати стаканчик, Ваня!

— Отстань ты от меня, Петя! Ты же знаешь, что не принимаю.

— О, барин брезговают нами! Ну и ладно, как хочешь. — Вова сделал большой глоток прямо из банки.

— Тока запомни, молодой, — он вытер рот рукавом, — ты после меня второй, кто про эту «нычку» в курсах. Знаю, не пьешь — набиваться в друзья не станешь. Но если вдруг что откроется — застрелю из разводяги без суда и следствия. Понял? Вот так вот. А мне, ты веришь, так хреново, так хреново. У них там сегодня веселье.

Стол, шампанское... Цветы опять же... А кто ей эти цветы принес? А? — он понизил в голосе: — Они только и ждут, собаки, удобного случая, эти претенденты-конкуренты... Пацан ты, я гляжу, нормальный. Тебе расскажу. Но только не перебивай, до смерти не люблю. Когда надо, я сам собоюсь. — Он снова сел на перевернутую кастрюлю. — Еду я домой. В Челябинск. В отпуск. Не все же я время на кухне обретался, было дело и службу нес. Короче, однажды ездил за почтой в Майский, к связистам на пост. Капитан Смелую дал под седлом. Ну, грешен, не удержался, взял в лавке пузырь красного. Мне этот пузырь — слону дробина. Но тут один хмырь штатский ко мне в компанию набился. Рыбак местный. «На одном конце — крючок, на другом — дурачок». Сидим с ним на бережку — по одной там, по второй... Смелую я стреножил, пасется. И, ты понял, я чувю, он пытается меня про подходы к «линейке»! Что да где, да как, да сколько километров. Вплоть до того, что карандаш мне сует, нарисуй, мол... Мне, мол, просто интересно, как ваша служба протекает? Чем вы нашу Родину стережете, какими средствами? А рации вам дают?.. Я ему леплю так, вокруг да около, а потом говорю: «Слушай, посиди тут, постереги Смелую, я схожу еще одну возьму».

Рискую, понятно. Сам на пост к пацанам. «Братцы, выручайте. Так и так. Берите его, суку, в разработку, тока меня не закладывайте, я поддал маленько». Они меня давно знают. «Мотай, — говорят, — огородами». Привел их к этому дотошному, сам — на Смелую и домой. Хмель как ветром сдуло.

Дело катится дальше: приехали особысты, сделали у этого хмыря обыск и нашли там много любопытного: карты местности, пистолет «ТТ», ножницы по металлу, экипировку, компас, литературу... Шаг за шагом на меня вышли. Я про вино — ни звука, так, мол, разговорились, я заподозрил — сообщил на пост. Ну, мне через месячишко выпадает козырной валет — отпуск. За бдительность при выполнении воинского долга. Ну, дальше. Стало быть, поехал.

Являюсь к Настюхе моей. Сапоги «третьими» зашпилены, формяга диагоналевая, центровые значки во всю грудь. Ну, взял, конечно. И цветы купил, за спиной прячу. Прямо жених! Той осенью дело было. Ты слушаешь или чего? Или мух ловишь? — Вова напал на свободные уши.

— Да как же, Володь, это же самая что ни на есть жизнь, — говорю я, а себе думаю: «Ну, сей-час зарядит на час, не меньше, как там, в Челябинске, его ждут и любят, героя такого...»

— Ну, в общем, это. У меня рот до ушей, шампанское на стол, цветы ей, обнять хочу, а она сторонится и говорит: «Ты зачем здесь?» Ты веришь? Я? Зачем? Здесь? А то, что мы в школе дружили семь лет? Как влюблялись-целовались? От девятого считай класса и до самого призыва! Это куда? «Зачем здесь...» А последнюю ночь лежали под одеялом одетые, я ноги свои в жесткой скрутке держал. Просила слезно не трогать ее. Мол, вернешься, и мне веры не будет, что честно ждала... А письма какие пошли! Хоть в побег иди, как она мне сердце рвала этими письмами своими, зараза. А потом все тише, тише... И перестали приходить совсем.

Вова встал и опять потянулся к банке.

— Тебе, может, хватит, братан? — спросил я промежду прочим.

А он вспылел:

— Иди спать, молодой! Указчик, блин, нашелся! Чего б ты понимал в этих делах! Вот у тебя чувиха дома осталась? Провожал тебя кто-нибудь в войска?

— Допустим.

— Допустим... Ты еще не то что настрадать-ся, даже и соскучиться, пожалуй, как следует не успел! А я на втором году уже ночей стал бояться, не усну никак, хоть ты тресни... Иди на хрен отсюдова, сосунок! Будет он мне тут...

Я понимал, что Вова заводится и этот излом в тональности беседы надо срочно сглаживать.

— Да нет же, Володя, никакой я тебе не указ. Просто боюсь, ты наберешься и не расскажешь до конца, а мне интересно, что дальше-то? Как же так? Вот это встретила, называется...

Вова утерся рукавом и посмотрел на меня недоверчиво:

— Тушенку будешь?

Я сглотнул. Палец вспорол тесаком две банки с армейской говядиной. Вытерев тесак о рукав, отрезал, хоть это и нехорошая примета, с обоих краев от свежей буханки две толстые хрустящие горбушки. Ну, царское угощение!

Цельная тушеная говядина с лавровым листочком, желтоватыми прожилками жирка и горошками душистого перца! В блестящую студенистую поверхность, как в фотографию, и ложку-то

боязно воткнуть! Да еще эта милящая коровья морда на банке. Мы некоторое время молчали, лишь тихонько попискивало за ушами.

— И тут! Слышь? Ты, пацан, не поверишь! — закулив, стал продолжать Вова. — Входит к Настюхе в квартиру старый мой кореш и поделеньник Толян Ряпунов. И тоже, главное, с цветами. Я же не дурак, мигом просекаю ситуевину, и картина с письмами от Настюхи становится мне понятной безо всякого «базара». Я ему говорю: «Репа, ты не меня ли пришел встречать? С букетом-то?» — «Да нет, — говорит, — братишка. Я, например, к Насте. А то, что и ты здесь, это даже неплохо. Можно вместе обсудить кое-чего...»

— А он кто, Толян этот? Ну, Репа?

— Я тебе сказал не перебивать! Все своим чередом, молодой. Дело прошлое, была с ним одна заваруха совместная. Шили нам разбой в сговоре. Мы же все с одного двора. Одна гоп-компания. Он еще в те времена к Настюхе примеривался. «Эх, — говорил, — Вовик! Если ба, не ты ба, то уж я ба...» Но Репа тогда поступил молодцом — все это лоскутное одеяло перетянул на себя. По старшинству. Он к тому времени отслужил, а мы были еще «сопли зеленые». Но на «малолетку» загнать могли очень даже легко. А так дело переквалифицировали, и я свидетелем пошел. Ничего не скажу — молоток Толян! Меня и еще одного там прям-таки натурально спас. По суду дали ему два года «общака». А нас — на учет. На ментовской прикол. Мы со своей стороны подогревали его, пока он там чалился. Через мамку его. «Дачки» там, курево... Как должники. Закон такой. Положено.

А где-то через год меня обрили «под Котовского» — и в армию. В погранцы не хотели брать, мол, на учете стоит, не комсомолец... Я говорю, «давайте вступлю». Они: «Ну, вот если только, тогда поглядим». Там недобор был какой-то у них. Взяли. Год я считай отслужил, а он по звонку как раз с зоны «откинулся». Тут же, видать, проконокал насчет Насти — деваха красивая, на данный момент свободная, почему бы и не попытаться подбить клина. Ну и она, наверное, была не супротив, зараза... Не, ну ты понял? Тоже с цветами пришел! Ухажер...

— А ты, выходит, и не знал ничего?

— Откуда? Мне кроме матери и Насти никто и не писал никогда. И вот, значит, сижу я на табуретке весь такой нарядный и начинаю себя

ощущать незванным гостем. Который хуже татарины! Типа сэр на блюде! И все это дело в голове прокручиваю. А во мне кипяток бурлит и из груди прямо в башку кидается! Я в такие минуты ключи от задницы теряю напрочь!

— Да уж мы в курсе, как это у тебя бывает.

— Сиди, я сказал. С мысли сбиваешь. Короче, начинает он мне петь военный романс: «Володь, ты должен нас понять...» — «Заткнись! — ору так, что чуть жила на лбу не лопається. — Заткни-и-сь!!!» Он струхнул, заткнулся. К ней поворачиваюсь — стоит дрожит в уголку.

«Настюх, это правда?» Кивает: «Да, мол...» — и в слезы.

Я — к нему: «Толян, скажи. Ты знал, что она моя чувиха? Ты знал, сука?» — «Володь, погоди, дай сказать...»

Я больше слушать ничего не мог! Глаза засыпало белым... Табуретку из-под себя вынимаю и ему по черепу! Поджопник — в щепки! Он рухнул на спину. Настюха сползает по стенке на корточки. Почти в обмороке. Я один букет ему на грудь кладу, а свой, что принес, плавно так к ее ногам. Как, блин, в театре прямо!

Смотрю ей в глаза и говорю: «Настенька... — меня трясет всего, слезы по лицу. — Прошу тебя, Настенька, больше никогда не попадайся мне на глаза. Пожалуйста. Никогда. Слышишь? Потому что я тебя просто убью».

И вышел по-тихому. Даже дверью не треснул. Пузырь, жалко, у них остался. Ну, три дня на даче у кореша одного гудел без просыпу.

— А вдруг ты его, ну это...

— Если б убил, сидел бы уже.

— Выходит, что он даже не заявил? Так получается?

— Ну, еще бы не хватало! Такие вещи не по понятиям. За эти дела положено принимать по полной. А не ментам жаловаться.

— Ну, а Настя? Больше не виделся с ней?

— Ты чем слушал? Ухом или брюхом? Я же ей сказал: «Не попадайся на глаза».

— Ну, ты суров...

— Та-а... Я даже два дня отпуска не использовал, раньше уехал. Так было тошно... Да ну их всех на хрен! И тебя туда же. С рыбой все? Закончил?

— А ты не видишь?

— Если все, иди в казарму. А я — в подсобку. Спать хочу, как из ружья. — Он подхватил свою

банку с остатками и обернулся ко мне в дверях: — Надеюсь, предупреждать тебя не надо, молодой?

— Все умерло в этих стенах, Володя.

— Зубец! Далеко пойдешь, если об ментов не спотыкнешься.

* * *

Лейтенанта Зубанова кинула супружница Люся. Натурально, через борт, по-матросски!

Еще один раз побывав в нашей насыщенной мошкаррой и болотными испарениями сказочной Тмутаракани, она, видимо, крепко задумалась. Опасливо заглянула в свой будущий дом без окон и дверей, сколоченный отрядными дембелями, что называется, «левой ногой»; отведала в столовке Вовиной разблюдовки; выставив муженька караульным, посетила в солдатском туалете изовыставку «Рисуют великовозрастные дети». Докрасна отбила ладони об свои крутые ляжки, хлопая нахальных комаров, норовящих залезть ей под юбку; почти без сна прокрутилась ночь на комкастом ватном матрасе и, отведя наутро Зубанова подальше от любопытных глаз, за баню, закатила ему нешуточную истерику. Со слезами, с причетами и с привизгом. И даже, говорят, с пощечиной!

Кто говорит? Да кто ж его знает! Земля слухом полнится. Правда, с другой стороны бани, у бережка, в те поры поил лошадей Вася Заболотнев. Но какое ему до всего этого дело? Он, как всегда, ответственно делал свою работу. Делал ее по уму. Поил не из озера, а из ведра, набросав в него травы, чтобы лошадь пила медленно, а не хватала воду, как собака. Надо ведь напиться, а не надуться.

Так что, как эти слухи стали общим достоянием, Вася не знал и не ведал. А на вопросы любопытствующих пожимал плечами:

— Да кто его знает! Я-то тут при чем?

А ближе к вечеру, так и не достигнув примирения с женой, лейтенант, испросив у капитана уазик с водителем, отправлял бедняжку на станцию. Люся, откинувшись на спинку заднего сиденья, театрально держала ладонь на разгоряченном лбу и вздыхала прерывисто. Зубанов, заложив руки за спину, хмурился и покачивался на носках, подражая капитановой манере. Аркаша Головизнин широко улыбался, радуясь тому, что его драндулет на ходу и завелся с первого «тыч-

ка». По нему было видно, что вся эта театральщина с прощанием и отъездом его ничуть не колышет. «Колун» Сема Меерович с любопытством наблюдал эту сцену с вышки.

Зубанов поставил Люсин чемодан ей под ноги и, держась за открытую дверцу, помедлил, глядя на жену вопросительно. Молчание было ему ответом. Он опустил голову, с треском захлопнул дверцу, крикнул Аркаше: «Пошел!» — и, не оборачиваясь, зашагал в казарму. Ну что тут скажешь! «Любовная лодка разбилась о быт». История древняя как мир.

Лейтенант потерял сон и почернел. Из закутка в казарме, забрав кровать, он перебрался в свой недостроенный дом. Затянув окна желтой лежалой марлей и занавесив куском брезента дверь, справил грустное новоселье. Вылезал оттуда исключительно по нужде. Служебной или естественной. Он за пару дней сильно сдал. Ремни на нем обвисли, подворотничок стал землисто-серым, подбородок порос редкой белесой стерней, а офицерская планшетка моталась на тонкой шее, символизируя камень, с которым идут топиться.

На третий день «страдания молодого Вертера» достигли апогея, и он нанес старшине приватный визит. Но, видимо, не добившись от Параграфа понимания к своей деликатной просьбе одолжить ему того, с чем обычно завивают горе веревочкой, он, махнув рукой, ушел к себе. Вылил в кружку початый флакон «Тройного» одеколона — «Да пропадай моя телега, все четыре колеса!..» и утром на оперативку не явился.

Через пару часов капитан, не выдержав, отправился к нему «в гости». Пожалуй, и на сопредельной территории было слышно, что там состоялся мужской разговор. Да такой задушевный, что марля на окнах вздувалась немислимыми пузырями. Почуввав неладное, туда, снимая на ходу передник, подтянулась и Анна Васильевна. А то как же? Младший комсостав выламывается из общепринятых норм и нуждается, как она твердо убеждена, в психологической поддержке.

* * *

Верный мой АКМ не подвел меня и на заключительном самом трудном этапе наших тренировок. Эти финальные испытания для меня Валера избобрел сам, полагаю, на высшей

точке своих фантазий. Мне даже показалось, что этим он хотел вовсе уж не укрепить мой соревновательный дух, а, напротив, размазать обретенную мной уверенность по брустверу.

Выпросив у Параграфа моток бикфордова шнура, он порубал его на куски метровой длины и сказал тоном судьи, оглашающего окончательный приговор:

— Все, студент! Финита ля комедия! Пробил час государственного экзамена. Вот эти шесть хвостов, — он держал куски шнура на вытянутой руке, будто сжимал за горло шесть гремучих змей, — самые лучшие твои экзаменаторы. До соревнований — неделя. Все шесть дней сдаем зачеты. По одному в день. Объясняю практическую сторону дела.

Вот диспозиция: ты — на огневом рубеже. Я — в тридцати метрах, в укрытии. У меня на фанерном щите горизонтально закреплен кусок «бикфорда». Далее я поджигаю его с одного конца, падаю на дно траншеи и отползаю на безопасное расстояние. Шнур горит секунд 35-40. Твоя задача — выстрелом перебить его до момента полного сгорания. Остановить бегущий огонек как можно раньше. Оценка твоих действий!

а) Все шесть перебиты первым выстрелом — диплом с отличием! Красный, как Знамя полка.

в) Со второго замаха — надежда на успех остается. Диплом синий.

с) С третьего, четвертого или вовсе никак — только справка о полном прослушивании курса. Синяя только твоя морда.

Я было струхнул. На таких драконовских условиях у меня не было полной уверенности в успешной сдаче подобных испытаний. Но видит бог, я старался. Воистину, чтобы сделать заметный шаг вперед, будет нелишним получить убедительный пинок под зад! И в итоге мой средний показатель Валеру все же устроил. Потому что на короткий вопрос капитана «Ну как?» он ответил: «Шансы есть. Шансы неплохие».

Уж кто-кто, а я-то понимал, что за этими словами стоит. Если бы их сказал не скупой на похвалу Валера Паленый, а кто-нибудь другой, это бы звучало так: «Всех порвем! Как Тузик грелку!»

* * *

Вот опять! Частенько я стал замечать, что все мало-мальски значимые события минуют меня,

словно ограждая от непосредственного в них участия. И эта регулярно повторяющаяся случайность незаметно становится устойчивой закономерностью. Ну и пожалуйста! За те семь дней, что мы с Валерием Андреевичем отдувались за свое подразделение на отрядных стрелковых соревнованиях, в нашей до поры «тихой гавани» произошли интересные подвижки.

Мы, как герои, привезли добытую потом и кровью достойную победу и не без оснований рассчитывали, что фокус внимания сосредоточится исключительно на нас. Второй пьедестал в такой схватке, это, согласитесь, не фунт изюму! Однако нет.

Ну, первое. На заставу вернулась Люся. Как выяснится позже, ее возвращение стало в некотором смысле знаковым, так как потянуло за собой события, пусть и не взаимосвязанные, но изменившие весь ход местной жизни до неузнаваемости. А чтобы я на судьбу не обижался, плотно вовлекая и меня в этот свой круговорот. Напомните, как там говорится про «бабу на корабле»?

Привезла ее Анна Васильевна, сама под смысл поговорки не подпадающая, так как солидный стаж жизни на заставе ставил ее в разряд неотъемлемой части этого «корабля». На манер якоря. Или одного из двигателей. Это смотря по обстоятельствам.

Убедив капитана в том, что тот не имеет морального права пустить ситуацию с Люсей и отбывающим от рук заместителем на самотек, тетя Аня отбыла в приграничный городок Суоярви. Там в блочной пятиэтажке в маленькой однокомнатной квартирке и проживала Люся с мамой-пенсионеркой. Два вечера напролет три женщины беседовали, разглядывали фотографии и слушали рассказы Анны Васильевны о нелегкой гарнизонной судьбе жены офицера-пограничника. Подливая в чай домашнего приготовления «клюковку», тихонько пели, обнявшись и смахивая слезы, популярные песни послевоенной молодости. И миротворческая миссия Анны Васильевны увенчалась успехом.

В свою очередь, капитан Лоскутов срочно убыл в отрядную АХЧ (административно-хозяйственную часть), где, переступив порог кабинета, скромно поставил на пол принесенную с собой коробку и повел с начальником отвлеченные разговоры о погоде.

Когда запах копченой рыбы стал дразняще

струиться по кабинету, всесильный и хмурый майор Шмаргун улыбнулся, погрозил с угрозыной капитану пальцем и попросил младшего сержанта Катю принести чай. Все открытые вопросы бытовых неурядиц лейтенанта Зубанова были одномоментно закрыты.

— Это надо было видеть, — рассказывал Серега нам, прибывшим к шапошному разбору, — носит вас где-то. Надо было зреть эту процессию! Воочию!

Из его рассказа мы поняли следующее.

Накануне прошли дожди. Машина из АХЧ дошла только до поста связи. До поселка Майский. Выгрузив там все, чего добивался капитан у майора Шмаргуна, а именно: моренные олифой двери и рамы, кое-что из мебели, обои, линолеум, 20-килограммовую банку сурика для пола и двух бедолаг в рабочих комбинезонах с мотком электропроводки и ящиком для инструментов. Водила с сопровождающим груз сержантом позвонили нам на заставу и, чертыхаясь на погоду, уехали обратно. В Майский забирать груз домой капитан снарядил целый обоз.

— И вот они вертаются, — Серега раскорячил ноги и коромыслом выгнул грудь. — Впереди кэптмен на Смелой, как Чапаев на лихом коне. Тока шашки в руках не хватает.

За ним — Аркашин «козел», под крышу груженный во все окна и двери. Потом старшина на Нарвике, обвешанном какими-то бурдюками. Удача и Гастроль везут гуськом монтажников с инструментами, а у каждого из них к спине привязано по стулу. Замыкающим — Зубанов на Алтае. Грязный аж до бровей! Алтушок его в обочину разок вывалил. Ласку, видать, почуял и от страху шархнулся в сторону. Летеха — носом! Козырь у фуражки пополам... Ну да Люся форму ему уже отстирала, вон полощется...

Мы полюбопытствовали на лейтенантский домик поближе. Он приобрел законченный вид и за стеклами уже теплился уютный огонек. Правда, вместо штор все еще моталась желтая марля, которой снабдил Зубанова Параграф.

— Ну, это дело наживное, купят, — резюмировал Серега. — Резное трюмо на складе помните? Старшина молодым подарил на новоселье. А ухари-то отрядные! Чуть не за сутки ли все доделали, молодцы! Не тем троим лодырям чета... Ну, чего там, на стрельбах?

Я уже начал дуться втихаря на то, что наши зас-

луги никому не интересны. И любопытство от сослуживцев такое... «Междупрочимное». Видимо, еще не доходило до меня, что мужчин не больно-то радуют успехи или победы их товарищей. Это подсознательно раздражает самолюбие и ставит ненужные вопросы: «Почему не я?», «А чем он лучше?», «Повезло, небось, да и все...»

— Брось-ка ты, — отмахнул рукой на мои терзания Валера и изрек очередную мудрость: — Истинный герой награды не ищет. Награда сама его находит. Бывает, что она ошибётся и осчастливит совсем не того. Но это обстоятельство должно тебя не огорчать, а нацеливать на дальнейшую работу. Согласись, признание находит человека тем вероятнее, чем меньше он придает значения его достижению.

Я в очередной раз был весьма удивлен:

— Валерий Андреевич, тебе надо менять промысловое ружье на авторучку и институтскую скамью. От сердца говорю — ты же готовый педагог!

— Разберемся, — односложно ответил Валера и направился в казарму, раскачивая квадратной спиной.

«Вот как, — думал я, глядя ему вслед, — как люди, не прилагая особых усилий к самоутверждению, становятся для других непререкаемым авторитетом? Какая внутренняя сила присутствует в этих людях? Рождаются с ней? Воспитывают ее? Пестуют? Смогу ли я взрастить в себе эту ипостась, эту базальтовой твердости харизму, что с такой очевидностью противодействует искусственному приживлению?» Я не знал ответа, но понимал, что он требует поиска и раздумий.

Но где-то на третий день после нашего приезда с соревнований «пророчество» Паленого насчет награды не замедлило материализоваться. Этому предшествовал долгий телефонный разговор начальника с командованием отряда. Зуммер алел и чуть не плавился.

Но подключиться было себе дороже — капитан чуял щелчки на проводе. И тогда берегись! И вот дверь канцелярии приоткрылась, лейтенант тихо сказал дежурному Семке Мееровичу:

— Застава, строиться на плацу. Без оружия.

Тот испугался и закричал с привизгом:

— Застава, строиться на плацу! Без оружия!

Служивый народ, недоумеая, что за случай такой, неторопливо сбился в неровный строй по отделениям.

Вышел Зубанов, по-наполеоновски держа ладонь под португеей. Встав перед крыльцом, бросил в сторону правую руку:

— В две шеренги становись!

Началось перестроение, а на крыльце появился капитан с какими-то бумагами в руках.

— Равняйся, смирно! Товарищ капитан, застава по вашему приказанию построена! — замнач был подтянут и строен.

— Вольно! — капитан улыбался своей дружине.

Сразу ушла непонятная настороженность, и войско заулыбалось ему навстречу и расслабилось.

— Ну что, товарищи бойцы? Все вы прекрасно знаете, куда и зачем мы отправляли наших орлов, Паленого с Маловеровым. И они, надо сказать, не посрамили честь нашего подразделения. Завоевали важное и почетное второе место.

В строю захлопали в ладоши и стали дружески поддевать нас локтями. Я покраснел. Краснеть в самые неподходящие моменты — это моя беда. Это сейчас несколько очерствел и лгать на голубом глазу иногда практикую, а по молодости я не мог соврать никому даже малой толики!

На самый невинный обман я не мог решиться, потому что знал — краска зальет лицо и выдаст меня с головой. От этого страдал. Даже говоря отцу чистую правду, почему явился домой позднее обычного, я был обречен на нравоучение. Он спрашивал, глядя прямо в глаза: «Врешь?» И я тут же краснел. Ну вот почему? Ведь правду говорил, а все равно...

— Ефрейтор Паленый, рядовой Маловеров, два шага вперед!

Мы отпечатали. Первая фраза приказа звучала чересчур возвышенно:

— «За высокое чувство ответственности при подготовке и проведении отрядных соревнований по стрельбе, за взятие призового места и достигнутые успехи в боевой и политической подготовке приказываю...»

Снова оказался прав Валера Паленый — путь к награде короче, если работаешь не ради нее. Нам утвердили отпуска на родину в размере десяти суток, не считая дороги! Я не мог спать ночью и ходил по заставе, постоянно улыбаясь, как полудурок. Валера же принял это известие так, будто положил в возводимую им стену очередной кирпич. Буднично и спокойно.

* * *

Истинную правду отражает армейская пословица — спит солдат или бодрствует, служба все равно идет, не останавливаясь. И как-то раз при погоде тихой и ясной ко мне, на ту минуту от нарядов свободному и в безделье моем слегка расслабленному и полусонному, подошел лейтенант Зубанов. Он был, как всегда, по полной выкладке и, привычно оправляя на себе ремни, сказал вполголоса:

— Маловеров, собрался в темпе вальса: автомат, подсумок, что там еще?..

— Телефонная трубка.

— Да. И ракетница. Идете со мной на правый фланг.

Есть на границе такая форма проверки несения службы нарядами. Из серии «На то и шука в море, чтоб карась не дремал». Только-только занаряженная в дозор пара вояк надумала отвилиться с лежневки в лес на предмет ягод пожевать или забралась, скажем, на вышку от комарья да там и прикемарила, — проверка тут как тут! Но это по идее. А по факту, ребята с заставы по возможности всегда предупредят, мол, мужики, атас!

Навешивая на себя дозорную «сбрую» в оружейке, я, не отступая от устоявшегося порядка, шепнул Сереге, ставшему уже почти штатным дежурным по заставе:

— Серый, звякни ребятам на правый фланг, меня Зубанов туда тащит...

Серега кивнул. Он видел, как мы с лейтенантом, закрыв за собой калитку, тронулись по лежневке на правый фланг.

Но, спустившись пониже и удалившись из пределов видимости от заставы, Зубанов вдруг круто повернул в лес. Сделав хороший круг, мы снова вышли на лежневку, но уже на ту, которая ведет на левый фланг. «Ах ты, сукин сын!» — мысленно костерил я лейтенанта вкупе с собой. А мне-то что мешало сказать Сереге: «Оповести оба фланга»? Ну да ведь он «не первый год замужем», может быть, сообразит?

Сережка сообразил. Воины, приняв предупреждение, горохом скатились с вышки и во весь опор полетели к стыку своего фланга с соседней заставой, куда идти, в общем-то, не собирались. Там они спрятались в кустах и ошарашили нас внезапным окриком: «Р-руки-и!»

Лейтенант пожурил их за окрик не по инструк-

ции, но в целом результатами проверки остался доволен. Мы тронулись назад, оставив ребят дослуживать оставшиеся до пересмены часы. Я исподлобья глядел Зубанову в спину. Меня все не отпускала досада на то, что не предугадал его финт с переброской флангов. Но я бы и виду не показал, и промолчал бы в тряпочку, если б он с нескрываемой гордостью не произнес:

— Иногда и ложные ходы срабатывают во благо, — он улыбался своей находчивости.

И я не утерпел съязвить:

— Обманные маневры в вашей практике, видеть, в обиходе! — и мгновенно же пожалел, но... слово не воробей!

— Отчего вы такой ядовитый, МалOVEROV? — проговорил он из-за спины.

— Да ну что вы, товарищ лейтенант, — стал я выкручиваться, — да разве это ядовитый? Вот, говорят, в панамских болотах живет лягушон. С кукиш величиной. Сапогом раздавить. А яду в нем хватит, чтобы умертвить зараз 50 человек! Такая степень концентрации. И окрас ярко-ярко-желтый. В черный горох.

— Угрожающий?

— Да нет, предупреждающий. Мол, ребята, осторожнее со мной, бо зашибу ненароком... А потом яд — это ведь всего лишь вопрос дозы. Назначение в малых пропорциях действие оказывает оздоравливающее.

Зубанов внезапно остановился и резко развернулся ко мне. Я аж споткнулся об него. Мы оказались вплотную лицом к лицу, и он сузил глаза:

— Не надо только, господин МалOVEROV, как в старом добром преферансе, держать меня за дурака. Не надо! Прозрачен и более чем понятен мне скрытый смысл вашей иронии. Давайте-ка присядем.

Мы сели рядышком прямо на жерди лежневки. Лейтенант снял фуражку, расстегнул ворот гимнастерки и закурил:

— Вот скажи мне, чего ты кусаешься? Все еще держишь обиду от первого знакомства? Если так, то прости, обидеть тебя я совсем не хотел. Просто имя твое забавным показалось, вот и все. Может быть, и хватит уже дуться? Может, давай как-то по-простому попробуем общаться? Как ты на это смотришь?

Вся фанаберия с меня слетела разом. Этот дружеский тон и переход на «ты» явился знаком, меня буквально обескураживающим.

— Да почему же нет, товарищ лейтенант? — я был в эту минуту откровенен и перед ним, и перед собой. Ну, потому что уже устал от этой напруги быть все время настороже и общаться с ним на колкостях и подтекстах. — Если есть встречное желание, почему же нет? А то ведь и правда ваша, на душе хоть не болит, а ноет!

Зубанов долго и недоверчиво смотрел на меня искоса, но, поймав вспыхнувший в моих глазах огонек неподдельного радушия, протянул руку, улыбнувшись:

— Андрей.

Это был подарок! И он дорогого стоил. Я хоть и несколько оторопел от нереальности происходящего (офицер — солдату!), но, встряхнув его ладонь, улыбнулся ответно:

— Не представляюсь, ибо уже знакомились.

И пусть я был смущен таким откровением, в груди родилось подспудное желание даже с ним обняться в знак принятия такого обоюдного мира. Или побрататься. Не знаю, как и сказать. «Да нормальный он парень, — думалось мне, — и чего я на него кособоюсь?..»

— Но! — лейтенант приложил палец к губам. — Это только во внеслужебное время. В другом случае — «вы» и «товарищ лейтенант».

Он был прав. Что делать? Я кивнул, ощущая в то же время, что искренность момента потухла, не разгоревшись. И сейчас уже не был уверен, что мы подружимся, как не был уверен и в том, что этого не произойдет.

Шагая следом и глядя в его перетянутую ремнями спину, размышлял неспешно, как же так случилось у парня, что он не стал на заставе своим? Предложение дружбы — от одиночества? Вот капитан — свой! Параграф — свой. Пальчик, Ляпало... Про Васю и лапоть не звенит, он вообще родня! Даже Танцура, подлец, — и тот наш, родной подлец! А лейтенант — один. С солдатами его разделяет должность и офицерские погоны, с капитаном — субординация и разница в возрасте, со старшиной — различие жизненных установок, с женой...

Вот тут последнее звеньишко этой цепочки защелкивается с первым, и он оказывается в незримой изоляции. Нет, внешне все выглядит как надо: работа, занятия, готовый обед, хорошая зарплата, пайковые... Есть выходные — свежий воздух, охота, рыбалка, ягоды-грибы... Но ведь ясно же как белый день — мы

здесь по принуждению, он — по собственному желанию.

Курсантская лихость, училище, форма, погоны, граница, ишейки, задержания, шпионы-диверсанты... Романтика! «Сбыча юношеских мечт»! Но вот вдруг оказывается, все благоприобретенное не равняется желаемому отнюдь! Да вот еще Люся. Ее поведение... Даже теперь, по возвращении. Я попробовал мысленно поставить себя в его положение и аж зажмурился.

При расставании мы еще раз встряхнули друг другу руки, улыбаясь натужно. Про себя отметил, что чувство закрепощенности лейтенанта так и не покинуло. Казалось, что ему было не до меня. Да, впрочем, и не до кого другого...

Ни в какие там совместные мероприятия по типу: душевные посиделки, игра в шахматы или совместные прогулки с размышлениями о жизни в вольной беседе, — ни во что подобное наши с лейтенантом отношения не выливались. Так, пару раз сталкивались один на один. Но разговоры вели отвлеченные. По стандарту, не нами заведенному, а именно:

- Ну, как твои дела, боец?
- Да ничего вроде. А у вас?
- Тоже ничего. Нормально.
- Я вот на конюшню. Помогать.
- А-а, ну давай. Счастливо...

Диалог, каких тысячи. Причем я этих встреч с некоторых пор стал даже побаиваться. Ну, первое — я теряюсь и не знаю, о чем с ним говорить. Молчать неудобно. На «ты» называть робею. А ведь настоящая дружба подразумевает такие отношения, что, находясь рядом с другом, и молчать-то комфортно. Вот, например, Сереге я смело могу заявить: «Серый, иди в баню, устал я от твоей болтовни!» — «Сам туда иди, салажонок!» — ответит мне Серега.

И все. И мы замолчим. Но ни у того, ни у другого даже и намек на какую-то обиду не возникнет. А тут я порываюсь бежать этих встреч и необходимости натужных разговоров. Если уж считать себя его другом, то я должен взять и безапелляционно заявить, что, мол, «Андрей, ты чего за Люсей своей хреново следишь? Она ведь у тебя выпрягается из семейной телеги!» Повернется у меня язык на такое?

А от третьей встречи один на один я стал откровенно таиться. Потому как Василий Трентич, дипломатических оборотов в общении не

признающий, безо всяких там обиняков вылепил свое мнение прямее некуда:

— Ты чего там с «летехой» шептаться надумал? В сексоты записался?

Этого вопроса мне хватило, чтобы взяться за голову. Вот ведь, блин! Разорвало Зубанова с его дружбой! Еще немного, и мужики начнут меня сторониться. А это пахнет невкусно. Это не есть «комильфо», рядовой Маловеров... Подозрение в «стукачестве» моментально перерастает в откровенное презрение окружающих и награждает человека несмываемым клеймом. Отныне он изгой. Дятел.

А про Люсю упомянуто неспроста. Пусть я лейтенанту друг номинальный, но что-то в поведении его супруги задевало и меня. Мне было немного обидно за него. Но я же не Лев Толстой, не заявлю ему, мол, не могу молчать. Впрочем, по порядку.

* * *

Гоше Бондарю родители прислали из дома новенький мяч. А с ним еще разного вкусенького. Гоша не пожидился — угостил всех. Мы жевали конфеты и тискали пахнущий новыми ботинками мячик. А он был необычный. Не волейбольный и не футбольный. И не в пупырышках — баскетбольный. Славный такой, с дыньку «Колхозница» величиной. Ручник. Или ручной. А правильнее будет — мяч для игры в ручной мяч. (Прямо мешанина какая-то!) Но вы, конечно, уже сообразили, что вещь редкая. Как и сам вид спорта, бывший тогда в России еще в диковинку. Гандбол. (Название просто сродни ругательству.) Но это ладно. И вот ведь штука: ручной-то он мячик ручной, а вот уцепить его одной ладошкой под силу не каждому.

Зато Гоша показывал настоящие чудеса! Он накидывал на мяч свою длань с длинными, как щупальца кальмара, пальцами и, раскрутив запястье, даже без замаха в плече запускать его об стену с треском. Звук удара впечатлял и недвусмысленно явствовал, что никуда не подевалась Жоркина тренированность и недюжинная «сила грифа». Или, проще, сила кистей и пальцев.

Мяч этот Жорику был просто необходим. Чтобы не сработал тормоз в спортивном развитии. Он все-таки мечтал вернуться в свою команду, демобилизовавшись, и решил трениров-

ки, пусть и в таком одиночном формате, возобновить. Для этого предприятия он, с разрешения капитана, выстроил на краю стрельбища странные маленькие воротца, затянул их рваной рыболовной сетью, стачав дырки медной проволокой, и стал регулярно отрабатывать броски в этот самодельный створ. Смотреть на него в это время было сплошным удовольствием. Он пулял этот свой мяч, как из катапульты, с любой позиции: стоя к воротам спиной, боком, с закрытыми глазами, из-под любой ноги, в прыжке и развороте, в падении и кувыряясь по траве, как наш Алтай, если дать ему волю. Он и всех нас завел своим неистовством.

С вялой и надоевшей игры «на сахар» на волейбольной площадке общий интерес споро переместился на эту новую незнакомую забаву. Хотя и наблюдается в этих видах спортивных игр что-то общее, но в гандболе обманных приемов, на мой взгляд, больше. И Жора, конечно, владел ими мастерски.

Из всех его финтов перед воротами особенно эффектен был один. Жора отчаянно разбежался издалика, высоко, как только мог, подпрыгивал и делал «ножницы». Левую ногу он кидал чуть не к самому лбу и резко убирал ее по длинной дуге назад и в сторону, чем разворачивал себя на 360 градусов. Динамическое усилие начинало набирать мощь, стремясь от ноги к ягодицам, далее — к поясице, высвобождая свитый в скрутке позвоночный столб, к широчайшим мышцам спины, к шее, плечу, предплечью, в запястье, в кисть... Мяч на выходе, на отрыве от кончиков пальцев, на завершающей точке получал такое ускорение, которое равнялось удару боксерской перчаткой! Развернув тело, как живую спираль, отпустив эту до предела сжатую пружину, Жора падал на землю, смягчая падение руками.

Одним таким броском он свои ворота просто-напросто завалил. Чем и вызвал у Люси восхищенные аплодисменты с восторженными подскоками. Она частенько выходила понаблюдать за его тренировками.

Делая Смелой ежеутренний выезд, я, конечно же, наблюдал искоса, как Жора показывает ей приемы в обращении с мячом и обучает правильным броскам. Люся смешно подпрыгивает, взмахивая легким сарафанчиком, и кидает мяч чуть ли не себе под ноги. Над этой нарочитой неумелостью громко и весело сме-

ется. В процессе этих «игрищ и забав» они зовут друг друга Юрик и Люсьен.

Шенкелями запуская Смелую рысью и следя за постановкой ее ног в иноходь, один свой глаз я все-таки оставляю на самодельной гандбольной площадке. Надо мне это или не надо, я до конца не определился, но тем не менее... Не все, что там происходит, мне нравится, но я говорю себе: «Ну и что? Делать Люсе, по большому счету, нечего. Почему бы и не позабавиться?.. Лейтенант вон стоит улыбается, наблюдая издалика. А мне-то чего тогда беспокоиться?»

Но вот ближе к осени произошло нечто, чего конкретизировать я не мог, но внутренне сжался весь. Мне показалось, что случилось страшное...

* * *

В один из солнечных дней, завидев знакомое оживление на гандбольной площадке, я, убеждая себя в том, что делаю это из чистого любопытства и праздности, подошел к играющим. Поглазеть.

Бондарь в спортивных брюках с белыми лампасами, белой же обтягивающей майке отрабатывал гандбольные финты и был этим занятием чрезвычайно увлечен. Черные волосы прилипли к потному лбу неровным венчиком, майка темнела влажными пятнами на спине и груди, крутые вены обвивали натруженные мускулистые руки, а легкая утренняя небритость придавала его лицу этакий налет свирепого азарта, необходимого для отчаянной борьбы и непременной победы в будущих схватках. Он был сосредоточен на тренировке, но проглядывало в его действиях нечто иное и малознакомое. Он рисовался. Явно.

Люся, стоя за самопальными воротами, сетка у которых была закинута на перекладину, с готовностью, хоть и неловкой, возвращала мяч на площадку. При каждом броске легонько взвизгивала, пугаясь, и картинно отгораживалась от «снаряда» пухлыми ладошками.

Она тоже незаметно для себя втянулась в игру, разгорячилась, сняла мешающую ей легкую цветастую пелеринку и осталась в одном открытом сарафанчике на длинных узеньких бретелях, рядом с которыми розовели другие — пошире. Знать, от бюстгальтера, что надежно держал в округлой форме ее сдобную грудь. Белые налитые плечи ее были щедро посыпаны трогательными веснушками.

Что до меня, то я вспыхивал и порывался уйти всякий раз, когда она нагибалась, поднимая брошенный мяч. Ветерок, мой заединщик, трепал и взвизгивал подол коротенького цветастого сарафанчика, черными бликами обнажая ее трусишки. Неведомая сила закачивала мне в ноги и поясницу каменную тяжесть, придавливая к старому лысому бревну, что служит обычно скамьей для болельщиков. Люся могла бы, наверное, поднимая мяч, не нагибаться, а приседать в книксене. По логике вещей. Но все существо мое противилось такой логике...

Уколы, что повсеместно практиковала бригада отрядных медиков, разъезжая по заставам, были, по всей видимости, никуда не годны. Не действенны совершенно! Хотя и были призваны в профилактических целях приглушить, а то и подавить на время службы чуждые советскому солдату эротические фантазии, отвлекающие его от служения Родине. Некоторые официальные лица в военном ведомстве полагали эти меры вообще излишними, исходя из того постулата, что в те не к ночи помянутые времена в Советском Союзе секса не было как такового. Чего бы тогда, скажите, и напрягаться. И так все мировое сообщество в курсе наших высокоморальных устремлений.

Мы же позволяли производить над собой эти эксперименты (приказ есть приказ!), но со свойственной молодости бесшабашностью. Спустив галифе и подставляя задницу сухопарому медбрату со шприцем наперевес, мы подхохатывали над бесплодностью его потуг: «Эту песню запекает молодежь, эту песню не задушишь, не убьешь...» Справиться этим бромистым инъекциям с нашим бурлящим и нерастраченным юношеским либидо было невозможно, как невозможно остановить тягу ростка вверх, даже если горшок, в котором он растет, перевернуть вниз головой!

Заканчивая тренировку, Жора подошел к Люсе и, потрепав ее по округлому веснушчатому плечу, поблагодарил за помощь. А напоследок, крикнув «Лови!», свечкою из-за спины запулил мяч высоко над собой. Люся послушно вскинула руки и, ловя его, оступилась. Жора моментально среагировал, сильной рукой подхватил ее за талию и притянул к себе так резко, что она уткнулась лицом ему прямо в горячую волосатую грудь. В замедленном формате я наблюдал этот гибельный полет Валькирии. В противоположность своему назначению спасти героя в битве

дева гибла сама. Сильные руки, густой запах пота и жар тренированного тела сразили ее до полубоморока. Ноги подкосились, и рыженькая головка безвольно откинулась назад. И, прежде чем взять себя в руки, она подняла на Жору взгляд. Томный, беспомощный, обещающий, трепетный, согласный и безрассудный.

Это длилось всего лишь мгновение! Из тех, что поэты называют «чудное». Не знаю, что чувствовал в это мгновение Жора, а я окаменел. Гад такой, я хотел!.. быть!.. на его месте!

— Зорик, давай пошли, — крикнул мне он, — скоро обед.

Я не ответил. Если слово «прострация» может отразить всю гамму моих чувств, то я находился в ней. В прострации.

* * *

В замечательное осеннее утро меня сменил в дежурке сержант Ляпало. Принял повязку, штык-нож и раскрыл журнал. Знакомлю его с нарядами на фланги и хозяйственными работами. Кого куда рассовывать. Да все уже знакомо, все стандартно. Еще раз позавидовал ребятам — у троих сегодня выходной. У Семки, Андрюхи-рыбака и Жоры Бондаря. Собираются по грибы. Андрюха зовется с приставкой «рыбак» известно почему. На заставе есть еще один Андрюха, и надо их каким-то образом различать.

Спать мне хотелось не очень, и я уже подумывал о том, а не рискнуть ли мне с ними заодно. Норму по грибам когда-никогда, а отрабатывать надо. Но тут, руша все мои размышления, в дежурку входит Люся. Она экипирована, как бывалый турист: брюки, резиновые полусапожки, наглухо повязанная косынка и куртка из плащевки с капюшоном на завязках. Оставив в дежурке мимолетное «Здрасьте, мальчики!» и тающий шлейф своих сладких духов, скрывается за дверью канцелярии. Сначала она что-то сбивчиво шепчет капитану, потом капитан что-то гудит ей в ответ. Слов не разобрать, но по тембру гуда можно догадаться, что одобрения Люсина затея там не получает.

Вообще, давно известно, что контакты личного состава с женской частью любого подразделения по устоявшейся годами традиции сведены к минимуму. Все же прекрасно понимают, что подобные точки соприкосновения могут «заискрить». И ситуация, не приведи гос-

поди, сдетонирует. Прецеденты имеются и ходят от заставы к заставе в устных преданиях. То есть капитан этой Люсиной фантазии всемерно противится. Похоже, что не разрешает.

Но нет. Слегка покрасневшаяся, с блестящими от возбуждения глазами и вздернутым носом она, как и все правдоискатели, грудью отстаивающие свои права, которые никто и не думает у них отбирать, громко объявляет о своей мнимой победе: «Мальчики, я иду с вами за грибами!» И гневно стреляет пылающим взором на вредную табличку с надписью: «Канцелярия» с явной надеждой на то, что капитан услышит и поймет наконец, как он был отвратителен в своих беспочвенных подозрениях. Андрюха-рыбак с Семой переглянулись, а Жора удовлетворенно кивнул с высоты, как тренер команды гандболистов, чья многоходовая домашняя заготовка по взятию ворот противника завершилась эффектным голом.

Слабое желание идти с ними вместе у меня как рукой сняло. Провожая взглядом эту смешанную группу грибников, чувства я испытывал также смешанные. Забеспокоился. Внезапно ощутил на себе какую-то ответственность за судьбу молодой лейтенантской семьи. Вроде как остался у них за «старшего».

Отрывочные картинки моих подозрений и предчувствий вдруг стали складываться в стройный пасьянс в форме сердца под условным названием «Явись мне, суженый-ряженный». А потому и за «старшего», что лейтенант еще позавчера отбыл в политотдел отряда на трехдневный семинар заместителей начальников застав по политчасти. Потом плюсовать ли к моим подозрениям то, что вчера утром мы со Смелой по стрельбищу кружились, а Жора почему-то не тренировался. И! О, ужас! Я не могу вспомнить, видел ли я его вечером и перед сном.

В смятении полном я подался в казарму, лег, раздевшись, в кровать, подоткнул под матрац вкруговую края марлевого полога от гнуса, укрылся с головой и провалился в неровный какой-то, дерганный и напичканный отрывочными видениями сон. Если кто-нибудь где-нибудь и когда-нибудь дежурил бессонными ночами, а отсыпался днем, тот поймет меня с полнамека.

Проснулся около трех часов дня и с квадратной головой. От какого-то протяжного заунывного звука. Я не помнил ничего из того, что мне

снилось, кроме одной картинки, чудом из памяти не выпавшей. Будто бы на игровую площадку к перекидывающим туда-сюда мячик Жоре и Люсе подходит лейтенант, берет свою супругницу за руку и молча уводит с поля. Жора, озлобившись, с остервенением кидает мяч в пустые ворота — и тут!.. Лейтенант мгновенно выхватывает пистолет и поражает это гандбольное «яблоко раздора» влет. Мяч падает на землю и вместе с воздухом испускает противный тягучий звук, от которого я, видимо, и проснулся. А всего-то, как выяснилось, старшина опробовал у себя на складе допотопную и, казалось, навсегда утраченную, ручного привода сирену.

Пообедав, чем кулинарный бог Вова Пальчик послал, я отправился (а куда еще?) к Васе на конюшню. Как же замечательно все-таки, что есть у нас Василий Терентьевич и есть конюшня! Служивый народ наведывается сюда с удовольствием. Понятно, что не всей заставой. Кому-то эта конюшня и на дух не нужна. А кто и свой кусок хлеба, а то и сахару не съест — лошадям несет.

В конюшне, скажу для тех, кто не в курсе, невозный дух совсем другого свойства и качества, чем, например, в коровнике, на птичнике, в овчарне или — «минуй нас пуше всех печалей» — в свинарнике. Конюшенный дух, если угодно, благороднее. Заявляю это вполне авторитетно, как человек, с малых лет набивший себе нюх за те многие годы, в кои ко крестьянскому ремеслу применение имеющий быть не понаслышке. Как и во фразе предыдущей, витиеватость и многослойность присутствует и в духмяных оттенках отходов жизнедеятельности животных. Не говоря уже о человеке и его отхожих местах. Подташничает? А вот соплеменников наших в годы жесточайшей голодухи — нет, не подташничало. Они, доведенные до отчаяния видом своих умирающих детей, собирали конский помет из-под барских карет и, промывая его, добывали оттуда не переваренные лошадиными желудками цельные зерна овса, чтобы хоть как-то поддержать в своих кровинках огонек угасающей жизни. Так что не морщите свой чуткий нос, а смело заходите к нам на конный двор — и вы поймете мой возторг всенепременно.

Эта густая смесь запахов от потертых кожаных седел, ременной сбруи, хомутов, потников, навоза, опилок, лошадиной мочи, сена, дегтя, овчины, моченого овса, вара, сыромятной шну-

ровки, свежесрезанных прутьев для метел, запаренного комбикорма, махорочного дыма, стружки, скипидара и еще бог знает чего врезается в обонятельную память навсегда. А потом человеческий нос еще долго распознает оттенки того, что улавливает, но уже не определяет. Весь этот немислимый купаж буквально взрывает обоняние и кружит голову. Пуше сирени, доложу я вам! Кабинет ароматерапии на дому! Уверен, есть немало знатоков, со мною солидарных. Ну не зря же Петр Бадмаев, придворный лекарь Николая II, устраивал «лечебные» дыхательные сеансы в государевых конюшнях для санкт-петербургской знати, привлекая на оные даже членов императорской фамилии.

Да и сейчас все большее распространение получают центры иппотерапии. Если бы это новшество — лечение посредством общения с животными — не давало бы ощутимых результатов в борьбе с такими серьезными недугами, как ДЦП, аутизм, рассеянный склероз и прочие, центры эти давно бы распались. Однако ничего похожего! Они плодотворно работают более чем в 60 странах. Сидя в седле, человек постепенно проникается сознанием — я не такой, как раньше. Я выше всех. Я могу больше других. Я управляю ситуацией. Это дает постепенный и устойчивый оздоровительный эффект.

А наш Василь Трентич лечит всех желающих, кроме запахов, еще и трудотерапией. Он, конечно, позволяет прокатиться рысцой пару-тройку кругов верхом вокруг стрельбища, но не бесплатно. Бесплатно он может только обложить по-родственному, не делая ни для кого исключений.

Нет, если в дозор, по службе, то пожалуйста. Без слов. Ну, а если так, из баловства, — извини. Зная эту его замечательную черту, никто ни на какие предпочтения и не рассчитывает.

«...Тебе на воротник, а не лошадь! — говорит Вася. — Седлай сперва лопату с метлой, а там, может, и до лошади дело дойдет».

Или даст чинить сбрую и научит, и покажет что и как, но не скривить губу не может: «И откуда у вас, у, только руки растут? А? Где бы нам заказать еще парочку таких вот?»

Но тем не менее работу примет и, поощряя, великодушно ткнет сигаркой в какой-нибудь денник. Но Смелую давал редко. Капитан ругался на это. И то верно: у каждого седока своя

манера езды или вовсе нет никакой манеры. А она, еще сырая в иноходи, срывается на обычную рысь. Ее надо беречь, чтобы не разучивалась в обратную сторону.

Но тянет сюда ребят ко всему прочему еще и жажда легкого отступничества от воинской реальности. Жажда вольного словообращения и вольного же высказывания своих мыслей без оглядки на начальство. После сушилки это второе на заставе место, где понятие «свобода слова» обретает свое истинное значение. Любого слова. И ненормативного в том числе. Этаким маленький солдатский гайд-парк. Где у всех и каждого «легкость в мыслях необыкновенная»!

Невзирая на то что на дворе лето, Вася печку через день протапливает, ликвидируя тем самым все влажные испарения в подведомственном ему хозяйстве.

— Не жарко у тебя, Василь Трентич? — осторожно спрашиваю я, желая вместе с ответом вытянуть информацию о его настроении. К нему ведь и на драной козе не всякий раз подъедешь.

— Жар костей не ломит, паря, — отвечает Вася, скребя округлыми желтыми ногтями щетину на кадыке. — Вон сидят, не жалуются.

Возле печки на чурбаках, пиленных под высоту табуреток, друг напротив друга сидят Валера Паленый и мой дружан Серега. Валера калит на огне утюжок из цельного чугуна и выплаживает голенища своих новых яловых сапог под тип генеральских ботфортов. Готовится к отпуску. Было решено, что он едет первым (почти уже два года отслужил), а по поводу меня — уж как начальство решит. Я не был «против». Внешне. Хотя, помнится, стрелял на соревнованиях вроде совсем не Паленый. Ну да чего теперь об этом. Ладно...

Никаких «третей» на сапогах, уродующих их форму искусственностью и нарочитостью, Валера не признает и на Сережкины упреки и подсказки реагирует молчанием. Тот, в свою очередь, сердится, что к его советам не прислушиваются, и поэтому пеняет Васе:

— Вот ведь олух царя небесного! Вася, скажи ты ему, олуху, что «третьими» красивше...

—... — советует Вася, шнуруя смоленной драгвой рваное седло.

Ну как тут не прислушаться! Вася зря слов не тратит, но и за справедливостью в карман не лезет. Крестьянского, да и просто житейского опыта у него нажито дай бог каждому, и пото-

му к его советам, хоть и грубоватым, мужики прислушиваются с неподдельным почтением. Казалось бы, чего там — конюх, повозочный, жук навозный, одно слово — Федот! А вот вам дышло от Василь Трентича, чтоб голова не качалась! Федот, да не тот!

Паленый молча и деловито, не изменяя своей манере поведения, продолжает доводить дело до логического конца. Тут, скажу я вам, следует приложить умение специальное. Тщательность вкупе с кропотливостью. И если делать все чрезвычайно аккуратно, а именно: ловить на утюге оптимальную температуру, смягчать кожу водой, не передерживать, не пережигать, чтоб не оставалось рубцов и проплешин, то тогда этой горячей процедурой голенница удастся заузить, все пупырышки убрать и, надраив сапоги хорошей финской ваксой с добавлением воска, можно добиться приличного блеска. А если еще нещадно их полировать, да не по разу в день, суконой полосой от укороченной, по внутриармейской моде, шинели, тогда достигается внешний вид, равный зеркальным офицерским хромачам.

— Вася, давай, что ли, я лошадей на озеро стогнаю. Попарно, на водопой, — озираюсь я, ища себе какое-нибудь заделье.

— Рано еще. Вон чайник лучше поставь. Себе устроим водопой.

Сергеа, вспомнив какую-то частушку, подпевает к случаю:

— Чаю, чаю накачаю,

Сахару накачаю.

Письма все твои сожгу,

Даж не распечатаю!

Вася смеется, дергая кадыком. Мне, как кошачьей лапкой, по душе такая атмосфера — все ребята как родные и я им тоже свой. Соколюшеники, мать честна! Сейчас вот сядем потесней, да и чайку...

Но тут распаивается дверь, тренькнув поддужным колокольчиком и ярким светом дня распоров на куски весь наш идиллический настрой. Вошли Андрюха-рыбак и Семка. Лица у обоих такие, будто они, увлекшись грибами, потеряли автомат. Растерянные и виноватые.

— Чего случилось-то, калики перехожие? — встрепенулся Серега, по унылым мордам читая неадекватность ситуации.

— Мужики, что делать, хрен его знает, — на-

чал Андрюха-рыбак. Он, по всему виду, был всерьез чем-то озабочен.

— Жора этот, блин, — встрял было Семка, но Вася его пресек:

— Пока заткнись, молодой. Тебя потом спросят. Андрюха, давай спокойно!.. И по порядку.

— Ну, короче. Подались мы за грибами утром. Вчетвером пошли. Лейтенантша у капитана выпросилась с нами.

— Отпустил?! — ахнул Серега. — Не может быть!

— Да вот выклянчила. Отпустил. Но меня в канцелярию зазвал и кулак совал под нос, мол, смотри, «рыбак», ты старший, с тебя и спросится, если что. Нюх у него, как у Сильвы. Так оно и вышло, будто в воду глядел. Не успели мы и на сто метров в лес удариться, Жора нам с Семкой шепчет: «Дальше лупите одни и без оглядки. Мы с Люсьен крутанемся к Бобровой заводи, а на просеке, у Новой вышки, встретимся. Через два часа». Люся в сторонке вроде как грибы шукает. Увлечена — дальше некуда. Но дело-то становится прозрачнее, чем детская моча! Я тогда ему и говорю: «Слушай, братишка, так нельзя. Так не пойдет». — «Как не пойдет?» — «А так, — говорю, — рядовой Бондарь. Я старший группы, автомат на всех один, никуда ты не пойдешь без оружия. Да и потом (киваю на Люсю) тебе не кажется, что это неудобно?» А он — мне: «Слушай, ты, рыболов-спортсмен! Неудобно на потолке спать — одеяло падает. Понял?» — и подался с ней. В загадочный лес.

— Почему не задержал? — пылает жадной справедливости Серега.

— Как? Ну как? Научи, блин, умник! В спину ему стрелять?

— Ну ладно, а дальше?

— Дальше... Ты не хуже меня знаешь, что бывает дальше.

Ничего не буду утверждать, не хочу на себя греха брать, но деваться же некуда. Улики торчат, как грибы на поляне. Мы с Семкой по корзине нарезали и ждали их у Новой вышки часа полтора. На заставу без них не отправишься, правильно? Глядим — являются. Грибов у них с гулькин нос — так, для вида только. А сами какие-то...

— Какие?

— Ну, как будто немного двинутые. Пыльным мешком из-за угла. Этот мотыль лыбится не переставая, а у Люси от щек хоть прикуруйвай. Платок на шее мотается, в волосах — мусор.

— Значит, ты считаешь, что он ее...
 — Вася! — оборвал я его. — Остановись! Сходи тебе одно мерещится...

— А чего тут непонятного-то?
 — Как просто у тебя все выходит! Все равно что сигарку свернуть.

— Так, — поднялся с чурбака Валера Паленый. — Давайте-ка тормознем. Что мы имеем? То, что от случившегося несет тухлятиной, понятно и без дополнений. Эти вещи всегда пресекались и будут пресекаться на корню. Делаем вот что. Зорик, иди, тащи этого гусака сюда на разговор. И спокойно, товарищи солдаты, спокойно. Не надо поднимать дорожную пыль до выхода на марш.

Я сходил. Вернулся. Начали ждать. Молчание нарушил Андрюха-рыбак:

— Он не придет.
 — Почему это? — удивился Серега.
 — Засыт.
 — Да куда он денется? С подводной лодки... Давайте-ка лучше вот кишки погреем. Чайник того и гляди с плиты спрыгнет.

Но тут дверь зло треснула по колокольчику, и в створе показалась смоляная голова Вовы Пальчика. Он был, как всегда, не в духе:

— Кто две корзины с грибами на крыльце бросил, салажня?

— Мы, — спокойно отвечал Андрюха, от тяжелых дум не отвлекаясь.

— Ы-ы! — передразнил Вова. — А чистить, мыть я за вас должен?

— Ничего ты не должен. Погоди с полчаса, земляк. Семка подойдет — все сделает.

— Полчаса, не больше, — подытожил Володя и скрылся за дверью. И тут же распахнул ее снова: — А у вас тут чего, похороны, что ли?

— Нет, — отвечаю я. — Наоборот, свадьба. Правда, с криминальным душком. Хочешь, поприсутствуй.

— Ну а в чем дело-то? — переступил он порог.

Ответить ему не успели. Дверь снова распахнулась и, согнувшись под притолокой, вошел Бондарь:

— О-о! — с гонором начал он. — Да тут целый Римский сенат собрался! И все как один поборники морали и нравственности?

— А ты, видать, как та кошка, чуешь, на чье мясо покусились? — спросил дрожащим голосом Сема.

— Ах ты, надавыш мелкий! Наш пострел вез-

де поспел! Скорей-скорей насексотил уже, жидо пархатое?

Никто не предполагал, что дело примет такой оборот. Семка побледнел и вдруг, подпрыгнув, звонко шлепнул ладошкой Жору по щеке.

— Не смей! — закричал тонко и с привизгом. — Я говорю, не смей!!! — он сжался в комок от негодования, и только нервно дрожали его побелевшие кулачки. Бондарь от неожиданности округлил на него глаза, открыл недоуменно рот и поднял вверх, как медведь, свои длиннопалые руки. Еще мгновение — и он сверху...

— Только попробуй, Жора, — спокойно сказал Валера. — Только попробуй.

Бондарь сглотнул и медленно опустил руки. Он почувствовал эту стену противостояния и наконец начал соображать, что смешками тут дело не отодвинуть. Гневливо блистающие глаза его потухли. И первое, что приходит в голову уличенным в чем-либо, а теперь и ему, — так это желание самому обелиться и быстренько свалить вину на другого:

— Мужики, но ведь она сама... — кривился он глумливой улыбочкой.

— Стоп, — оборвал его Валера. — Никаких подробностей нам от тебя не нужно. Врать, что ничего не случилось, не катит. И что тебя, бедного, в искушение ввели, тоже не катит. Вот пока у тебя есть возможность найти выход из создавшегося положения — ищи его. Прямо здесь и сейчас.

Жора замолчал и только тяжело, как на тренировке, сопел через нос. Пальчик смотрел на всех и на каждого по отдельности, пытаясь ухватить смысл происходящего.

Тут не вытерпел Вася:

— Ты че! Совсем! Рыло тебе!!

— Ну, хорошо, хорошо, — Жора сник. Почувствовав ледяное отчуждение, он сдулся, как простреленный мяч.

— Больше не подойду. Клянусь. Десять метров дистанция. Извините, мужики. В самом деле, перспектива корячиться кислая. Но я закипел, пацаны. Просто наваждение какое-то. Голову обнесло. Как болезнь прямо...

— Боле-е-знь, — протянул Вася, — знаем мы такую «болезнь» — на кого бы залезть...

— Виноват, куда деваться. Но вы же и меня поймите — как не поведешься на такое откровение. Любой из вас, верняк, в такой ситуации дал

бы в коленках слабины. Ладно. Все. Обещаю. Но вы тоже, смотрите, меня «летехе» не продайте. Семка, ты прости, брат, я не со зла, поверь. Я от самообороны. Ты не сердись, и я не буду. — Он потрогал покрасневшую щеку. — Чаю-то можно попить у тебя, Василь Трентич?

— Не. Он не вскипел! Печь прогорела. Иди с Пальчиком в столовку, там и попьешь.

Вова принял эстафету и, обняв Жору за поясницу, повлек к себе. Выяснять подробности. Следом, забрав сапоги, ушел Паленый. Сема отходил от бледности, помаленьку розовел, но было видно, что он все еще робеет от содеянного.

Сергея был удручен, что дело не приняло более масштабного разворота (хорошей драки не состоялось). Ходил, насупившись и сунув руки глубоко в карманы. Василий, собирая инструмент, всем своим видом показывал, что пора эту сходку заканчивать. Только пробурчал:

— Ни он не понял, верста коломенская!

Я же за все время не издал ни звука. А потому что Жора прав — слаб в коленках. Говорить что-либо, вождедея к Люсе вторым своим «Я», все равно что заливать огонь керосином. А поэтому, рядовой Маловеров, сиди помалкивай в тряпочку и делай выводы!

Но, дорогие мои, каков Валера! А? Нет, никогда моей безвольной и пресной натуре не заматереть до его гранитной харизмы. Мавр сделал свое дело — мавр может уходить.

Заканчивалась грибная пора, но еще витали в пространстве информативного обмена отголоски ее «левых» заносов. Непонятная насто-роженность вперемешку с подозрительностью невидимым флёротом накрыла нас всех так явно, что с какого-то момента стало определять моральную атмосферу в нашей резервации как нездоровую. Можно ли было скрыть то, что произошло, — догадайтесь сами. Вам ведь уже сказывали: если секрет знают трое, он скоро станет достоянием всех, как ни изворачивайся.

И клубок начал разматываться. Жора, как и предполагал Василь Трентич, обещания свои презрел и перемигиваться с Люсей не перестал. Пытался сдерживать себя, но лишь поначалу. Это не осталось незамеченным даже для добросовестно закрывающего на эти вещи глаза главного фигуранта любовной трехходовки — лейтенанта Зубанова. Между ним и Люсей участились скандалы, которых не могли утаить

даже стены лейтенантского домика. Подробности этих ссор тут же истово и со вкусом обмусоливались в сушилке, словно это были слухи о сокращении срока службы на целый год.

Лейтенант, всецело поглощенный перипетиями супружеской нестабильности, службой, как таковой, начал манкировать. Чем незамедлительно вызвал на себя недовольство начальника заставы и въедливые нравоучения Анны Васильевны. Ей бы, праведнице, лучше к Люсе адресоваться, но нет. «Сама все знаю! Жена Цезаря вне подозрений. Жива еще на белом свете женская дружба и солидарность!» Хотя все женщины в мире знают — понятие «женская дружба» существует, а предмета, что это понятие определяет, в природе нет. Чего бы тогда и лукавить.

В свою очередь Люся, разобидевшись на то, что Жора тесных контактов с нею стал избегать, разрешила себе некоторые фrivольности в поведении. Назло. Были пущены в ход недвусмысленные взгляды, полуулыбки и полунамеки, весь непредсказуемый арсенал женского обаяния в адрес некоторых других мальчиков. В основном, третьего года службы. Те с открытым ртом и мутными от длительного воздержания глазами шли напролом, принимали это лукавое кокетство за чистую монету, с налету веря в эту «шаговую» доступность. Получив отлуп, начинали чуть не на кулаках искать причину облома между собой, деля шкуру неубитого медведя и злясь на кого неизвестно. Ситуация с дисциплинарной разболтанностью и начинающимся моральным разложением коллектива заставила капитана взяться за голову. Вот тебе, господин боцман, и «баба на корабле»!

Но все на свете когда-нибудь да кончается. И лейтенант пограничных войск Союза ССР Андрей Андреевич Зубанов, мой несостоявшийся товарищ и друг, в недавнем прошлом романтик и мечтатель, устав от этой трудной и бессмысленной борьбы, в которой он был сам себе и щит, и меч, выдохся. В один из дней, болея от всех этих дрызг и унижений, доставляемых ему окружением, он положил капитану на стол рапорт на имя командира отряда об увольнении его из рядов Вооруженных сил по семейным обстоятельствам. Молча стоял перед столом начальника, уронив голову на грудь. Бледность его лица являла такую самоотрешенность, будто он вместо рапорта положил ему на стол предсмертную записку.

Капитан, склонив голову над листком, молчал. Тянулось это невыносимо долго. Наконец лейтенант произнес:

— Иван Михайлович, дорогой...

— Не надо, — попросил Лоскутов и взял ручку.

В нижний угол рапорта легла резолюция: «Командиру Н-ского погранотряда полковнику Сахарову С.С. С мотивировкой согласен. Не возражаю переводом в другое подразделение. Начальник заставы капитан Лоскутов».

А на словах добавил:

— Бери Головизнина с узиком и езжай в отряд сегодня же. Командир собирается в отпуск, а без него никто тебе ничего не решит.

Аркадий вернулся к началу следующего дня. Один. Без лейтенанта. Молча прошагал в канцелярию и, пробыв там некоторое время, вышел, неся на лице печать непробиваемой сверхсекретности. Да разве утаишь в мешке этакое «шило»? Сказать, что случилось нечто из ряда вон, значит, не сказать ничего. Картина представлялась невозможной в своем невероятии и подпадала под литеру «Чрезвычайное Происшествие» в кубе!

Командир отряда, перед лицом которого прошел не один косой десяток таких капризуль, как наш лейтенант, рапорт прочитал, аккуратно разорвал его на четыре части, положил обрывки в плетеную урну для мусора и, отряхнув ладони, негромко скомандовал: «Кру-гом!» Медленно обошел Зубанова, как пограничный столб, и, встав лицом к лицу, произнес вполголоса:

— Попробуйте вспомнить, лейтенант. Когда вы давали присягу на верность Родине, не было ли в её тексте таких слов: «Ничто нас в жизни не может вышибить из седла!» Не помните?

— Никак нет, товарищ полковник.

— Что никак нет? Не было или не помните?

— Не было таких слов, товарищ полковник.

— А жаль. Очень правильные слова. Очень правильные. Сколько времени вы у нас работаете?

— Пять месяцев, товарищ полковник.

— Быстро же настигло вас разочарование. И все же осмелюсь напомнить, что в Вооруженных силах, помимо душевных переживаний и рефлексий, доминирующими были и остаются понятия высокие. Мужество. Чувство долга. Офицерская честь. Присяга. Глубоко сожалею, лейтенант, что эти понятия в вашей молодой судьбе не на первом месте. Вас я оставляю без взыскания, лишь рекомендую попытаться самому сле-

датель правильный вывод из нашей короткой беседы. А вот капитану Лоскутову передайте мое личное порицание за плохую организацию работы с командным составом. В вашем случае, конечно. Обоим желаю дальнейших успехов.

Он чуть тронул бронзовую ручку, и дверь кабинета неслышно открылась. Так же негромко прозвучала и следующая команда:

— Шагом марш!

* * *

— Твари! Бесчувственные чурбаки! — размазывая слезы и потрясая уже второй початой бутылкой водки, Зубанов в узики открывал Аркадию душу, израненную отказом. — Все равно не буду служить! Завтра снова к нему пойду. Скажу ему, чтоб подписывал, или я в Москву поеду... Есть и повыше его начальники... Он не имеет права! Вот скажи, я ему — что, мальчишка? Мальчишка? Советует он мне... Советчик, блин, нашелся. А ты спросил? Разобрался? Советовать любой дурак может... Нет такого закона, чтобы рвать лапорта... реполта... Его надо сперва залезть... зарелиги... стрировать... «Круго-о-м ма-а-рш», еще мне, понимаешь ли... Сам давай кругом марш. В отставку! На пенсию все старье. Песок уже сыплется, а все туда же...

Сунув бутылку в карман галифе и хлопнув дверцей узики, ушел, не попрощавшись и качаясь, в офицерскую гостиницу, оставив Аркадию в полном неведении. Как-то вопреки порядку оформился в двухместный номер, там выхлестал почти полную бутылку из горлышка, в кителе, фуражке и грязных сапогах упал на крахмальную постель и, натужно целясь, выстрелил из табельного «Макарова» по тусклому круглому плафону под потолком. Свет не потух, лишь посыпалась серая штукатурка. Не добившись темноты, необходимой для комфортного сна, он выстрелил еще раз и, удовлетворившись звуком взорвавшегося плафона, тут же захрапел с пистолетом в руке, весь обсыпанный осколками и мусором. У гостиничного персонала округлились глаза и затряслись руки.

После того как комендантский патруль Зубанова разоружил и изолировал, Аркадия спросил у дежурного майора, что ему теперь делать.

— Езжай на заставу. Туда уже сообщили.

Аркаша с тяжелым сердцем выехал в ночь.

* * *

«Октябрь уж наступил...» И наши стройные порядки стали заметно редеть. Первым дорожку проложил Танцура, отбыв не без выкрутасов в отрядный хозвзвод. Затем — эта потрясающая всех метаморфоза с лейтенантом Зубановым, поставившим на уши всю отрядную комендатуру. Он так и пребывал в отрядной «кутузке» в режиме предварительного заключения, ожидая суда офицерской чести.

Аркадий, махнув рукой на недосып, развернул свой уазик и в тот же злополучный день увез от нас Люсю, помрачневшую и уже готовую, что называется, «на выход с вещами».

Дня через три с заставы увозили чуть ли не лежа скрюченного жесточайшим «р-радикулитом» старшину Коноплева. В госпиталь. С ним вместе уехали и два наших демобилизованных «деда», кому пришла телефонограмма на увольнение в запас. При таком «параде» наших дембелей и не видели никогда. Все при всем и даже щегольские гражданские чемоданчики с наклейками зарубежных городов, да таких, где побывать им уж точно никогда не придется. Резиновая визовая стена, а за ней — «железный занавес» миграционной политики. А куда денешься? Времена, в которые родиться, выбираем не мы. Так что, презрев все эти чиновничьи препоны, путешествовать в те годы можно было только за Уральский хребет.

На заставу навалилась пелена осенней дождливой грусти. И в это жидкое и холодное блюдо добавляет остроты лишь нервный озноб от ожидания неминуемого прихода лютотой зимы. А зимы в этих широтах, сказать по правде, сродни библейским казням египетским. Такие же неотвратимые и безжалостные. Если в нашем сухом сибирском климате довольно легко переносится мороз и под минус сорок, то здесь, в клубах влажных болотных испарений, уже при минус двадцати автомат прожигает спину аж через два бушлата, надетых внахлест один на другой.

Еще пару зим, рядовой Маловеров, померяешься соплями с Дедушкой Морозом, порасскажешь ему под Новый год стишок: «Нам на морозе радостно, нам на морозе жарко...» А пока мелкий дождичек, что занят сбиванием слабенького утреннего инея с сосновых иголок, лишь подчеркивает атмосферу унылости и апатии.

В восемь вечера я заступил на дежурство,

сменив Андриюху-рыбака, который от безделья и в полном одиночестве раскручивал себя из стороны в сторону на вращающемся кресле.

— Свободен, космонавт, — расписался я в журнале приема и сдачи дежурств.

— Ты не знаешь, у Вовы там осталось чего-нибудь пожрать? — без особой надежды спросил Андриюха.

— Иди, «шрапнель» есть. Кайфа, может, и не поймает, но чувство сытости обретешь.

Андриюха ушел, и тут же сухо шелкнула минутная стрелка в настенных часах, показывая ровно восемь часов вечера. Когда-то, рассказывают, эти часы отбивали мелодию, но от старости стали рассыхаться и у них, как зубы у стариков, выпали все молотки и тональные звуковые штанги. Но сам механизм, если его регулярно заводить и изредка чистить, spryskivaya бензинчиком, работает исправно, с шипением выдавая сухие щелчки лишь на часовых отметках.

Итак, этот настенный раритет сухо шелкнул на восьмичасовой римской цифре, и потекла первая минута из моих незабываемых двенадцати часов обыкновенного, казалось первоначально, рядового дежурства.

20 ч. 03 м.

Поменял часовых по заставе на очередную смену. Одному автомат выдал, у другого, промокшего, принял. Продрогший воин тоже потянулся к Вове на горячий чай вслед за Андриюхой. Знакомлюсь с журналом: кто занаряжен на фланги, кто — на охрану территории. Все понятно. Самого меня утром меняет Серега Лузянин. Замечательно, но до этого еще так далеко.

21 ч. 00 м.

Звонок из госпиталя. Старшина. Переключил на домашний капитану. Разъединяя, поговорил с Коноплевым, спросил, как да что. Там у него все серьезно, по-взрослому. Защемление межпозвоночного диска. Вроде советуют оперировать. Он не хочет. Рвется домой, на заставу. Но врачи не пускают, мол, «еще недельку поперфорирuem тебе, старшина, пятую точку». Пожелал ему выздоровления ото всех наших.

21 ч. 30 м.

Явился на заставу недовольный наряд с правого фланга, что оттянул свои кровные восемь «кусков», а замены не дождался. Пришли старший сержант Мажитов (старшего ему присвоили недавно, даже лычки перешить не успел) со

своей овчаркой Сильвой и Леша Бобырь, еще пока не уехавший домой «дедок», виновник вечной путаницы Бобыря с Бондарем. Из пары, что должна выходить им на смену, один солдатик держит в охапке свой живот и не рискует отойти от туалета и на пять шагов. Звонить капитану после 21 часа запрещено, кроме как в силу обстоятельств форсмажорных. Ситуация не из таковых, поэтому, проявляя недюжинную смелость, произвожу замену, чем навлекая на себя еще одну порцию недовольства. Теперь уже от внеочередника. Разобрались, наконец. Слава богу! Всех зарядил на службу, граница на запоре! Спи спокойно, родная страна!

Жизнь в казарме постепенно перетекает из бессмыслицы Броунова движения в состояние дремотности и покоя. Сережка! Мой золотой, он несет мне из столовки зеленую эмалированную кружку крепкого сладкого чая, накрытую толстым ломтем белого хлеба. Он даже прикрыл фуражкой этот презент от легкого дождичка, что настойчиво продолжает размывать снаружи грязь на оконном стекле дежурки.

— Держи, служивый, — говорит Серега, — погрей свою грешную душу. А я пойду отрублюсь. Сытый и выспавшийся пограничник канает за двух солдат внутренних войск. Или за полтора матроса. До полвосьмого не кантовать, понял?

— Да понял, понял, — говорю ему я, с наслаждением кусая хрусткую горбушку. — Спасибо тебе, братан. За мной должок. Могу, например, часок утром пересидеть за тебя на дежурстве. Сменишь меня в девять. Выспишься...

— Это лишнее. Сочтемся как-нибудь... На том свете уголками... — и, потягиваясь, уходит в казарму. В дежурке мне в компанию остается лишь тягучая и сумрачная тишина позднего вечера.

23 ч. 00 м.

Тихонько, но явственно шелкнула минутная стрелка, и тут же загорелся красный индикатор внешней связи. Звонок шел из Майского, с нашего поста.

— Кто у телефона? — слышу в трубке нарочито командирский голос.

— Красноармеец Маловеров, вашбродь! — балагурю я, зная, что на посту офицеров нет.

— Говорит полковник Сахаров. Объявляю вам 40 нарядов вне очереди и 40 же нарядов по очереди. Да 10 суток гауптвахты, чтобы в другой раз знали, как представляться не по уставу.

— Олег, не лепи горбатого, — узнаю я голос моего годка и земли Олежки Кузнецова. В бытность на учебном пункте наши кровати стояли рядом. — Говори толком, чего надо. Мне письма там нет случайно?

— Почта вам есть, но она запакована. Я не смотрел. Тут, Зорик, дело другого порядка, — он понизил в голосе. — К нам на пост пришла девушка. Черненькая такая. Зовут Анастасия, фамилия — Гребнева. Кто-то из местных привез ее на машине со станции. Говорит, что в поселке встала «на квартиру» к какой-то старухе. А сейчас вот сидит у нас в учебном классе, и выпроводить ее не можем никак.

— А чего ей надо-то?

— Ты слушай дальше, по порядку. У вас числится такой фрукт известный — Пальчик Владимир?

— Настюха?! — ахнул я.

— А ты чего, ее знаешь, что ли?

— Да вот как бы да...

— Она, слушай, рвется к нему, и мы не можем ей доказать, что этого никак нельзя. Решайте там с начальником, как делу быть. Не оставлять же ее тут ночевать. Как чего решите — звони. Передадим. Телефон ей дать не можем, отряд периодически прослушку включает, сам знаешь...

— Ладно, Олег, все понял. Спасибо тебе. Перезвоню.

Я некоторое время сидел, словно оглушенный огромным столовским черпаком.

23 ч. 20 м.

Из спального помещения, зажигая на ходу сигарету, вышел Паленый.

— Валерий Андреич, будь другом, сходи, позови Пальчика сюда в дежурку.

— А чего такое?

— Да надо, слушай.

— На кой ляд он тебе сдался? Ведь давно уже ясно как белый день — чем дольше Вова спит, тем меньше от него непредсказуемости.

— Да ладно, дойди. Покуришь на свежем воздухе...

— Иди сам сходи, я раздетый. Пока ходишь, звонки я покараулю.

— Ну, давай. Только не кури в дежурке, потом всю ночь не выгонишь твой табак.

— Ладно, ладно, не буду. Шагай.

* * *

В обеденном зале столовой пытит одна тусклая дежурная лампочка. Вова безмятежно почивает у себя в подсобке. Он и раньше редко спал в казарме, и его постель, затянутая ровным «кирпичиком», раздражала. Чем? А тем, что это кровать повара и что в его столовой никогда путем не поешь, и что жрать хочется постоянно, а он спит там, рядом с нашими харчами, посапывая сыто, да еще и рыло воротит, типа: «Не нюхал я в казарме вашей вони!» Вот и дело-то...

Спотыкаясь о стулья, иду к нему. В помещении пахнет кислым вчерашним «рассольником ленинградским» или помоями из бака для отходов. Запахи схожи. Нашарив в темноте кнопочный выключатель, врубаю в подсобке свет. Подумалось, а почему, действительно, «выключатель»? Ведь «включатель» соответствовал бы точнее? Вова жмурится, прикрываясь рукой, садится на край топчана и спрашивает незлобиво:

— Тебе по шее не дать, молодой?

— О своей позаботься. Я тебе сейчас на нее такой хомут навешу, что не обрадуешься.

— Чего там еще у тебя? — Вову испугать сложно.

— Давай врубайся, — и я начал с расстановкой и паузами вбивать ему в разум:

— К тебе. Приехала. Настя. Сидит у ребят. На посту связи. В Майском. Въезжает?

— Мели, Емеля, твоя неделя... — откинулся было обратно на подушку, но тут же вскочил и схватил меня за грудки. Глаза его округлились, и по мечущимся зрачкам я угадывал беснующийся в его кудлатой голове вопрос: «Что делать? Что делать? Что делать?» Наконец он спросил: — Что делать?

— Ну как что, — рассудительно начал я. — Дождемся утра, доложим капитану, а там уж как он решит.

— Нет, брат, не так. — Он оттолкнул меня не сильно и, торопясь, полез под топчан за сапогами. — Совсем не так, братан. Ты дашь мне Смелую, и я смотаюсь туда-обратно быстрее ветра.

— Не, не, не! Даже не думай, — замотал я головой. — Ты чего, опупел?

— Смотри сюда, — Вова схватил свой будильник и заторопился, тыча в стекло пальцем: — Сколько сейчас? Видишь, еще двенадцати нет. Верхом туда — час, правильно? Обратно — час.

Повидаюсь с Настюхой — и назад. К четырем утра буду как штык. А? Зорик?

Я молча развернулся и пошел из столовой. Вова, опережая меня, прыгнул черной пантерой и встал в створе двери, крестообразно распластав руки на косяках.

— Не выйдешь, сука, — прошипел он. — Грохну прямо здесь, — и скрежетнул зубами.

Я посмотрел на него не мигая, не отводя взгляда, показал пальцем сначала на свою красную повязку дежурного, а потом на штык-нож, висевший у меня на ремне. Вовка все понял. Опустил голову и, сняв руки с косяков, вдруг внезапно обнял меня, крепко притиснув к своей тельняшке:

— Зорик, прошу тебя как пацана, — плечи его дернулись, он всхлипнул. — Ведь раз в жизни такое бывает. Ну, прикинь на себя этот случай вонючий. Сумеешь на таком шиле усидеть? Один ты знаешь нашу с Настюхой историю. Ну? Как ты можешь мне отказать? Будешь упираться — пешком уйду, ты меня знаешь! А это что? Это доклад капитану. «В ружье!», погоня, шумиха... А я на своем стоять буду. И куда меня занесет, одному богу известно. Тебе это надо?

Я уперся ладонями ему в грудь:

— Хорошо лапать меня. Тренируешься, что ли?

Помолчали. Я внутренне начал надламываться.

— Вовик, нуты рехнулся, честное слово. А если...

— Да какое, блин, «если»? Чего ты боишься? Ты же видишь, я трезвый, автомат не прошу, по времени уложусь, нет вопросов. Еще кашу успею заделать вам на завтрак. Давай, братан, выручай. Пройдет все по-тихому. Ни одна собака знать не будет.

— А как с Васей быть? Чего мы ему скажем?

— Ну, придумай чего-нибудь, умная твоя башка.

— Ладно. Хрен с тобой. Пошли.

* * *

Василий, сидя на чурбаке, шурил слезившийся правый глаз от дыма почти истлевшей сигарки, висевшей у него на нижней губе:

— Ночные гости — к поносу! Примета верная, — встретил он нас с Пальчиком. — Какого приперлись?

На большой палец его босой ноги накинута пряжка кожаного, натертого зеленой абразив-

ной пастой старого офицерского ремня. Второй конец он держит в левой руке внатяг и медленными движениями выводит на нем опасную бритву. Обычные бритвенные лезвия не берут его проволочную щетину ни в какую.

— Василь Трентич, слушай, такое дело, — начал я из-за поворота на Житомир, — звонили пацаны с поста связи. Там почта наша пришла из отряда.

— Лошадь не дам! До свиданья, города и хаты, идите, товарищи солдаты!

— Да ты выслушай сперва. Там письма есть. И тебе в том числе, — я откровенно врал. Кому только в угоду, непонятно. — У Аркаши уазик не фурычит. Сломан, как всегда. Когда он его починит? И когда капитан раскачается его за почтой послать, а Вовка вон берется слетать за пару часов... Письма же!!!

Тут мне в подмогу подключается Пальчик:

— Ты ж знаешь, Васян, у меня на посту все почти мои друзья. Я попробую заодно поточней разведать одну штуку: есть, говорят, какие-то новости по сокращению срока службы.

— А нам-то с тобой, старперам, от этого какая польза?

— Ну, молодым привезу радостную весть. Как Архангел Михаил.

— Гавриил, — уныло вставляю я.

— Чего, Гавриил?

— Хорошие вести носит Архангел Гавриил.

— Да пускай носит, кто не дает. Васян, ты лучше Смелую дай, она дорогу четко знает. По темноте с ней безопасно. Туда — час, обратно — час — всего и делов... Сгущенка с меня.

— Эти сладкие сопли вон молодому отдашь, а мне... Ты сейчас за старшину?

— Я, — Вова насторожился.

— Валенки мне заменишь на новые. Зима на носу.

— Заметано, Василь Трентич!

— По темноте Смелую не гони, понял? Она, если направишь, сама плавно иноходью пойдет. Как на лодочке поплывешь. Но не спеши! Успеешь — смелешь и уедешь. Фонарь не забудь. Ты слышишь, чего я говорю?

— Да слышу я, слышу, Вась, — уже из дальнего угла конюшни доносится Вовкин голос.

00 ч. 40 м.

— Олег, это я. В общем, он выехал.

— Кто куда выехал?

— Ну, солдатик наш. Пальчик.

— А-а. На машине?

— Нет, верхом. Один.

— Начальник в курсах?

— Да нет, слушай. Мы как бы по собственной инициативе. Вроде за почтой... Я согласие дал.

— Самоход?

— Выходит дело...

— Ты, парень, с головой своей дружишь? Рассказать тебе, чем эта ваша затея пахнет, или не надо? Самоход с охраняемого участка границы! И ты — соучастник! Да еще при исполнении. Может, его остановить еще можно?

— Да нет, пожалуй. Поздно уже, не догнать.

— Ну, ты лопух, я никак не думал...

— Да ладно тебе, Олег, я уже и сам не рад. Прошу тебя, брат, проконтролируй там ситуацию, а как он уедет обратно, дай мне знать. Хорошо? Почту ему не давай тогда, может, получится спустить все на тормозах.

— Ох, смотри, мужик!

— Ладно, не охай. Прямо мама моя! Чего теперь охать-то? Жду новостей.

— Ну, давай, до связи.

После разговора с Олежкой тревога, поселившись в моей душе, уже не думает отпускать меня ни на минуту. Этот мандраж и внутреннее беспокойство выгоняют меня «до ветру» чаще, чем обычно, зато я использую эту возможность еще и затем, чтобы, взбежав на пригорок, лишний раз взглянуть на темные окна капитанского домика. Отсутствие в них света немного успокаивает.

Вокруг тихо, безветренно и сыро. В дальнем углу двора маячит привидением фигура часового в дождевике. Знобка. Тишина и влажная тьма, разжиженная наружным фонарем на одиноком столбе, давят на меня так, что я ощущаю это просто физически.

01 ч. 20 м.

Забежав в который раз обратно в дежурку, вижу развалившегося в моем полукресле Серегу. Он в майке, галифе и тапочках на босу ногу.

— Серый! Как хорошо, брат, что ты не спишь! — обрадовался я ему, как спасению от одиночества и тревоги.

— Да уж чего хорошего. Сон не идет никак... И что такое со мной, вроде никогда раньше не было.

— Болит, что ли, где?

— Да нет. Просто кручусь с боку на бок, а ус-

нуть не могу. Уж с чем с чем, а со сном и аппетитом у меня проблем сроду не было. А ты чего пост бросаешь без присмотра? — Серега разгильдяйства не терпел.

— Тут Паленый был...

— Никого тут не было, не ври.

— Ладно ты. Не вяжись к ерунде. Я тону, Серег! Натурально иду ко дну. У меня открылась течь. В прямом и переносном...

— Чего еще такое?

— Я, похоже, так лоханулся, что дальше и ехать некуда.

— Да говори толком, что случилось-то?

— Я отпустил Пальчика в самоволку. В Майский. На Смелой.

Серега открыл рот, утянул голову в плечи и прижал ладони к щекам:

— Ты рехнулся?! Зачем?

— Да вроде как за почтой, а если по правде...

— За вином? — спросил он неслышно, одними губами.

— Да нет, ты выслушай. К нему, к Вовке, приехала невеста. Девица его из Челябинска. Настя зовут. Она сняла в Майском жилье и пришла к нашим ребятам на пост связи. Мне Олежка звонил, Кузнецов. И не уходит, просит с ним, с Вовкой, встречи. Они ей не могут доказать, что этого никак нельзя. Звонят сюда. Мне, дураку, нет бы подождать до утра, так ведь распирает. Пошел ему сказал. Тот, конечно, готов тут же бегом бежать. Говорю ему: «Успокойся. Доложим утром капитану, даст машину, встретитесь как люди...» Да где же! Ему моча кидается в голову, и у нас там чуть до драки дело не дошло... Мол, сейчас, и точка! Подались с ним на конюшню.

— А Василий чего же? Почему Смелую дал?

— Наврали, что письмо ему там пришло...

— Ах, вы ж говнюки!

— Серег, ты пойми. Я бы, может, ни за что на это не пошел, если бы Пальчик, раньше еще, не рассказал мне про их с Настей историю любовную. Там страсти прям шекспировские! Он же Настюхиного ухажера, соперника своего, практически убил. Когда в отпуск ездил. В Челябинск свой.

— Че-е-го-о? В какой такой отпуск? Чего ты несешь?

— Ну, отпуск. Обычный. Его представляли в прошлом году. За бдительность. Десять суток без дороги. За пресечение подготовки к нару-

шению границы. Ухарем одним штатским. Так он мне объяснял...

— Ты меня рассмешить собрался или как? Пальчик? В отпуск? Какое на хрен пресечение? За какую, к чертям, бдительность? Да начальник его с заставы дальше бани и не выпускал никогда. И автомат в руки давать не велел. От него, вахлака такого, чего хочешь ожидать можно! Даром, что ли, мы все его на кухне терпим? Ты до сих пор не въехал, милый?

Пришло мое время открыть рот. Досадно было терять вялую надежду на самооправдание, и я несмело спросил:

— Серега, ты гонишь?

— Это не я гоню, это ты тормозишь, парень!

— Да как же так, слушай? Ведь он мне так достоверно... До мельчайших...

— Зорик, вникни. Вова Пальчик — хлопец куда более серьезного кроя, чем тебе привиделось спервоначалу. Это тебе не Танцура с его «сапогами». Поэтому стряхивай лапшу, что он тебе навешал, с доверчивых своих ушей и хватайся за телефон. Надо пытаться вернуть его срочно. Иначе беды не миновать.

Я бросил безвольные руки на стол и уронил на них голову.

03 ч. 30 м.

— Алло, Олег? Привет еще раз. Ну, чего скажешь, как там дела обстоят?

— Уехал, блин! Уехал твой бандит! Он, тварь, похоже, нос мне сломал!

— Чего? Нос? Как сломал?

— Да погоди ты! У меня кровь течет. Позже позвоню...

Связь оборвалась. Из казармы вышел Серега. Уже в сапогах и гимнастерке.

— Что, спать не будешь совсем?

— С вами уснешь...

— Он Кузнечнику нос разбил.

— ?

— И ускакал назад, на заставу.

— Вот о чем я и говорил. Дай бог, если на заставу. А с девушкой что, не знаешь?

— Подробности письмом. Олег обещал еще раз перезвонить, надо ждать. Вот тоже, втянули пацана в историю с географией. Как кур в ошип попал он с нами...

— С вами.

— Ну, пускай с нами. А тебе, видать, по хрену метель? Друг, называется.

— Да нет, я к тому, что хорошо, если только Олехиным разбитым носом все и закончится. Только я не больно-то в это верю.

— Ну, тогда и «не вейся, черный ворон». Не накаркивай!

— Не ищи, Зорик, крайнего. На себя злись. Пойду покурю.

Я выскочил за ним на крыльцо:

— Дай мне тоже сигаретку.

— С ума сошел?

— Дай, ладно, а то меня аж подтряхивает изнутри. Курево, говорят, успокаивает?

— Ну, конечно! Это что тебе, морфий? Иди сиди у аппарата, слушай звонки.

Покулив, Серега сходил в казарму и принес из какой-то заначки жареных семечек в газетном кулке. Мы молча, как две белки, принялись их шелушить, неотрывно глядя на телефон.

04 ч. 20 м.

Наконец-то зажегся красный тумблер.

— Да, — сказал я осипшим голосом.

— Алёу, Балоберов?

— Да я! А кто говорит, не узнаю?

— Это Олег. У медя просто томподы в досу. Шас выду.

Я кинул Сереге наушник, спаренный с телефоном.

— Зорик, короче, так. Прослушку я заблокировал, буду говорить открытым текстом. Этот твой урод, двадцать первый Пальчик, передай ему, как придет, стопроцентно попадает под раздачу кренделей! Мордобоя ему не миновать! Это — раз! Второе — еще и за невесту не мешает ему бока наломать. Как он с ней обошелся, это осмыслению не поддается!

— Олег, прошу тебя, давай по порядку. Ведь он, если и придет, толку что? Будет молчать, как Герасим. То мы не знаем!

— Да тут все прямо как в сказке! Врывается в нашу тихую лесную избушку этакий разбойник. Тать ночной! Весь мокрый, без фуражки, волосы слиплись... Ни здравствуй, ни прощай, а с ходу рычит: «И где?!» «Успокойся, — говорю, — служивый. Сейчас провожу». Ну и повел его в учебный класс. Пропускаю вперед, а сам притормаживаю в дверях. Ну, мало ли. Для контроля, как ты просил. Она сидит за партой, подшивку листа. Разделась, причесалась — взаправду девка красивая, улыбается. Молчат, друг на друга смотрят. Вот тут она медленно так встает к нему

навстречу — и боже ты мой!.. Не только он, похоже, но и я-то обалдел! Да у нее живот!!! Пока в плаще была, я и не заметил ничего, а тут...

— Да ты что! — вырвалось у меня.

— Вот! Да и беременность-то серьезная. Месяцев шесть, не меньше.

— Это не от него, Олег. Они два с половиной года не виделись.

— Иди ты! Вот это девка! Смелая какая. Не забоялась, гляди, с чужим «арбузом» приехала... Одним словом — немая сцена. И вдруг она громко так, словно спешила, что ее перебьют: «Молчи, Володя, и слушай! Я приехала только для того, чтобы сказать: я тебя люблю! И никого другого! И буду ждать только тебя! И знаю, ты ко мне приедешь! В Челябинске я больше не живу. Адрес мой новый получишь по почте. Вот и все, мой дорогой...»

— А он?

— Ни слова! Постоял, плюнул под ноги, развернулся — и на выход. Я стоял в дверях и никак не ожидал ничего такого. А он, со злости, видно, сука такая, хрясь мне по носу — я и отлетел. На лошадь — и нет его! Прямо наваждение какое-то...

— А Настя?

— Ушла к себе на постой. Хотели проводить — отказалась. Мол, тут совсем недалеко. Плакала, конечно. Оделась и ушла. Как будто и не было ничего. Говорю же, прямо как в сказке! Я и сам не могу поверить, Зорик, что так бывает. Любовь и вправду, знать, не картошка. Не выбросишь в окошко, а поедешь за ней и в тридевятое царство-государство. Ну, ладно, будем заканчивать. Теперь ты его принимай там. Все, брат, отключаюсь.

— Спасибо тебе, Олег!

— Да ладно, чего там. Давай, до связи.

— До связи, брат.

Я положил трубку, Серега сбросил наушник. Мы смотрели друг на друга и снова молчали. Ну а что тут скажешь?..

05 ч. 10 м.

Когда в дежурку, собрав в кулаке разорванный рукав гимнастерки, ввалился Пальчик с разодранной в кровь щекой, мокрый, весь в грязи и без фуражки, я обездвижел. Сердце мое провалилось в живот, и предчувствие неминуемой беды ввергло меня в ступор безразличия и апатии. Я даже не встал с места, а молча наблюдал за происходящим, нервно тряся коленкой.

— Чего? — вскинулся к нему Серега.

— Мужики, похоже, что случился полный! — он перешел на Васин лексикон.

— Конкретней!

— Я Смелую изуродовал.

— Это как?!

— Ну, так... Вышло вот... Вася говорил мне «не гони», а я, вишь, старался успеть к четырем часам. Как обещал.

— И что?

— Вот и пустил ее в галоп, перед самой заставой уже. Перед ручьем, где старая лежневка, она уж сгнила там почти. Этот мосток еще в прошлом году перебирать хотели.

Я с дурной головы совсем забыл, что он хлипкий такой. Жерди там поперек постелены. Смелая на полном скаку влетает задними ногами в пролом, жерди проваливаются и мы — юзом! Я вскочил, кровь по морде, рука... И она тоже вскинулась, по горячке-то... Подхожу, — Пальчик всхлипнул, — а у нее правая задняя переломлена ниже колена. Кость видать. Тяну — не идет. Не может... Зорик, прости, брат. Всех, блин, я вас под монастырь подвел...

Уцелевшим мокрым рукавом он размазывал слюни, слезы и кровь по грязному лицу:

— Она стоит там, у периметра, на трех ногах. Не стал и привязывать. Чего делать-то, а? Мужики?.. — его трясло.

— Первое, — ко мне возвращалось самообладание. Я стянул с руки красную повязку и отстегнул от ремня штык-нож: — Сереж, принимай дежурство. Второе: Пальчик, соберись, сей же час идем к Василь Трентичу. Это будет нам с тобой, думаю, первое мытарство перед концом света. Идем!

05 ч.40 м.

Мы втроем движемся к месту катастрофы. Впереди, кашляя от остервенелых махорочных затажек, крупно шагает Василий, изредка зыркающий на нас суровыми очами. Следом мы с Пальчиком, словно две побитые собаки, плетемся сзади, исподлобья глядя в его рыжий стриженный затылок. Пересказывать то, что происходило на конном дворе, когда мы заявили его будить, нет никакого резона. Для этого надо было бы испещрить пятизначными отточиями страницы три, если не больше. Смелая была всеобщей любимицей. А вот почему мне раньше времени подумалось «была», я понял, когда мы к ней подошли.

Смелую била мелкая дрожь. Шкура лошади была влажной, как бы отсыревшей, словно кожа у больного, горячечного человека, сплошь покрытого испариной. Повод мотался по земле, седло сбито набок, невдалеке валялся аккумуляторный фонарь с разбитым стеклом отражателя. У Смелой вокруг зрачков и лиловой радужки белая кайма глазных яблок покраснела и стала шире, отчего глаза были, казалось, навывкате. Правая задняя нога, пониже коленного сгиба висела, естественно извернувшись, и сквозь прорванную шкуру обнажалась желтоватая, с неровным оскольчатый сломом, кость. Левая же нога, поддерживающая заднюю часть корпуса, в коленном сочленении была заметно распухшей. На одной этой опоре держать тяжелую половину крупы было, видимо, нестерпимо больно, и Смелая пыталась время от времени на ней подпрыгивать, ища хоть какого-нибудь облегчения.

Вася приник щекой к ее морде, потрепал ладонью по гордой шее:

— Ну, ладно, ладно, моя ты золотая. Не бойся, ласточка-касаточка, не бойся. Все будет хорошо, помогу я тебе, помогу... Вылечим копытце твое серебряное...

Смелая негромко фыркнула трепетными губами, будто прося скорейшей подмоги от самого близкого ей человека. Он присел на корточки и долго смотрел на перелом. Ощупал другую, на вид целую, ногу, нажимая на опухоль. Смелая от болезненных прикосновений слабенько всхрапывала.

— И на этой ноге трещина на полном серьезе, — сказал он, доставая махру. Помолчал, крикнул и добавил: — Выход здесь вижу только один — «в расход!» Идите докладите капитану.

И повернулся к нам спиной.

06 ч.30 м.

На наш звонок из дверей выглянула в наспех накинутом халатике Анна Васильевна. Взглянув на Пальчика, она даже забыла, что надо ответно поздороваться. По-бабски прижав тыльной стороной ладонь ко рту, словно удерживая вскрик, она как-то боком скрылась в сенях. Мы услышали только затухающее: «Ва-ня-я!»

— Ты чего мне наплел тогда в столовой, барон Мюнхгаузен? — сквозь зубы спросил я Пальчика.

— Не заморачивайся, брат. Это был лишь сон. Сладостный сон.

Через минуту на пороге появился сам хозяин.

Он был в галифе на подтяжках, в синей нижней фланелевой рубаше и домашних тапочках

— Здравия желаю, тащ капитан, — козырнув, тускло начал я.

Так же, не отвечая на приветствие, он ткнул в мою сторону указательным пальцем:

— Кто на посту?

— Рядовой Лузянин.

— Так, — он еще раз с прищуром оглядел Пальчика с ног до головы и махнул мне: — Зайди! — И пошел в дом.

Пальчик, ссутулившись, остался стоять, закрывая грязной ладонью рану на щеке.

На веранде пахло влажным стиранным бельем, что по диагонали болталось на провисшем шнуре. Пока я, пытаюсь не растерять хронологической связности, докладывал капитану события ночи, честно не умаляя и не замалчивая своей вины, тот нервно мотался по веранде, задевая головой белье и сбивая половичок. Он уходил в комнаты, тут же возвращался и снова уходил, и, казалось, слушал меня краем уха. В мой исповедальный рассказ он только резко вставлял, походя: «Так. Откуда? Дальше! Зачем? Без лирики! Чей? Оружие? Хорошо. Где?..»

За время этого «пулеметного» допроса он принес и натянул сапоги, в другой раз вышел уже в гимнастерке, затем в фуражке. Я понимал, что все эти его метания нужны лишь затем, чтобы скрыть нервическую внутреннюю дрожь от ожидания услышать от меня что-то такое, чего поправить, а тем более вернуть уже будет нельзя.

Из-за дверного косяка виднелась часть белокурой головки тети Ани. Она прекрасно понимала, что хороших новостей в такую рань не приносят.

Капитан сорвал с вешалки ворох ремней и, на ходу продевая португепю под погон и подпоясываясь, шагнул к выходу, бросив мне:

— Веди давай, Сусанин сраный.

Проходя мимо Вовки, кэп, не останавливаясь и не достаивая того даже взглядом, прошипел:

— Пошел вон, сукин сын! — и уже из-за спины:

— В изолятор! До моего особого распоряжения!

За ромбовидными стеклами веранды маячила фигура тети Ани в распахнутом цветастом халатике.

06 ч. 50 м.

Завидев капитана, Смелая мотнула мордой и фыркнула. Ее надежды на помощь и облегчение, похоже, увеличивались. Рядом столько близких

и хорошо знакомых ей людей, с которыми связана вся ее жизнь и судьба. Ну разве могут они оставить ее сейчас, когда ей так нестерпимо больно? Разве не помогут они вернуть все на свои места? Так, как было раньше? Но, может быть, сейчас, вот сейчас, Василь Трентич поправит на ней седло, перетянет потуже подпругу, закинет за луку поводья и, встав перед самой мордой, громко хлопнет в ладоши, сопровождая знакомый жест знакомым же матерком! И тогда она, собрав в точку все четыре копыта, радостно выдаст «на гора» элегантную цирковую «свечку» и легко сделает на изящных своих, точеных и сильных задних ногах, полный, в триста шестьдесят градусов, фирменный оборот. Такой, от которого взвизгивала Люся-лейтенантша и которому аплодировали молодые «кавалеристы».

Вася снял с лошади седло и пучком листвы отер под ним липкий пот. Капитан, припав на одно колено, долго вглядывался в страшную рану, храня угрюмое молчание. Поднялся, отряхнул бриджи и взял Василия за рукав. Они отошли. Смелая в недоумении повернула голову ко мне. Я не отваживался смотреть ей прямо в глаза. Они, эти страдальческие глаза, говорили все, что подобало бы мне услышать от нее на человеческом языке. В этом взоре не было упрека, но лишь сожаление и укор. Взгляд, от которого я не знал, куда мне деть руки, да и самого себя.

Отделившись от Васи, подошел капитан и встал напротив меня почти вплотную. Под его взглядом я вытянулся по стойке «Смирно!».

— Слушать мою команду, — сказал он негромко, но напористо, одернув на себе гимнастерку. — Властью, данной мне командованием отряда, за преступную халатность при исполнении воинского долга и попытку укрывательства нарушения воинской дисциплины объявляю вам, рядовой Маловеров, десять суток гарнизонной гауптвахты с отбыванием в камере одиночного содержания, чем автоматически аннулируется объявленное ранее поощрение в виде отпуска на родину. Срок исполнения наказания я определю позже. А вот сейчас, — он перешел почти на шепот, — ты, негодник, эту кашу заварил — тебе и расхлебывать. Что требуется конкретно?

Первое: марш в казарму за автоматом. Второе: необходимо точно и быстро, насколько возможно, облегчить Смелой ее земные страдания. Это понятно?

— Так точно, — тоже шепотом ответил я.

— И третье: ни в коем случае не собакам! Только захоронить! Здесь же. Место надо остолбить. Хотя... Эту сосну трудно не заметить. Будем поминать, проезжая... Об исполнении доложить мне немедленно!

Капитан сбивался с тона командирского на общечеловеческий и обратно. Он страдал. Известно ведь — не страдает лишь тот, кто ни к чему не привязан. Помолчав, повернулся в сторону Смелой одной лишь головой. Можно было бы, наверное, отбыть по-английски, что не выдало бы его слабости в присутствии подчиненных. Но те отношения и та любовь к Смелой, что жили в душе, не позволяли ему уйти, не сказав своей верной выездной лошадке последнего «прости». И он презрел условности. Медленно подошел, обнял ее грустную обреченную голову и просто заплакал, вздрагивая плечами. Пригнув трепетное ухо к своим губам, шептал какие-то прощальные слова, чрезвычайно важные для них обоих. Затих и уткнулся лбом в коричневую скулу, в мокрую дорожку от лошадиных слез. Смелая плакала вместе с ним, прощая своего хозяина за это невыносимо тяжелое для них обоих решение. Все она, бедная, понимала...

Капитан, пересилив тяжкую минуту, выпрямился, поцеловал Смелую в звездочку на лбу и, не оглядываясь, пошагал к дому. Василий, постояв в молчании, кашлянул, вскинул на плечо седло и тоже ушел. Я не смел пошевелиться.

07 ч. 35 м.

Грузной поступью, неся на плече неодолимой тяжести автомат, шел я к месту казни. Я боялся так, что ходуном ходили и руки мои, и колени. Мне впервые предстояло стрелять не в глупую и бесчувственную мишень, а в живое думающее и страдающее существо, которое было мне совсем не чужим. Чтобы унять это нервическое подтряхивание, пришлось долго успокаиваться, стоя спиной к Смелой. Держать ее взгляд было невыносимо. И все это время в голове моей неотступно крутилась не ясно где ранее слышанная фраза. Может быть, из какого-то вестерна: «Никогда не стреляй в лошадей, малыш! Они не в ответе за негодяев, что их прищипоривают!»

08 ч. 00 м.

Но приказ есть приказ! И его следовало исполнить неукоснительно. Оставим за скобками, как это было... Одно скажу.

Я убил ее с первого выстрела.

Валерий Геннадьевич МОРОЗОВ

родился в Сибири.

Окончил Ленинградскую Высшую профсоюзную школу культуры,

обучался на сценарном факультете ВГИКа.

Печатался в журналах «Русский Дом», «Московский журнал»,

«Православный паломник» и др.

Автор книги «Снепогодъ» (повесть, рассказы)

и поэтического сборника «Черный лебедёнок».

Член Союза писателей России.

Живет в Ногинске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

